

4 РУССКАЯ РЕЧЬ 1982

ИЮЛЬ Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

АВГУСТ

В номере:

К 125-летию со дня выхода «Колокола»

В. П. Вомперский. «Зову живых!» 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О. И. Коурова. «Элизы, Климены, Филисы» 9

Е. А. Некрасова. Слово и образ в поэзии
М. Ю. Лермонтова 14

К. Г. Попов. «Эпитет должен запоминаться» 21

М. Л. Новикова. Метафора и текст 25

К 60-летию образования СССР

«Мы сильны одной могучей речью...» 31

РУССКИЙ ЯЗЫК В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ.

Р. Ю. Вянсайте. Русский язык в Литве 38

ЯЗЫК ПРЕССЫ

Г. Я. Солганик. Что такое «язык газеты»? 41

С. А. Пугач. Д. И. Писарев о научно-популярном
изложении 46

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Радиопередаче «В мире слов» — 20 лет

Ф. П. Филин. Самая большая аудитория 51

З. Н. Люстрова. Другьям русского языка адресованная 53

В. А. Белошанкова, И. В. Галактионова.
О видах выражения согласия 59

В. М. Ненько. Современное русское ударение и
словари 62

Т. И. Антонова. «В смысле...» 67

А. П. Чудинов. «Его ушли» 70

БЕСЕДЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ	
Ф. М. Березин. Русский язык и наука о нем	73
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ	
Константин Федорович Калайдович (1792—1832)	79
Борис Михайлович Ляпунов (1862—1943)	84
СРЕДИ КНИГ	
Школьный толковый словарь русского языка	88
<i>Ю. А. Карпенко.</i> Названия звездного неба	89
<i>Е. М. Поспелов.</i> Топонимика в школьной географии	91
РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
В. П. Абрамов. Русский язык в Индии	93
ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ	
В. В. Жигунов. «На рѣцѣ на Каяль...»	98
Л. А. Владимирова. Сказки в деловой письменности XVII в.	102
А. М. Камчатнов. Философская терминология в Изборнике Святослава 1073 г.	107
РУССКИЕ ГОВОРЫ	
О. Д. Кузнецова. Морюшко, море синее...	112
ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА	
С. Н. Азбелев. Два Ермака в русском фольклоре	118
НА КАРТЕ РОДИНЫ	
Э. М. Мурзаев. Сырт	121
М. В. Горбаневский, В. Ю. Дукельский. Владимир — Орехово-Зуево	125
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	
Г. А. Богатова. От булавы к набалдашнику	130
Л. И. Балахонова. Хлеб — всему голова	134
А. А. Брагина. «Хлебные» слова: зерно, мука, тесто	138
И. М. Мальцева. Пирожное, пирог	144
Н. Н. Полякова. Пиво на Руси	149
В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий	153
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	
Письма читателей о русском языке	155
Кроссворд	128

На обложке: Рисунок Б. Захарова

К 125-летию
со дня выхода «Колокола»

«ЗОВУ

ЖИВЫХ!»

В 1853 году в Лондоне начала свою деятельность вольная русская типография, основанная А. И. Герценом с помощью политических эмигрантов из России. Герцен создал то, о чем мечтал еще на родине — трибуну, с которой обращался с вольным словом к народу. Быть полезным своей родине, способствовать подъему русского национального самосознания, «разбудить дремлющее сознание народа», готовить русскую революцию — эти задачи поставил Герцен перед вольной типографией. В извещении об ее открытии он писал: «Нам, русским эмигрантам, покинувшим родину из-за любви к ней, следует создать свободную трибуну русской речи за пределами России! . . . Основание русской типографии в Лондоне является делом наиболее практически революционным, какое только русский может предпринять в ожидании исполнения иных лучших дел».

Первым произведением, напечатанным в типографии, была революционная прокламация «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству». Герцен посвятил ее главному злу русской жизни — крепостному праву, писал об усилившейся борьбе крестьян против крепостников.

С 1855 года Герцен стал издавать литературно-политический альманах «Полярная звезда». Было издано 8 книг альманаха. Последняя книга вышла в 1868 году. Начиная с третьей книги, в издании альманаха стал принимать участие друг А. И. Герцена Н. П. Огарев.

В передовой статье альманаха Герцен писал, что издание посвящено «вопросу русского освобождения и распространения в России свободного образа мыслей». На титульном листе был помещен эпиграф «Да здравствует разум!..» из «Вакхической песни» А. С. Пушкина, на обложке — профили казненных декабристов П. И. Пестеля, К. Ф. Рыльева, М. П. Бестужева, С. И. Муравьева, П. Г. Каховского. Этим устанавливалась преемственность традиции с альманахом декабристов, который назывался так же.

«Полярная звезда» Герцена и Огарева была первым бесцензурным повременным изданием русской демократии, сыгравшим выдающуюся роль в воспитании революционеров в России. Успех был огромный. «Полярная звезда» тайно привозилась в Россию и читалась с неослабевающим интересом, но альманах выходил только один раз в год. Для более успешной борьбы с самодержавием и крепостничеством Герцен и Огарев решили приступить к изданию нового печатного органа, который мог бы быстро и своевременно откликаться на злобу дня, обсуждать важнейшие социально-политические вопросы жизни России.

Это была газета «Колокол». Первый ее номер, небольшой по своему формату, на тонкой бумаге, хорошо приспособленный для нелегального распространения, вышел 1 июля 1857 года. Объем газеты был от 8 до 16 страниц, ежегодно выпускалось в свет от 20 до 34 номеров. В годы революционной ситуации 1859—1861 годов тираж ее достигал 2500 экземпляров.

Девизом газеты были слова Ф. Шиллера из «Песни о колоколе» «Vivos voco!» («Зову живых!»). В извещении о выходе газеты Герцен писал: «„Колокол“ будет звонить, чем бы ни был затронут, пелепым указом, или глупым гонением раскольников, воровством сановников или невежеством сената. Смешное и преступное, злонамеренное и невежественное — все идет под „Колокол“».

В. И. Ленин дал высокую оценку общественно-политического значения вольной печати Герцена. В статье «Памяти Герцена» он писал: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — и в этом его великая заслуга. «Полярная звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 258—259).

Если охарактеризовать тематику выступлений «Колокола», то газета печатала статьи о революционном движе-

нии в России и о крестьянских волнениях, о декабристах, революционерах-демократах Н. Г. Чернышевском и Н. А. Добролюбоме, помещала материалы об отдельных революционных организациях и оппозиционных выступлениях, о студенческом движении в Московском, Петербургском, Харьковском, Киевском и Дерптском университетах.

Внутренняя политика русского царизма находилась в центре внимания газеты. Здесь публиковались материалы о положении крестьян в России, о реформе 1861 года, обличались царское законодательство, суд, местное самоуправление, деятельность Николая I, Александра II, злоупотребления в финансовой системе, политические преследования революционеров, сыск и шпионаж III отделения, телесные наказания.

«Колокол» печатал статьи по национальному вопросу, о положении национальностей в России, о польском восстании 1863 года, о немецкой правящей группе в царском правительстве.

Важное место в «Колоколе» занимали статьи, письма, заметки, документы революционных подпольных организаций, секретные правительственные постановления, материалы по истории русского освободительного движения, поступавшие в редакцию от широкой сети тайных корреспондентов.

В «Колоколе» выступали писатели, публицисты, общественные деятели, критики, представлявшие различные оппозиционные настроения в России и в эмиграции на основе широкой программы социально-политических преобразований — от революционеров-демократов, народолюбцев, социалистов, опальных декабристов и петрашевцев до земских либеральных деятелей и крупных правительственных чиновников. В «Колоколе» участвовали деятели итальянского освободительного движения Дж. Гарибальди, Дж. Мадзини, французские писатели, историки, социалисты, такие, как В. Гюго, Ж. Мишле, П. Прудон и др.

Почти каждый русский, бывавший за границей, считал своим долгом посетить Герцена, его вольную типографию. В редакции «Колокола» были писатели П. В. Анненков, И. С. Аксаков, Ф. М. Достоевский, А. Ф. Писемский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, актер М. С. Щепкин, художник А. А. Иванов, врач С. П. Боткин, журналист М. Н. Катков и многие другие.

Вопросы литературы и искусства были подчинены задачам революционной агитации и разоблачения политики

даризма. «Колокол» печатал «Размышления у парадного подъезда» Н. А. Некрасова, стихотворение М. Ю. Лермонтова «Увы! Как скучен этот город...», неопубликованное в России, обличительные стихи Н. П. Огарева, М. Л. Михайлова, П. И. Вейнберга, В. Р. Зотова. В газете публиковались главы из романа Герцена «Былое и думы». В литературно-критическом ее отделе с позиций революционной демократии оценивалось творчество русских писателей Некрасова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Гончарова.

Редакция получала такое большое число корреспонденций, писем, статей из России, что газета не могла поместить на своих страницах этот обильный поток материалов. С 1859 года начали выпускать особое приложение к «Колоколу» под названием «Под суд!». Статьи либерального содержания, не подходившие в газету по своему направлению, печатались в сборниках «Голоса из России».

Успех «Колокола» в России превзошел все ожидания. «Колокол» читали всюду — на студенческих сходках, в крестьянских избах, в домах либеральных дворян, в министерских канцеляриях и даже в Зимнем дворце. Вольная печать Герцена проникала во все слои русского общества. Люди, принадлежавшие к различным социальным слоям и имевшие различные политические взгляды, — все сходились на признании исключительной роли «Колокола» в общественной жизни России 60-х годов.

В. И. Ленин отметил, что на вольной печати Герцена воспитывалось новое поколение революционеров в России, идущее за поколением дворянских революционеров. «Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *разночинцев*, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 93—94).

Успех «Колокола» в значительной мере объяснялся громадной ролью, которую играл в нем Герцен. Печать яркой творческой индивидуальности Герцена — выдающегося писателя, блестящего публициста, замечательного философа — лежит на всем облике издания «Колокола». И. В. Анненков писал о Герцене, что это был «необычайно подвижной ум, переходивший с неистощимым остроумием, блеском и непонятной быстротой от предмета к предмету, умевший схватить и в складе чужой речи, и в прос-

том случае из текущей жизни, и в любой отвлеченной идее ту яркую черту, которая дает им физиономию и живое выражение. Способность к поминутным неожиданным сближениям разнородных предметов, которая питалась, во-первых, тонкой наблюдательностью, а во-вторых, и весьма значительным капиталом энциклопедических сведений, была развита у Герцена в необычайной степени. Неугасающий фейерверк его речи, неистощимость фантазии и изобретения, какая-то безоглядная расточительность ума приводили постоянно в изумление собеседников» (Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960).

Излюбленные жанры, с которыми Герцен выступает в «Колоколе», — статья на политическую тему, памфлет, фельетон, сатирическая заметка. И эти малые жанры «Колокола» демонстрируют неповторимость индивидуально-авторского стиля писателя и мыслителя, выявляют художественно-идеологические, эстетические и лингвистические качества стиля как словесно-речевого единства, принадлежащие только Герцену.

Вот, например, как в экспрессивной направленности повествования, в речевых формах убеждения, в историко-литературных и социальных образах и ассоциациях, в образе автора как носителя общественных идеалов выражается стиль Герцена-публициста. В статье «Через три года» (1858 г.) Герцен пишет о крепостниках: «Посмотрели бы мы, право, au grand jour (при свете дня (франц.) — В. В.) на этих защитников розог и крещеной собственности, забрызганных кровью жертв, на этих грабителей по дворянской грамоте, на этих людокрадов, отнимающих у матерей детей, торгашей, продающих девок, барышников рекрутами. Выходите же на арену — дайте на вас посмотреть, родные волки великороссийские, может, вы поумнели со времен Пугачева, какая у вас шерсть, есть ли у вас зубы, уши?.. Выходите же из ваших тамбовских и всяческих берлог — Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пеночкины, попробуйте не розгой, а пером, не в колючие, а на белом свете высказаться. — Померяйтесь!».

Ведущая роль в развитии русского литературного языка второй половины XIX века, его лексической и фразеологической системы принадлежит общественно-публицистическому стилю. «Влияние общественно-публицистического стиля на выработку общих норм литературного словоупотребления связано с тем, что понятие «литературности языка» обособляется от понятия «художественности

выражения» и система «общей» литературной речи резко отделяется от поэтических стилей и находит себе стилистическую и идеологическую опору в языке научной и газетно-публицистической прозы» (Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX в. М., 1938). И в этом процессе роль газеты «Колокол» очень велика.

Обращение к народу в статьях газеты вызывало необходимость особого отбора лексики и фразеологии, стилистической организации речевых средств. Публицисты активнее использовали богатство живой народной речи, как просторечной, так и диалектной, и тем содействовали нейтрализации отдельных лексических и фразеологических элементов в общей системе литературного языка. В «Колоколе» нашли свое отражение новые способы толкования некоторых общественно-политических, философских терминов, имеющих мировоззренческое значение и отражающих социальное кредо революционной демократии (ср. историю слов *марксизм, марксист, социализм, социалист, агитация, агитатор* и т. д.). Новые словоупотребления, родившиеся в революционной публицистике, в том числе и в «Колоколе», начали занимать доминирующее положение в системе русского литературного языка.

В. П. ВОМПЕРСКИЙ

Речь наша полна жгучего и горького яда от долгих лет немного страдания; все мучившее нас с детских лет, все оскорблявшее, унижавшее нас возшло в наше слово... в нем остался и плач женщин, обесчещенных своими помещиками, и стон засеченных стариков, и звук цепей, в которых шли в Сибирь наши лучшие певцы, наши лучшие друзья.

Мы на чужбине начали открытую борьбу словом в ожидании дел.

Слово по той мере только и важно, по какой оно ведет к делу.

Слово наше — зов, это — дальний благовест, возвещающий вам, что заутреня народного воскресения начинается и для Руси. Он будет беспрестанно раздаваться до тех пор, пока звон его превратится в набат или в торжественное ликование победы.

А. И. Герцен

**ЯЗЫК
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

В начале XIX века на смену тяжеловесным, величественным одам и гимнам классицизма явилась нежная, легкая, грустная лира поэтов-романтиков К. Н. Батюшкова, А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского, В. А. Жуковского, Н. М. Языкова, молодого А. С. Пушкина и др.

Обратимся к их стихам:
...Под звук свирели плясовой,
Среди полей, рука с рукой,
Кружатся юноши и девы,—
Вмешавшись в резвый хоровод,
Хариты, ветреный Эрот,
Дриады, фавны пляшут с ними
И гонят прочь толпу забот
Воскликновеньями своими.

Баратынский. Лида

Что до богов? Пускай они
Судьбами управляют мира!
Но я, когда со мною лира —
За светлы области Эфира
Я не отдам златые дни...

Дельвиг. Поэт

В них мы видим традиционный набор поэтических средств, который поэтами именовался «языком богов», «избранными цветами поэзии».

Привычными словами, взятыми из готового словаря, легко создавался стандартный портрет «дев красоты», «лукавых прелестниц»: «стройный стан», «душистые кудри» (Баратынский), «взор пламенный», «глас сладостный», «небесные черты богини красоты» (Батюшков), «ланит и персей жар и нега, И томный

*Дливы,
Длижены,
Длишевы...*

Наблюдения
над условно-поэтическими
именами в русской литературе
XIX века

блеск... очей» (Языков), «златых кудрей приятная небрежность, Небесных глаз мечтательный привет, звук сладких уст» (Дельвиг) и т. д.

Поэтические имена служили средством создания условного образа возлюбленной поэта, как правило, лишенного каких бы то ни было индивидуальных черт.

Не для нее прямое чувство:
Одно коварное искусство
Я вижу в Делии твоей;
Не верь прелестнице лукавой!
Самолюбивою забавой
Твои восторги служат ей.

Баратынский. Д-гу

Во имя Делии прекрасной,
Во имя пламенной любви,
Тебе, летушь сладкогласной,
Дарю свободу я.— Лети!

Дельвиг. К птичке, выпущенной на волю

Узкий круг эпитетов подчеркивал эту особенность: «ветренная Лила» (Баратынский), «Делия прекрасная» (Дельвиг), «Алина милая» (Раич), «ветренная Лаиса» (Коншин) и т. п.

Условность поэтического имени собственного, обозначающего обобщенный образ «девы любви», особенно заметна, когда вместо формы единственного числа авторы используют форму множественного:

Армиды Тассовы, Лаисы наших дней
Улыбкою любви меня к себе манили.
И сердце юноши быть ветреным учили.

Карамзин. К неверной

В объятиях ветреных Лаис
Любить способность онемела;
Страсть к славе, к жизни охладела,
Желанья роем унеслись!

Коншин. Е. А. Баратынскому

На употребление условных имен собственных, как и традиционных поэтизмов, ориентировали в конце XVIII — начале XIX веков словари, учебные пособия, риторики. Например, автор «Любовного лексикона» пишет, что в текстах, в речи «...потребны все притворства, муки, терзания и стихи: в коих в начале, надлежит жаловаться на злобный рок и на жестокую судьбину» (Любовный лексикон.— 1779), «стихотворцам всегда милы вымыслы; естли и ныне

кто льстит не стыдясь, то назвав красавицу Венерою, может в восторге закричать: «Все прелести в глазах сияют! И Грации во круг летают!» — и далее рекомендует: «Елизы, Климены, Филисы, не всегда в стихах занимают место любимых особ; но таких любовниц, не для чего иного вымышляют, как вперед для запаса. Их можно после распределить и по живым красавицам». Как видим, автор «Лексикона» не видит разницы в употреблении традиционных поэтизмов и условных поэтических имен собственных.

По своему происхождению эти имена, в основном, заимствованные. Их можно встретить в стихах античных поэтов (Горация, Вергилия, Овидия и др.), в произведениях французской литературы (Парни, Мильвуа и др.). Связано это явление с общим процессом европеизации русской культуры, достаточно активным в конце XVIII века. В стихах русских поэтов заимствованные имена собственные, оторванные от родной почвы, приобретают еще большую условность, так как служат для обозначения абстрактных женских лиц.

Некоторые традиционно-поэтические имена своим появлением обязаны мифологии. Например, Климена — в мифологических словарях объясняется как имя одной из океанид, часто встречающееся в мифах (жена Прометея, мать Фаэтона). В стихах А. А. Дельвига это имя утратило прежнюю тесную связь с мифологией и выступает в роли условно-поэтического собственного, как и имя Дафна в стихах Е. А. Баратынского:

Бойся строгого Гимена!
За решеткой и замком
Знает разницу Климена
Быть в венке и под венцом.

Дельвиг. Призвание

...При гуле струн, в безумном вальсе мча
То Делию, то Дафну, то Лилету
И всем троим готовый сгоряча
Произнести по страстному обету;
Касаясь душистых их кудрей
Лицом моим; объемя жадной дланью
Их стройный стан; — так! в памяти моей
Уж не было подруги прежних дней,
И предан был я новому мечтанью!

Баратынский. Оправдание

Нередко в стихах имена героев западноевропейской литературы, мифологические, условно-поэтические так тесно переплетены, что их трудно отделить друг от друга. Этот факт говорит об общности их стилистических характеристик:

Помнишь, Евгений, ту шумную ночь (и она улетела),
Тогда мы с Амуром и Ваххом
Тихо, но смело прокрались в терем Лилеты? И что же!
Бессмертные нам изменили!

Дельви и г. Евгению

Привычка обращаться к условно-поэтическим именам собственным так сильна, что в стихах, посвященных конкретному лицу, вынося обычное имя в название, поэты в самом тексте нередко вновь прибегают к условно-поэтическому имени собственному. Например, Е. А. Баратынский. Княгине З. А. Волконской.

...Но где не стыдно, может быть,
Герои, мира властелины,
Ваш Капитолий позабыть
Для капитолия Коринны.

Интересно отметить тот факт, что даже в перевод стихотворения «Завтра» французского поэта Э. Парни А. Бестужев-Марлинский вводит условно-поэтическое имя *Лилета*, которого не было в источнике.

Меня ты лаской забавляешь
И беспрестанно обещаешь...
Но обещанья, как листок,
Резвясь, уносит ветерок.
Ты всякий день твердишь, Лилета:
Приду я завтра до рассвета,
Но, как наступит мрачна ночь,
Утехи и любовь стыдливость гонит прочь...

Стандарт условно-поэтических имен собственных замечен был читающей публикой. Уже в 1784 году в «Собеседнике любителей российского слова» (ч. XIII, ст. 2) автор «Именотворителя» иронически пишет о том, что он набрал до семисот французско-русских имен для стихов и романов и предлагает свои услуги писателям. Таким образом, уже в конце XVIII века «находим мы пасмешки над тем, против чего принуждена была вооружаться... критика в 30-х годах XIX века» (Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х томах. М., 1950, т. I, с. 66).

Однако к середине XIX века, наряду с другими традиционными поэтизмами, условно-поэтические имена собственные уходят из активного словаря, что было связано с процессом демократизации русской культуры и развитием реализма в литературе.

Одним из тех, кто первым обратился к традиционно-поэтической лексике и фразеологии как к средству пародии, был А. С. Пушкин. В романе «Евгений Онегин» он, обращаясь к условно-поэти-

ческим именам собственным, гонко прописирует над словами подобно рода как приметой уходящего стили языка и пад теми, кто пользуется ими.

В молодости мать Татьяны Лариной пыталась придерживаться в своей речи этого сентиментально-романтического стили: Акульку именовала Селиной, «...бывало, писывала кровью Она в альбомы нежных дев, Звала Полиною Прасковью и говорила нараспев...» (Пушкин. Евгений Онегин).

Но со временем многое изменилось. И вот уже иронически — Филлидой — называет Евгений Онегин возлюбленную Владимира Ленского Ольгу:

Ах, слушай, Ленской; да нельзя ль
Увидеть мне Филлиду эту,
Предмет и мыслей, и пера,
И слез, и рифм et cetera?

В середине XIX века условно-поэтические имена собственные в реалистической литературе будут появляться, но уже редко и с определенной целью, например, для характеристики сентиментальных и ложно-романтических героев. Влюбленный Круциферский восклицает: «Да, будьте моей Алиной. Я безумно, страстно, восторженно люблю вас; ваше имя Любовь!» (Герцен. Кто виноват?).

Неслучайно М. Ю. Лермонтов отмечает склонность своего героя Грушницкого давать условные имена жепщинам, которые «имели счастье понравиться» ему (Лермонтов. Герой нашего времени).

Революционно-демократическая интеллигенция проявила особую непримиримость в отношении традиционно-поэтической лексики и фразеологии, достаточно сильно скомпрометированной малоодаренными поэтами. В. Г. Белинский называл эти слова и выражения «языком паркетной музыки», «бенедиктовщиной», «марлинизмом», Н. А. Добролюбов — «благозвучным пустозвонством», «альбомными побрякушками».

В статьях В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова находим замечания и в адрес условно-поэтических имен собственных: «Смешны теперь нам эти романические имена: Нина, Каллиста, Леония, Эмилия, Лилетта, Леон, Милон, Модест, Эраст; но... в них выразилась человеческая наклонность к романической мечтательности, к жизни сердца» (В. Г. Белинский).

Так вместе с большой группой традиционно-поэтических слов и выражений ушел из активного состава языка изящный, красивый, но условный мир «Фрин, Лаис, Климен».

О. И. КОУРОВА
Рисунок Б. Захарова

Слово и образ
В ПОЭЗИИ
М. Ю. Лермонтова

Одна из особенностей стиля М. Ю. Лермонтова — образы, переходящие из одного стихотворения в другое до тех пор, пока, наконец, не будет найдена для них языковая форма, в которой афористичность выражения сочетается с предельной искренностью (исповедальностью) лирического содержания. Приведем пример такой работы поэта:

Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил — и бог не спас!
Так сочный плод, до времени созрелый,
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз;
И час их красоты — его паденья час!..

Он был рожден для счастья, для надежд.., 1832

(Цитируется: Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4-х томах. Л., 1979).

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;...
Так тонкий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Дума, 1838

Здесь приведены два разительно сходных фрагмента из стихотворений, написанных поэтом в разное время. Но можно расширить круг таких сопоставлений:

И скоро старость приведет
Меня к могиле — я взгляну
На жизнь, на весь ничтожный плод —
И о прошедшем вспомяну...

Отрывок, 1830

И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия...

Гляжу на будущность с боязнью..., 1837—1838

Ничтожный плод → *ранний плод* → *сочный плод* → *тощий плод* — эта работа со словом, которую у других поэтов можно обнаружить в черновиках конкретных произведений, а у М. Ю. Лермонтова она распространяется на творчество в целом. Именно этим свойством творческого почерка поэта объясняется, например, наличие восьми в основном самостоятельных редакций поэмы «Демон». Видимо, этой же особенностью, связанной с предельно интенсивными поисками совершенной формы для возникшего художественного замысла, можно объяснить тот факт, что к раннему творческому периоду относится такой шедевр лирики Лермонтова, как стихотворение «Парус», написанное восемнадцатилетним поэтом. И в данном случае исследователи называют ряд стихотворений, в которых «отрабатывался» образный строй и смысловое наполнение этого произведения.

Итак, можно сказать, что шедевры лирики Лермонтова одновременно являются и завершением определенных образов, их максимально совершенной художественной реализацией. Монолитность художественного почерка Лермонтова, может быть, в еще большей степени обнаруживается и при сопоставлении отдельных, казалось бы, не связанных между собой произведений поэта, относящихся к вершине его творчества. Любой признанный шедевр лирики поэта может рассматриваться как сосредоточие ведущих мотивов его лирики, настолько предельно сконцентрировано там лирическое «я» поэта.

Если попытаться охарактеризовать специфику творчества

М. Ю. Лермонтова несколькими словами, то можно сказать так: его творчество отличает углубленное постоянство мотивов (тем) и масштабность их разработки. Рассмотрим с этой точки зрения одно из последних стихотворений Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...»

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

Композиционный строй данного стихотворения подчинен главной художественной задаче — созданию ощущения объемности эмоционального содержания: лирический герой утратил гармонию внутри себя, но остро ее ощущает в природе, погруженной в умиротворяющий сон. Обратим внимание, как поэт подчеркивает это,

оборвав на первом же слове — глаголе движения (*Выхожу* один я на дорогу...) — дальнейшие активные действия героя (вот перечень слов-сказуемых, связанных с его характеристикой: мне больно, трудно; жду ль, жалею ль; не жду, не жаль; ищу свободы и покоя; хотел бы забыться и заснуть; я б желал... заснуть). Внешнее развитие лирического сюжета прекращается и переключается на анализ эмоционального состояния героя. Заметим кстати, что такое восприятие окружающего мира, идущее вразрез с внутренним настроением личности, далеко не обязательно: вспомним хотя бы отношение к красотам Кавказа лермонтовского Демона («И все, что пред собой он видел, Он презирал иль ненавидел...»). Следовательно, дисгармония, отчаянье, разочарование — не постоянные свойства души, а итог жизненных осложнений, обстоятельств (обратим внимание: «*Уж* не жду...»). Применение гармоничной модели мира к себе — вот эмоциональное содержание стихотворения.

Именно такому образному заданию подчинен выбор и композиционное размещение ряда слов, связанных с темой природы вне и внутри духовного и эмоционального мира лирического героя. Сопоставим: Пустыня внемлет богу → мой слух лелея; И звезда с звездой говорит → про любовь мне сладкий голос пел; В небесах → надо мной; Спит земля → я б хотел забыться и заснуть. Как видим отмеченные группы слов связаны общностью смысла: внимать, т. е. внимательно слушать → слух лелеять, т. е. ласкать, услаждать слух; в глаголе *говорит* (И звезда с звездой говорит) при метафорическом (переносном) значении, связанном с представлением о мерцании звезд, наглядно выступает и прямое значение — «произносить слова», что сопоставимо с глаголом *пел* (голос). Остальные названные здесь пары не требуют комментария.

Так раскрывается масштабность личности, чаяния и стремления которой созвучны общим принципам, организующим гармонию природы. И в то же время это не гипербола, не специальный художественный прием, представляющий лирического героя в преувеличенном виде, а лирическая исповедь, полная предельно искреннего, щемящего чувства; это естественное мироощущение большой души. Природа и человек (лирический герой) сопоставляются в масштабе, не нарушающем ощущения естественности такого сближения: небо → земля (В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сиянье голубом); «я» → темный дуб (Надо мной чтоб вечно велемая Темный дуб склонялся и шумел).

Следовательно, можно сказать, что в поэтике Лермонтова нет гиперболизации, но есть масштабность личности. С этим свойством

его поэзии связан способ описания, лишенный детализации, неожиданных определений, броских метафор, отвлекающих внимание читателя от основного эмоционального содержания, раздробляющего его. В данном стихотворении, как и во многих других, поэт определяет только контур явлений: ночь, небеса, пустыня, земля... Даже в тех случаях, когда повествование возвращается к уже названному явлению, Лермонтов не сводит воедино элементы образной характеристики, присущие данному объекту описания, а создает иллюзию нового поэтического образа.

Сопоставим: «Выхожу один я на дорогу; Сквозь туман кремнистый путь блестит». Обратим внимание на то, что детали конкретного описания даны не при первом упоминании дороги, по которой идет лирический герой, но отделены от него и соотношены с более абстрактным обозначением того же понятия (*кремнистый путь блестит*).

В случае повтора одного и того же слова поэт также стремится рядом художественных приемов разъединить эти употребления, создав ощущение самостоятельности образных характеристик: «Я б желал навеки так заснуть, Чтоб в груди дремали жизни силы, Чтоб дыша вздымалась тихо грудь...». Поэтическое содержание, заключенное в этих стихах, почти одинаково, но выражено оно самостоятельными придаточными предложениями, общее для этих строк слово *грудь* выполняет различную грамматическую роль в соответствующих предложениях (второстепенного члена предложения — в первом случае и подлежащего — во втором). При этом с помощью необычного порядка слов подлежащее второго предложения (*грудь*) отнесено в его конец, что разделяет эти употребления одного и того же слова даже чисто зрительно и, конечно, создает ощущение самостоятельности и того образного содержания, которое связывается с данным словом в его первом и втором употреблениях.

Даже цветовая характеристика неба восстанавливается читателем из суммы рассредоточенных признаков: сначала вводится представление о ярко мерцающих звездах (И звезда с звездой говорит), затем возникает картина бездонного и освещенного светом звезд (и неназванной луны) неба (В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сиянье голубом). Напомним также характеристику каменистой дороги, освещенной ночными светилами (Сквозь туман кремнистый путь блестит).

Так создается художественно достоверная картина крупного плана, освобожденная от дробящих впечатление деталей. Перед читателем зримо возникает каменистая дорога где-то высоко в горах

Кавказа на фоне неба, где сияют крупные звезды. Она подготавливает столь же масштабное описание эмоционального состояния лирического героя, где также нет конкретизирующих деталей, где все предельно обобщено и сконденсировано: «Что же мне так больно и так трудно? Жду ль чего? жалею ли о чём?»

Эмоциональное состояние души передается через обобщенное обозначение всех возможных причин внутренней неудовлетворенности и отказ от любой из них (Уж не жду от жизни ничего я, И не жаль мне прошлого ничуть...). Отвергаются любые конкретные причины, остается только боль души (Что же мне так больно и так трудно?), снять, утишить которую уже не в силах активная жизнь.

Так возникает характерная для Лермонтова формула умиротворения душевного страдания: «Я ищу свободы и покоя...». Эта формула в ее первоначальной разработке встречается и в раннем творчестве поэта:

По произволу дивной власти
Я выкинут из царства страсти,
Как после бури на песок
Волной расшибенный челнок.
Пускай прилив его ласкает,
В обман не вдастся инвалид:
Свое бессилие он знает
И притворяется, что спит;
Никто ему не вверит боле
Себя или ноши дорогой;
Он не годится — и на воле!
Погиб — и дан ему покой!..

Челнок, 1832

В дальнейшем, что чрезвычайно характерно для творческого метода Лермонтова, намеченная формула получит ряд образных реализаций. Одна из них — знаменитый «Парус», написанный вскоре. В этом стихотворении не только совершенствуется центральный образ (челнок → парус), но разрабатывается и углубляется мотив «трагедии вечного несогласия» (Сравним: «Жду ль чего? жалею ли о чём?»).

Интересующая нас связь понятий «свободы и покоя», намеченная в «Челноке», получает более глубокое, близкое к смысловому содержанию «Выхожу один я на дорогу...» наполнение в стихо-

творении «Как часто, пестрою толпою окружен» (1840 г.). Папом-
ним некоторые фрагменты этого стихотворения:

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забиться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные все места...

.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание

С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всеильный господин —
Я долгие часы просиживал один,

И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей...

Так от стихотворения к стихотворению формируется тема внут-
ренней свободы личности, огражденной гармоничностью окружаю-
щей ее природы от вторжения внешних сил, разрушающих творче-
ское состояние души. Так обосновывается прямая зависимость *сво-*
боды от покоя, но покоя действенного, покоя как этапа творческого
процесса, вбирающего в себя красоту окружающего мира.

«Выхожу один я на дорогу...» — лирический итог многих иска-
ний, тем и мотивов, сквозных для творчества М. Ю. Лермонтова.
В. Г. Белинский относил стихотворение к числу избранных вещей,
в которых «все лермонтовское».

Оценивая творчество М. Ю. Лермонтова, В. Г. Белинский ска-
зал: «Великий поэт, говоря о себе самом... говорит об общем», в его
произведениях, «в его душе всякий узнает свою и видит в нем не
только поэта, но и человека, брата своего по человечеству».

Е. А. НЕКРАСОВА

Творчество

*К. Г. Паустовского
пропитано поэзией, если
брать это слово как синоним
прекрасного и совершенного.
Его справедливо называют
«поэтом прозы», так как
поистине необычайно
мастерство Паустовского
в жанре лирической новеллы.
Вспомним слова самого
писателя в «Золотой розе»:
«Проза, когда она достигает
совершенства, является по
существу подлинной поэзией!»
На протяжении всей своей
творческой жизни Паустовский
стремился раскрыть перед
своим читателем красоту
переливающейся всеми
цветами радуги жизни;
показать поэтическую
прелесть, разлитую
в окружающую нас природу.
Среди богатства
изобразительных средств
писатель больше всего любил
эпитет, точный, яркий,
выразительный,
запоминающийся.*

**«ЭПИТЕТ
ДОЛЖЕН
ЗАПОМИНАТЬСЯ»**

Слова, которые мы привыкли в разговорной речи связывать с двумя-тремя определениями, у Паустовского обрастают самыми разнообразными ассоциациями и становятся очень емкими. Так, о слове *тишина* мы обычно говорим: полная, абсолютная. У Паустовского только в первом томе Собрания сочинений (М., 1956—1959) мы встречаем следующие определения-эпитеты к слову *тишина*: зимняя, весенняя, сырая, печальная, медлительная, душная, внезапная, волчья, абсолютная, почти звенящая, звонкая, ночная, прекрасная, солнечная, свежая, предвечерняя, глубокая. Именно эпитеты придают языку Паустовского поэтичность, образность. В большинстве случаев писатель употребляет единичные эпитеты к существительным. Он сам говорит об этом в статье «Поэзия прозы»: «Бывает, что к одному существительному прилагается несколько

эпитетов. Эпитет должен запоминаться. А для этого он должен быть единственным.

Из трех эпитетов, приложенных к существительному, один всегда будет наиболее точным, а остальные два, безусловно, будут ему уступать. Поэтому ясно, что этот единственный эпитет надо сохранить, а остальные безжалостно вычеркнуть. То, что на писательском языке называется «вилякой», то есть существование двух равноценных и необходимых эпитетов к одному слову, — вещь чрезвычайно редкая» (О писательском труде).

Иногда, чтобы полнее охарактеризовать предмет, автор дает несколько эпитетов. Двойным эпитетам Паустовский предпочитает тройные, так как они закрепляют образ в нашем сознании с разных сторон. И все-таки среди нескольких эпитетов один является носителем основного чувства, он обычно наиболее эмоционален. «Ее обдало сильным, теплым, ласковым ветром, и что-то прошелестело рядом» (Стальное колечко). Здесь ясно чувствуем, что третий эпитет *ласковый* несет наибольший эмоциональный заряд.

Одна из наиболее характерных черт эпитетов у Паустовского — их экспрессивность. Больше всего в раннем творчестве писателя проявляется подчеркнутая склонность к экзотическому, которая выражается в подборе красочных метафоричных и оксюморонных эпитетов. В «Романтиках» встречаем: оранжевый вечер; ленивое солнце; осенняя ржавчина; средневековые вёсны; дикая свобода; лиловые глаза; пленительное несчастье; снежная музыка.

В более поздних произведениях метафоричные, олицетворяющие эпитеты употребляются в меньшем количестве. Хотя и здесь многие эпитеты удивляют нас своей новизной, оригинальностью: прохладная чистота и тишина; добродушные вязы; розовая ночь; влажные звезды; радостные облака; старательный пароход; угрюмый гром; шелковистый блеск солнца; сияя молчаливость океана; звенящая тишина; застенчивое небо; зеленый восторг; нарядная неправда о войне; небывалое море; грубый свет; нестерпимо сияющие глаза; опьяняющие слова.

Сила и мастерство Паустовского в художественном языке выражаются не столько в выборе эпитета, сколько в неожиданных сочетаниях его с существительными. Трудно найти в русском языке прилагательное, которое не встречалось бы у писателя. Он рассматривает предметы с различных сторон, отношений, функций, с точки зрения того, какое настроение они вызывают, какое впечатление ими создается, какой след оставляют они в сознании читателя. Так обогащается содержание, выразительнее становится язык. Мы лучше познаем жизнь и природу, сильнее переживаем описываемое художником явление.

Паустовский связывает не только один и тот же эпитет со многими существительными, но и одно и то же существительное у него сочетается с различными прилагательными.

Живописец русской природы Паустовский был мастером цветового эпитета. Природа у него переливается самыми разнообразными красками в зависимости от характера пейзажа и настроения героя, воспринимающего его. Автор использует все цвета солнечного спектра в обрисовке предметов: «Серая гвоздика снова делалась красной. Белые, будто засахаренные ягоды шиповника превращались в оранжевые, а лимонные листья берез теряли серебряный палет и шелестели под ясным небом» (Стекольный мастер); «Туман этот был разнообразно окрашен. В нем были то розовые, то золотые, то синие и сиреневые, то пурпурные и бронзовые, широкие и размытые пятна» (Бег времени); «Я видел листву, не только золотую и пурпурную, но и алую, фиолетовую, коричневую, черную, серую и почти белую» (Желтый свет).

Эти примеры типичны для языка Паустовского. Особенно выделяются два цвета — *золотой* и *серый*. Золотой, без сомнения, выражает восторженное отношение к предмету и стоит на положительном полюсе, в то время как серый — на отрицательном (хотя и не всегда). Определение *золотой* используется художником в сочетании с самыми различными существительными, отчего он получает разнообразнейшие оттенки. Некоторое представление об употреблении этого эпитета можно получить, если привести словосочетания, в которые входит этот эпитет или родственные с ним слова: бледное золото; золотистый тон; позолоченное существование; золотая осень; тусклая позолота; золотая от жита страна; золотой зной; золотые степи; золотые пятна; золотая латунь; золотой век; золотые пионы; золотой лепесток; золотые купола; золотые пчелы; золотой плод; золотая влага; золотое яблоко; золотой багаж; золотые леса; золотые водопады, золотая птица; золотые облака.

Почти в той же степени Паустовский любит рисовать и другой краской — серой. Прилагательное *серый* связывается как эпитет со следующими именами существительными: снег, облака, краска, каша, цвет, провинция, столбы, ночи, мыло, песок, полосы воды, птичка, асфальт, костюм, пленка, залив, разлив, лодка, рябь, гвоздика, кот, птица, дым. «К полудню над тусклой водой началось далекое нагромождение Баку — серых гор, серого неба, серых домов, покрытых заплатами яркого, но тоже серого солнечного света» (Кара-Бугаз).

Все исследователи творчества Паустовского подчеркивают его склонность, в отличие от других писателей, к употреблению полутонов, оттенков цветов вместо яркого цвета: густая синяя вода; иссиня-древний туман; пепельно-синее небо; зеленоватые, темно-

зеленые, бледно-зеленые глаза; грустно-зеленое, позеленевшее лицо; зеленеющее небо; слегка зеленоватый свет; черневшая, почерневшая, иссиня-черная вода; коричнево-черная земля; серо-зеленая вода; серенькое небо; серо-голубой туман и т. п.

Наблюдательный взор писателя проникает всюду. Метафорическими эпитетами Паустовский оживляет самые неподвижные на первый взгляд предметы. Не случайно многие эпитеты его вне текста могут казаться нам неестественными и странными, но в контексте они всегда мотивированны, эмоциональны.

Замечательный художник слова Паустовский, воссоздавая мир в слове, красках, звуках, был настоящим мастером разнообразных и выразительных эпитетов, чем, несомненно, обогатил современный русский литературный язык.

К. Г. ПОПОВ
НРЕ, София

В поисках слов нельзя пренебрегать ничем. Никогда не знаешь, где найдешь настоящее слово.

Изучая море, морское дело и язык моряков, я начал читать лоции — справочные книги для капитанов. В них были собраны все сведения о том или ином море: описание глубин, течений, ветров, берегов, портов, маячных огней, подводных скал, мелей и всего, что необходимо знать для благополучного плавания. Существуют лоции всех морей.

Первая лоция, попавшая мне в руки, была лоция Черного и Азовского морей. Я начал читать ее и был поражен великолепным ее языком, точным и неуловимо своеобразным.

Вскоре я узнал причину этого своеобразия: безыменные лоции издавались с начала XIX века через равные промежутки лет, причем каждое поколение моряков вносило в них свои поправки. Поэтому вся картина языковых изменений больше чем за сто лет с полной наглядностью отражена в лоции. Рядом с современным языком мирно сосуществует язык наших прадедов и дедов.

К. Г. Паустовский

МЕТАФОРА

И

ТЕКСТ

Метафора, категория поэтики и лингвистики, представляет значительный интерес и для литературоведения, и для языкознания. Если лингвисты интересуются ею в большей мере как способом образования переносных значений в языке, то литературоведы — прежде всего как изобразительным средством художественного произведения, так как это вид тропа, в котором отдельные слова или выражения сближаются по их сходству. Это различные стороны одного и того же явления: они не должны обособляться, а, напротив, должны рассматриваться в их единстве и взаимообусловленности.

Новые горизонты в изучении этой проблемы открываются с развитием одного из современных направлений филологии — лингвистики текста, объектом которой является текст как связанное целое, как единство его идейно-эстетического содержания, композиционной структуры и языковых средств их выражения.

В большинстве работ метафора рассматривается преимущественно без ее связи с более широким текстом.

Природа метафоры может быть понята в том случае, если ее рассматривать как конструктивный компонент текста, наиболее яркой, образный элемент художественной речи, подготовленный всем ходом развертывания текста. Это как бы взрыв образности.

В языковом плане обращают на себя внимание две особенности метафоры: необычная, нестандартная сочетаемость метафорически употребляемого слова и так называемое смысловое и эстетическое «приращение» его значения. В этом смысле метафора — нарушение закона обычного семантического согласования слов. Это сочетание

слов, которые, казалось бы, не имеют никаких общих смысловых элементов, соединяющих их: *море веселья, радости, улыбок*. Возникает, говоря словами Ю. Тынянова, «невязка» метафоры и текста. Совсем по-другому выглядят обычные, неметафорические употребления существительного *море*: *купаться в море, берег моря, глубокое море*. Такие сочетания не задерживают на себе нашего внимания.

Вернемся к метафорическим употреблениям этого существительного. «Невязка» метафоры с окружающим текстом — способ создать словесный образ с яркой внутренней формой, дающей возможность по-новому увидеть обозначаемый предмет, обратить на него внимание. Значение слова, получая семантическое и эстетическое «приращение», становится многоплановым, «колеблющимся», по определению Ю. Тынянова: *море веселья, радости, улыбок* обозначает большое ликование, охватившее огромное количество людей, огромное, как само море. Новое, метафорическое значение воспринимается как бы через призму основного, опираясь на него, но не совпадая с ним («очень много, множество», «как целое море»).

В структурно-композиционном плане метафора «вращается» в более широкий контекст, определяется им и воздействует на его развитие, обогащаясь сама. Как будет показано ниже, метафора нередко представляет остов, основу текста.

Характер и способы метафоризации текста, типы связи метафоры с окружающими словами могут быть самыми различными. Они еще недостаточно исследованы. Один из способов состоит в сознательном повторении слова, которое благодаря различной сочетаемости в разных случаях его употребления получает образно-переносные значения: «Квартира молчала. Полоска, выпадавшая из спальни Елены, *потухла*. Она заснула, и мысли ее *потухли*... (Булгаков. Белая гвардия).

Метафорический эффект часто достигается в результате насыщения текста словами одной лексико-семантической группы, то есть повтора семантически однородных единиц. Герои романа «Двенадцать стульев» Бендер и Воробьянинов читают длинный список драгоценностей покойной мадам Петуховой. Самая обычная обстановка воспринимается ими через «брильянтовый дым», как мираж. «Ишполит Матвеевич оглянулся. По темным углам зачумленной дворницкой вспыхивал и дрожал *изумрудный* весенний свет. *Брильянтовый дым* держался под потолком. *Жемчужные бусы* катились по столу и прыгали по полу. *Драгоценный мираж* потрясал комнату» (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев). Развернутая метафора, пронизывающая этот отрывок и построенная на повторе семантически однородных слов (изумрудный, брильянтовый, жем-

чужный, драгоценный), имеет существенное значение в композиционной структуре широкого контекста: она «вклинивается» в повествование, передавая состояние взволнованных и ошеломленных героев. Реальный и миражный планы чередуются и как бы накладываются друг на друга: «А уже через час оба сидели за шатким столиком и, упираясь друг в друга головами, читали длинный список драгоценностей...— [развернутая метафора] — Взволнованный Ипполит Матвеевич очнулся только от звука голоса Остапа». Метафора полна и глубокого идейно-эстетического содержания: во взаимодействии с другими изобразительными средствами текста она символизирует обманчивую призрачность обладания сокровищами, тщетность погони за иллюзорным счастьем.

Метафора может находиться в различных позициях по отношению к объясняющему, «поддерживающему» ее тексту. Наиболее характерной оказывается ее постпозиция. «Истребитель шел средним ходом в густом и липком, как сметана, тумане. Липкая сметана вокруг истребителя из голубой медленно становилась светло-серой. Начиналось утро» (Лавренев. Счастье Леша Ширикова).

Постепенная подготовка метафоры в тексте во многих случаях опирается на разнообразные ассоциативные связи того, что изображается, что угадывается и предчувствуется, но еще не названо: «В саду ветер дунул в лицо администратору и засыпал ему глаза песком, как бы преграждая путь, как бы предостерегая. Хлопнула во втором этаже рама так, что чуть не вылетели стекла, в вершинах кленов и лип тревожно прошумело. Потемнело и посвежело. Администратор протер глаза и увидел, что над Москвой низко ползет желтобрюхая грозовая туча. Вдали густо заворчал» (Булгаков. Мастер и Маргарита). Приближающаяся гроза названа метафорически путем «свернутого» сравнения с желтобрюхим животным (цвет туч, несущих сильную грозу), «густо», раскатисто ворчащим. Многоплановый образ, опирающийся на его предшествующие ассоциативно связанные с ними признаки (они даны в разрядку — М. Н.), воспринимаются творчески: в нем угадываются и узнаются признаки надвигающейся грозы.

Метафора в препозиции к объясняющему ее тексту, напротив, не подготовлена. Ее надо разгадать. Читая последующий текст, мы снова возвращаемся к ней, осознавая ее смысл и эстетическую ценность, двигаясь как бы «челночнообразно»: «Сегодня пришлось в одиночестве разбирать Скрябина. Звуки, как ледяные шарики, медленно падают в грудь, в глубь темного озера без дна. Упав, колышут влагу и тонут, а влага приливает и отходит, и там, в горячей темноте, гулко, тревожно ударяет сердце, точно скоро, скоро,

сейчас, в это мгновение, должно произойти что-то невозможное» (А. Толстой. Хождение по мукам).

В стихотворении А. Вознесенского «Оленья охота» наблюдается более сложный тип связи метафоры с объясняющим текстом:

*Трапециями колеблющимися
скользя через лес,
олени,
как троллейбусы,
снимают ток
с небес.*

Метафорическое употребление слова *трапеции* (рога) осознается через последующее сравнение (*как троллейбусы — своими дугами*). Происходит возвращение к началу текста. В дальнейшем языковой образ разворачивается и развивается (*снимают ток с небес*). «Челпочнообразный» характер восприятия текста, вносящий элемент сотворчества читателя, здесь особенно ощутим.

Изучение метафоры в протяженном тексте позволяет обнаружить характерную ее особенность, обычно остающуюся незамеченной при изолированном рассмотрении этого тропа. Это ее вариантность. Образ, создаваемый писателем и существующий в его художественном воображении, последовательно реализуясь в тексте, дает представление о его развитии. Отдельный вариант подчеркивает ту или иную характерную черту или сторону изображаемого с разных точек зрения.

Интересный пример такого метафорического употребления находим в «Белой гвардии» М. Булгакова, когда говорится о «двухслойных глазах капитана генерального штаба Тальберга Сергея Ивановича...»: «Как бы там ни было, сейчас *первый слой* можно было читать ясно. В *верхнем слое* простая человеческая радость от тепла, света и безопасности. А вот поглубже — ясная тревога... Самое же глубокое было, конечно, скрыто, как всегда»; «Тальберг уже целовал жену, и было мгновение, когда его *двухэтажные глаза* пронизало только одно — нежность». «— Вы же Елену берегите, — глаза Тальберга *в первом слое* посмотрели просительно и тревожно» и т. п. С помощью подобного приема писатель тонко передает характерные черты персонажа и сложную гамму его настроений и переживаний. Совокупность таких вариантов образует цельный словесный образ, извлекаемый из всего текста.

Основой вариантности может быть повторяющееся слово с различными определениями как сложное обозначение чего-либо. Б. Лавренев создает запоминающуюся картину дождя, используя существительное *сетка* (*сеть*) с различными определениями: «*Дождь*

продолжал ткать над городом *дымную сетку* с косыми, серебристыми нитями» (Отти); «*Серебристая сетка* дождя, дымка, лиловато-серые массивы строений...» (Отти); «На середине реки внезапно налетел ветер, и хлынул проливной дождик. Все закрылось *сетью мечущихся нитей*. С мостика не стало видно полубака» (Выстрел с Невы).

В тексте метафоры тесно связаны друг с другом, образуя целую систему единообразия изобразительных средств. Такая система часто цементируется структурно-композиционным взаимодействием и пересечением словесных рядов прямого и переносного значений: «Ветер побратался со временем... Он хлестал генерала по лицу, разбойно свистел в уши Евгению Павловичу, шатал его и гнал сухонькую фигуру по тротуару, *пользуясь шинелью как парусом... Плыя* по улице, приходилось рассматривать обе стороны ее с равнодушным любопытством капитана, в сотый раз проводящего корабль между давно знакомыми и надоевшими берегами... Евгений Павлович, *противясь ветру, лег в дрейф*... Евгений Павлович вздохнул, сторбил плечи и, *предавшись ветру, поплыл* дальше. На углу Литейного *он наскочил на риф*.

Собственно, это был только обычный матрос... Прохожие обходили его. Он был среди людской пены, как прочная, разрезающая волнение скала» (Лавренев. Седьмой спутник).

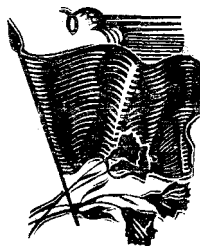
Образная структура метафорического текста (включая его объяснительную часть) основывается на логической связи вида «если А, то В», «А влечет В»: если *шинель — парус, то идти — плыть, стороны улицы — берега, противиться ветру — лечь в дрейф, столкнуться с матросом — наскочить на риф* и т. п. Взаимодействие таких словесных рядов создает общую метафорическую многоплановость и образность текста. Подобная художественная конструкция — и в основе изображения фантастического полета Маргариты у М. Булгакова. Полет, движение транспорта и людей предстают здесь как плавание, поток: «Она принялась *нырять* между проводами. Под Маргаритой *плыли крыши* троллейбусов, автобусов и легковых машин, а по тротуарам, как казалось сверху Маргарите, *плыли реки кепок*. От этих рек отделялись *ручейки* и *вливались* в огненные пасти ночных магазинов» (Мастер и Маргарита).

Метафора может образовывать структурную и смысловую основу целого текста, так сказать, его остов. Это характерно обычно для художественных произведений небольших форм. Границы метафоры и всего текста здесь совпадают. Это цельный метафорический текст, или текст-метафора. В стихотворении Е. Евтушенко «Милые люди» разоблачаются мещанские настроения, люди, которые «тошнотворно милы и круглы»: «все их бывшие иглы повытянул быт».

Русский язык, русская культура, творчество побывавших в Молдавии А. С. Пушкина, М. Горького, других выдающихся писателей России оказали огромное влияние на духовный расцвет молдавского народа, на развитие его самобытной культуры.

В год 60-летия образования СССР редакция журнала обратилась к деятелям науки, литературы и искусства, известным не только в Молдавии и Советском Союзе, но и за его пределами, с вопросом:

Какое место в Вашей жизни и творчестве занимают русский язык и русская литература?

**К 60-летию
образования
СССР**

«МЫ СИЛЬНЫ ОДНОЙ МОГУЧЕЙ РЕЧЬЮ...»

С. С. ЧИБОТАРУ, академик АН МССР, директор Института языка и литературы АН МССР:

Каждый народ любит свой язык и с такой же любовью и уважением относится к русскому языку — языку родины Октябрьской революции, языку великого Ленина. Сознательно и добровольно избранный всеми народами Союза ССР как средство межнационального общения русский язык служит взаимообогащению национальных культур.

Он является важнейшим средством обогащения и словарного состава национального языка, способствует расширению его лексики.

Русский язык — глубоко интернациональный по своему характеру — сближает и роднит людей разных национальностей, помогает вместе участвовать в многогранной жизни советского общества. Знание русского языка оказывает благотворное влияние на усиление экономического и идейного единства советских народов, развивает единые критерии эстетических ценностей.

В творчестве современных писателей Молдавии органически слиты национальные традиции с традициями искусства социалистического реализма.

Молдавские писатели создали немало ярких произведений, которые вошли в сокровищницу социалистической культуры молдавского народа и через русский язык стали достоянием многомиллионного советского читателя. К десятилетию Великого Октября вышел в свет небольшой сборник «Революционные стихи и песни», положивший начало молдавской советской литературе, у истоков которой, наряду с шедевром молдавского народного творчества балладой «Миорица», стихами Миханла Эминеску и рассказами Иона Крянгэ, были переведенные на молдавский язык «Интернационал», русские революционные песни «Красное знамя» и «Смело, товарищи, в ногу», «Заповит» Тараса Шевченко и «Песня о Буревестнике» Максима Горького.

В фондах Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в Москве хранится подшивка первого молдавского советского литературного журнала «Молдова Литерарэ» за 1928—1930 гг. с дарственной надписью на русском и молдавском языках: «Товарищу А. М. Горькому. Эту книгу — зеркало наших первых шагов по пути роста и достижений — тебе, учителю и старшему товарищу». А ниже — подпись: «Михаил Андриеску, председатель Союза молдавских советских писателей «Рэсэритул». Москва, 3 июня 1931 года».

Для молдавских советских писателей русская и украинская литературы, произведения их выдающихся представителей стали настоящей творческой школой, примером правдивого отражения действительности, верного служения интересам народа, образцом глубокой идейности и высокого художественного мастерства, мерлом подлинных эстетических ценностей.

Яркой страницей в летописи молдавско-русско-украинских литературных связей явился 1940 год — год образования Молдавской ССР. Этому историческому событию посвятили свои стихи М. Рыльский и С. Кирсанов, со словами приветствия к молдавскому народу обратился П. Тычина.

В годы Великой Отечественной войны закалилась дружба народов, дружба литератур. Рядом с русскими, украинскими, белорусскими, казахскими, латышскими, литовскими, азербайджанскими и другими писателями народов СССР в первых рядах борцов против фашистских захватчиков были и молдавские литераторы.

Немало интересных произведений о мужестве и героизме советских людей разных национальностей в годы суровых испытаний создано в послевоенной молдавской литературе.

У молдавской советской литературы много друзей во всех союзных республиках. Выступая инициаторами проведения в стране Дней и Недель литератур народов СССР, писатели Молдавии радушно принимали в 1953 году своих коллег из братской Украины.

Потом последовали обмены творческими достижениями с писателями Белоруссии и Российской Федерации. А в 60-е и 70-е годы такие встречи происходили между молдавскими литераторами и писателями Латвии, Азербайджана, Литвы, Эстонии, Армении, ознаменовавшие собой новый этап в культурном обмене между нашими республиками, рост количества художественных переводов, установление творческих контактов и укрепление дружбы между писателями братских народов.

Процессы сближения и взаимообогащения молдавской советской литературы с литературами братских народов СССР стали особенно интенсивными и плодотворными в последние десятилетия.

К вышедшей в 1947 году по инициативе Александра Фадеева и под редакцией Самуила Маршака и Михаила Голодного антологии «Поэты Советской Молдавии» за тридцать с лишним послевоенных лет прибавилось более семисот книг молдавских поэтов, прозаиков и драматургов, переведенных на русский и другие языки народов СССР и зарубежных стран. Среди них произведения А. Лупана и Ем. Букова, И. К. Чобану и И. Друцэ, П. Боцу и Гр. Вьеру, Н. Костенко и П. Крученюка, А. Бусуйока и В. Бешлягэ, С. Шляху и А. Шаларь и многих других.

В свою очередь, писатели республики немало потрудились, чтобы духовные ценности братских народов стали достоянием трудящихся Советской Молдавии. Не имея возможности перечислить сотни книг, переведенных на молдавский язык, ограничимся лишь некоторыми изданиями последних лет. К ним относятся книги «Песнь Родине», «Березы, белые березы», «Украинские поэты», «Белорусские поэты», «Латышские поэты», сборники переводов из армянской и грузинской лирики, антология поэзии народов СССР «Созвездие сердец», вышедшая к открытию Дней советской литературы, проходивших в республике осенью 1976 года.

Отрадно, что художественный опыт писателей Советской Молдавии все больше учитывается и положительно оценивается при анализе развития современной советской многонациональной литературы как в отдельных коллективных и монографических исследованиях, так и в ряде литературно-критических выступлений на страницах центральной печати, о чем убедительно говорит изданная в Кишиневе книга «Дружба народов — дружба литератур (Писатели и критики народов СССР о молдавской литературе)».

Используя стилевое богатство и все разнообразие художественных средств на основе метода социалистического реализма, создавая бесспорные литературные ценности, современная молдавская литература полно и многогранно отражает жизнь и духовный мир советского человека. Отбирая лучшее, наиболее ценное из нацио-

нальной культуры, молдавский народ вносит свой вклад в общее развитие советской культуры. Огромную роль в этом живительном процессе взаимного обогащения и дальнейшего приобщения трудящихся к духовным ценностям народов играет великий русский язык.

Усиление творческого взаимодействия между национальными культурами и литературами, их продолжающееся сближение — убедительное подтверждение закономерного возрастания интернациональной общности советской многонациональной литературы, укрепления дружбы и братства всех народов СССР.

АНДРЕЙ ЛУПАН, писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР:

«Человек — это звучит гордо». Правда этих слов вошла в наш дом с первыми шагами новой жизни. Не только как прекрасную литературу, а как высокую школу правды постигаем мы произведения Пушкина, Белинского, Л. Толстого, Чехова, Маяковского, Горького, И. Островского, Фадеева и многих других. Они помогают людям открывать новые горизонты духовной жизни, расти, быть мужественными и дерзновенными. Они проникли в наше творческое сознание, подняли культуру и обогатили содержание молдавской советской литературы.

Выдающиеся русские и советские писатели всегда были примером и надежной опорой в нашей творческой работе. Мы, молдавские писатели, восприняли как собственное богатство все гениальные ценности русской, советской литературы. С самого начала мы ощущали бескорыстную заботу, реальную помощь, оказанную как нам, так и всей советской многонациональной литературе со стороны писателей сегодняшней России. Основные этапы развития и расцвета нашей культуры несут в себе убедительное подтверждение щедрости этой благородной помощи...

Рабочие, колхозники, интеллигенция, особенно молодежь Молдавии взяли себе в друзья на всю жизнь Павла Власова, Павку Корчагина, Семена Давыдова, Чапаева, Олега Кошевого, Василия Теркина — достойных героев великой литературы. Мы считаем своим сокровищем произведения Маяковского, Тихонова, Эренбурга, Катаева, Паустовского, Федина. Дружба с их книгами позволяет читателю уверенно постигать высоты мудрости, героизма, человеческого достоинства...

Пусть все больше хороших книг входит в каждый дом земли Молдовы! Пусть возвышаются сердца людей, питаюсь неиссякаемой мудростью русской литературы, литературы большой души, жгучей правды, непревзойденной красоты!

КОНСТАНТИН ШИШКАН, секретарь правления Союза писателей Молдавской ССР, главный редактор журнала «Кодры»:

Было это во время войны, на Северном Кавказе, в станице Сотниковке. Ходил я тогда в школу за три километра.

Мела поземка, ветер швырял в лицо холодные жесткие снежинки, щеки белели, твердея от мороза. Затянув воротник шарфом и поглубже нахлобучив ватную ушанку, я шел, проваливаясь по колено в снег, мечтая как можно скорее добраться до школы.

Наконец где-то вдаль, в белом зыбком тумане, неясно проступили контуры небольшого домика со старым скрипучим крыльцом. В окнах теплым огоньком светилась керосиновая лампа.

Было еще рано, ученики, по-видимому, находились в пути, а за сосновым некрашеным столом уже сидела учительница, добрая беленькая старушка в лучистых очках. Она читала книгу. Я не спеша снимал стеганку, стряхивал с бурок колючий снег и, потирая онемевшие щеки и нос, усаживался за парту. Затем из промерзшей сумки доставал самодельную тетрадь. Тетрадь была толстой и шумной. Ее широкие страницы под пером шуршали, а когда я переворачивал их, на пол сыпалась тончайшая пыль — газетная бумага была набелена мелом. Учительница поправляла очки, молча протягивала учебник. Я начинал учить. Книжек на всех не хватало, и мне приходилось шагать в школу раньше других...

Учительница читала. Я опускал лицо в еще не согревшиеся ладони и слабо шевелил губами:

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..

За окном круто закручивал вихрь, ветер нес густые, плотно сбившиеся в сплошную массу хлопья, и казалось, это бьется под неистовыми порывами норд-оста огромный парус. На минуту ветер стихал, тогда проглядывало голубое, словно необозримое море, небо, но вихрь снова закипал, полоща с удвоенной силой совсем было осевший парус...

Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Какой-то удивительной, волшебной музыкой звучали эти слова, и их не надо было заучивать, они сами ложились в память, как это ненастное зимнее утро...

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...

Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

За окном действительно неслись высокие волны снега, засыпая крыльцо слепящей пеной, по-разбойничьи посвистывал ветер, и даже что-то отчетливо скрипело. Это, верно, раскачивалось древко знамени, прикрученного учениками к крыльцу проболокой...

На стене висел портрет Лермонтова. Офицерский мундир, косяк бурка, золотой эполет, эфес сабли — все это как-то не запоминалось. На холсте жило одно лицо — большие глаза, словно наполненные солнцем, смотрели пристально и глубоко...

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

И портрет уходил куда-то вдаль, а вместо него перед глазами вставал человек, который борясь с ненастьем, упрямо шел к слепящей лазури... Учительница закрывала книгу и долго смотрела, как шевелятся мои губы. Когда я поднимал глаза, она тихо повторяла за мной лермонтовские строки... Затем включала «точку». Черная картонная тарелка радио приносила в класс срывающийся голос Левитана: «От Советского Информбюро...». Лицо учительницы становилось суровым, а скулы твердели, словно она только-только пришла с мороза...

Я выходил из комнаты. Резкие порывы ветра пытались сорвать меня с крыльца и бросить в сугроб. Захватывало дыхание...

Была война. Зима. Метель рвалась, как парус... Был рядом Лермонтов... И над всем этим, борясь с ненастьем, плыл в смутном небе красный флаг!

Прошли годы. У меня выходят книги... Загадочная музыка лермонтовского стиха стала для меня близкой и понятной... Пишу на русском языке, который стал родным языком для многих моих молдавских коллег — поэтов, прозаиков, драматургов, критиков.

МАРИЯ БИЕШУ, народная артистка СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и МССР:

Русскую речь я впервые услышала в родном селе Волонтировка. Когда пришла Советская власть, в центре села установили радиодинамик — чудо, которому я не переставала удивляться. Радио познакомило меня с удивительным голосом Лемешева. Потом я впервые услышала в исполнении Максаковой романс «Что ты жадно глядишь на дорогу...», который помог мне ощутить, почувствовать всю неповторимую прелесть русского языка. Я выучила

наизусть эти прекрасные слова и пела их односельчанам, друзьям в сельскохозяйственном техникуме, где я в те годы училась...

Теперь я знаю много русских песен, особенно люблю романсы на слова великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Его стихи помогли мне увидеть и глубоко прочувствовать красоту природы, ощутить все то, что прежде я как бы не замечала. Впрочем, я думаю, что поэзия Пушкина для многих из нас — окно в мир.

Когда-то я знала только молдавский, сейчас же русский язык стал для меня вторым родным. В каком бы уголке нашей необъятной Родины я ни была, я всегда нахожу понимание благодаря русскому языку — языку Мира, Красоты, Справедливости.

ЕМИЛИАН БУКОВ, поэт, прозаик, драматург, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии МССР:

В детстве я не знал русского языка. Начал активно изучать его, когда стал комсомольцем-подпольщиком. Помню, как-то после заседания, длившегося всю ночь, один русский товарищ прочел «Стихи о советском паспорте» В. Маяковского. Они произвели на меня большое впечатление. С помощью товарищей, знающих хорошо литературный русский язык, я перевел их на молдавский и потом часто декламировал перед трудящимися. Напечатаны они были лишь после воссоединения Бессарабии со Страной Советов.

Я счастлив, что был свидетелем и участником тех незабываемых для нас исторических событий. Кстати, тогда на бывшей улице Синадиновской, ставшей улицей 28 Июня, я впервые свободно крикнул, никого не боясь: «Я комсомолец, я коммунист!». Речь шла не обо мне. Обо всем бессарабском подполье.

С тех пор русский язык стал моим вторым родным языком. И сегодня я не без улыбки вспоминаю, что до 1940 года читал Льва Толстого в переводе на французский, а труды В. И. Ленина — на немецком языке. Потом все это прочел на русском — языке дружбы и братства, объединяющем народы под знаменем ленинизма.

Русский язык, — глубоко интернациональный по своему характеру, — сближает и роднит людей разных национальностей, помогает им свободно общаться, вместе участвовать в великой коммунистической стройке, в многогранной жизни советского общества.

Материал подготовил И. М. МАРЬЯШ
Кишинев

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЛИТВЕ

В дружной семье Советских республик Литовская ССР достигла небывалых успехов во всех областях жизни — культурной, общественной, производственной, научной. Неограниченные возможности для своего развития получил и литовский язык, который расширил сферы своего традиционного применения. Он стал языком национального радио и телевидения, языком кинематографии и высокоразвитой науки, расширились его функции в области просвещения и образования.

В то же самое время возросла и роль русского языка в республике. В Литовской ССР живут и работают представители 54 национальностей, которым было бы очень трудно понять друг друга без общего языка.

В основном литовский и русский языки употребляются параллельно, но в некоторых сферах жизни ведущая роль принадлежит русскому языку, например, в переписке с учреждениями других республик, в общении с представителями других национальностей. Для функционирования русского языка в республике созданы все условия: на русском языке республиканское радио и телевидение ведут передачи, издаются русские республиканские газеты и журналы. В вузах Литовской ССР есть отдельные группы с русским языком обучения, существуют русские школы и т. п.

Уровень знания второго языка не одинаков среди жителей города и деревни. Ведь самое большое число русских проживает в больших городах, промышленных и районных центрах. Там, естественно, литовцы неплохо знают русский язык, так как часто

слышат его, сами общаются с русскими. Но в тех районах, где нет разнонационального населения, процент владения русским языком ниже.

Различаются по степени владения русским языком представители разных возрастных групп населения Литвы. Старшее поколение слабее знает русский язык, молодежь — значительно лучше.

Значение русского языка для развития народов СССР не исчерпывается его функциями только как языка межнационального общения. Русский язык сыграл выдающуюся роль в развитии и обогащении культур и языков всех советских народов. Функционируя в качестве языка межнационального общения параллельно с национальным, русский язык активно взаимодействует с ним, обогащает его и одновременно обогащается сам. Хотя это взаимовлияние носит двусторонний характер, степень и особенности воздействия каждого из языков на другой весьма различны. Если из литовского языка в русский пришли только некоторые слова, связанные в основном со спецификой литовской культуры и быта, то литовский язык обогатился огромным количеством слов благодаря именно русскому языку. Это интернационализмы, аббревиатуры, термины и др. Некоторые слова в литовский язык пришли прямо из русского, получив, конечно, литовские окончания или суффиксы (*bolševikas, leninietis*), другие — из других языков, но через русский. Литовский язык под влиянием русского активизирует свои собственные словообразовательные и структурно-грамматические возможности, в нем усилились такие процессы, которые раньше нашему языку не были свойственны. Поэтому литовский язык благодаря русскому становится более совершенным, более гибким.

*

В условиях национального окружения жизнь русского языка отличается от его существования на собственно русской территории. В этих условиях неизбежно языковое взаимовлияние, и на современном этапе языкового развития с особой важностью встают вопросы повышения культуры русской речи среди нерусского населения, так как навыки родной речи могут мешать усвоению второго языка. В русской речи литовцев встречаются различные отклонения от норм, объясняемые влиянием родного языка, — то, что принято называть интерференцией. Ошибки такого характера в речи билингов в какой-то степени даже помогают увидеть расхождения между языками.

Нужно отметить, что взаимодействие языков сильнее проявляется, конечно, в устной речи и при этом на всех уровнях языка — фонетическом, морфологическом, лексическом. Если говорить о фонетике, то в национальном окружении складывается своеобразное русское произношение, которое отличается от нормы, принятой на современном этапе развития русского литературного языка. Интересно, что не только речь нерусского несет на себе печать национального акцента, но и речь русского в этих условиях несвободна от подобного же акцента, хотя он будет и слабее. Известно, что трудности в усвоении другого языка составляют такие моменты и явления, которых нет в родном языке усваивающих. Так, например, в литовском языке нет звука [ы]. Поэтому не удивляют случаи ошибочного произношения (*мило* вместо *мыло*, *смысла* вместо *смысла*).

Частые ошибки в русской речи литовцев вызваны отсутствием в литовском языке грамматической категории одушевленности (что приводит к ошибкам в употреблении падежа), среднего рода и иного распределения существительных между мужским и женским родом в обоих языках. Все эти несовпадения ведут к нарушениям норм русского литературного языка.

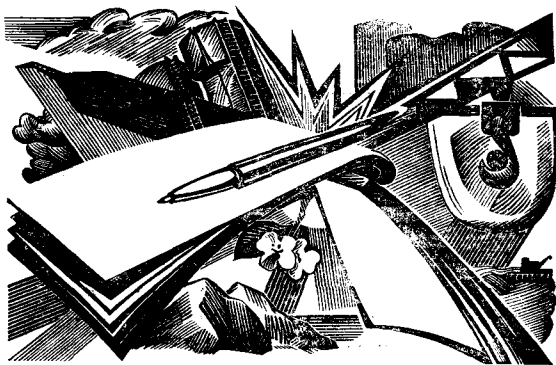
Не меньше ошибок и в области лексики. Особенно трудным является употребление паронимов (обосновать — основать, крепостной — крепостник, остатки — останки).

Соблюдение лексических норм требует от говорящего умения свободно распоряжаться своим активным словарным запасом. Хотя для представителя другой национальности это требование представляет большие трудности, все же мы должны стремиться к тому, чтобы наша речь на втором языке была правильной, точной.

*

Надо полагать, что чем лучше русский язык будет изучаться в национальных школах и вузах, тем крепче будут усваиваться его литературные нормы, повышаться уровень культуры русской речи, ибо эти нормы должны быть едиными на всей территории функционирования языка межнационального общения. Как бы ни были устойчивы национальные отклонения от норм современного русского литературного языка (различные у носителей различных родных национальных языков), они в конечном счете будут преодолены.

Р. Ю. ВЯЦАЙТЕ

ЧТО ТАКОЕ «ЯЗЫК ГАЗЕТЫ»?

Язык газеты всегда вызывал к себе крайне противоречивое отношение. «Пусть будет язык Карамзина, Филарета, пона Аввакума, но только не наш газетный», — писал Лев Толстой. В 1889 году А. П. Чехов в письме В. А. Тихонову (писателю) отмечал: «...я и не подозревал, что Вы так хорошо владеете газетным языком. Чрезвычайно складно, гладко, протокольно и резонно. Я даже позавидовал, ибо этот газетный язык мне никогда не давался». И еще одно мнение, современного писателя. «Принято нападать на газетный язык, — пишет А. Проханов. — Мы называем его „суконным“. Но этот стиль универсален, незаменим и, если хотите, изыскан: он отполирован, экономичен, он прошел отсев, отбор временем, которое убрало из него все лишнее» (Лит. газета, 1974, 9 янв.).

Что же рождает столь противоречивые оценки? Может быть, язык газеты действительно плох? Может быть, он и в самом деле относится к «низшим областям» литературной речи, как полагал крупный советский ученый-языковед А. М. Пешковский?

Думается, причины нередко резко отрицательного отношения к языку газеты коренятся не в нем самом. Это связано, во-первых, с недооценкой его природы и специфики, во-вторых, с тем, что критики исходят, по-видимому, из неправомерного сравнения газетной речи с языком художественной литературы. Судить же о качестве языка газеты следует по его собственным законам.

В чем же заключаются эти законы, точнее — особенности, выделяющие язык газеты как разновидность публицистического стиля среди других стилей литературного языка?

■ Главной особенностью следует назвать социальную оценочность языка газеты. Средства массовой информации мобилизуют все возможности, все ресурсы языка для воздействия на умы и чувства читателей. В отличие от других стилей литературного языка в газетно-публицистическом убеждение выступает как главная функция языка, причем оно имеет, как правило, подчеркнuto агитационный характер. Это проявляется прежде всего в выборе языковых средств. А так как вопросы, трактуемые публицистикой, имеют политическое содержание, политическую окраску, то и выбор языковых средств носит осознанный, целеустремленный, партийный характер.

Употребление слов, особенно таких, которые связаны с выражением идеологических понятий, не может не испытывать на себе влияния социальных групп, классов, вкладывающих различное содержание, различные оценки нередко в одни и те же слова. В результате регулярного употребления в сходных ситуациях и контекстах в слове развивается определенная социальная окраска, определенный политический оттенок смысла. Так, если брать примеры из истории, то слово *гражданин* (citoyen) для революционно настроенных французов не было нейтральным, как в современном французском языке; оно имело высокую стилистическую окраску и включало в себя социально-оценочные элементы. В русском языке под влиянием революционной перестройки общества, формирования коммунистического мировоззрения высокое звучание приобрели слова *товарищ, пролетариат, советский, коммунизм* и многие другие.

Особую роль играет категория оценочности в газетно-публицистическом стиле. Оценочность в публицистике охватывает даже такую специфическую область, как имена собственные. Известен случай с именованьем Наполеона Бонапарта в парижской прессе. По мере того как он приближался к Парижу во время своих «Ста дней», менялось, заметно смягчаясь, и отношение к нему в газетах: сначала — Корсиканское чудовище, людоед, узурпатор, затем — Бонапарт, Наполеон и наконец — Его императорское величество.

Важно отметить, что принцип оценочности имеет не индивидуальный, а подчеркнuto социальный характер. Ведь слово в газете принадлежит не только автору, но и редакции, а также общественной группе, организации, союзу, партии, классу, чье мнение, чью политику выражает газета как коллективный пропагандист, агитатор и организатор. В этом одна из причин силы и вескости партийного газетного слова.

Газетно-публицистическая речь призвана прежде всего воздействовать на массы, поэтому она максимально учитывает интересы читателей. В процессе журналистского творчества вырабатывают-

ся определенные формы, средства, способы партийной оценки, отношения к различным явлениям, предметам, лицам, процессам общественно-политической жизни. И эти формы и способы оценки получают общее распространение, становятся социально закрепленными, традиционно газетными.

■ Важной особенностью языка газеты является его общедоступность, коммуникативная общезначимость. «Особенность газетного слова,— писал известный советский журналист Д. Заславский,— заключается в том, что оно обращено ко всем, всем, всем. Газету читают академики и рядовые рабочие, старики и молодые, учителя, инженеры, врачи... Газету читает народ. Через газету партии ежедневно разговаривает с народными массами о самых важных первостепенных политических, хозяйственных, культурных вопросах, в том числе и о художественной литературе. Поэтому газетное слово должно быть простое слово, обладающее, однако, способностью очень ясно и очень точно выражать самые сложные понятия» (Литература и жизнь, 1969, 3 июля).

Обращенность газетного слова ко всем, к неисчислимой по количеству и разнородной по составу аудитории определяет принципы отбора речевых средств. Главное здесь — тенденция к исключению слов, находящихся на периферии языка и не обладающих качеством доступности. Для языка газет не характерны, хотя и возможны, узкоспециальные слова и выражения, диалектизмы, арготизмы, поэтизмы, варваризмы, индивидуальные неологизмы и т. п. Исключается все, что может вызвать затруднения в понимании сообщения. Следует отметить и противоположную тенденцию, вызываемую к жизни острой потребностью газеты в экспрессивных обозначениях,— появление средств индивидуального словоупотребления.

Газетно-публицистическому стилю свойствен особый характер экспрессивности. Если в художественной литературе образность составляет главный ее принцип, основу, то в других стилях она возможна, но необязательна. Писатель в художественном произведении нередко обращается к публицистическим отступлениям. Для публицистики также характерно многообразное использование различных элементов художественной речи, но они воспринимаются как вкрапления иного стиля, выполняющие публицистическую функцию. Экспрессивность, выразительность публицистики не сводится к образности и не ограничивается ею. Это лишь один из возможных компонентов, одно из слагаемых выразительности газетно-публицистической речи.

Публицистика эмоциональна, действенна, выразительна, по природе этой выразительности иная, чем у художественной литературы. Самый подход к действительности в публицистике и худо-

жественной литературе принципиально различен. Задача писателя — изображать, рисовать действительность и только посредством созданных им картин, персонажей выражать свои симпатии и антипатии. Здесь функция убеждения, оценки — вторична. Публицист же прямо и открыто агитирует, убеждает, пропагандирует. Здесь убеждение — первично, оно выражается в слове, его значении, эмоциональных оттенках.

Газета остро нуждается в экспрессивных средствах, но эта экспрессия имеет социальный характер, она целенаправленна, оценочна. Метафоры, эпитеты, сравнения выполняют здесь особую роль, что позволяет говорить о газетно-публицистическом типе их. Сложные, искусственные метафоры, эпитеты, уместные, например, в поэзии или в некоторых прозаических жанрах, противоречат природе массовой коммуникации. Эстетическими критериями здесь служат простота и ясность.

Метафоры в газетно-публицистической речи используются не столько для образности, сколько для создания оценочного эффекта, положительного или отрицательного (торжественности, утверждения, осуждения, иронии и т. п.). Вот примеры из газет: *космический успех, дирижер команды, дирижеры движения* (об орудовцах), *конструкторы запахов* (о парфюмерах), *композиторы моды, ледовая симфония* и др. Обычно метафоризации подвергаются понятия, важные в идеологическом, экономическом отношении, например: *хлеб промышленности, стальные артерии, нефтяная целина, электрические реки, рисовая житница* и др. Материал для сравнений, метафор черпается, как правило, из сфер, обладающих высоким общественным авторитетом, само обращение к которым уже вызывает оценочный эффект.

Если говорить в целом об экспрессивности газетно-публицистического стиля, то она не сводится к метафорам, сравнениям, эпитетам и т. д. Экспрессивно значимыми оказываются все языковые средства, поскольку они воплощают публицистическую идею. Вот почему в публицистике (как и в художественной литературе) столь важна проблема выбора точного и яркого, действенного и выразительного слова.

■ Главным принципом публицистической речи, основой ее организации выступает прямое, непосредственное выражение авторского «я». Художественная речь условна. Мир, творимый художником, вымысел, воображаем. Прямое вмешательство автора в текст возможно, но нетипично для художественного стиля. Газетно-публицистическая речь лишена условности. В публицистике авторское «я» выступает открыто, это обусловлено жанром и тоном повествования. Поэтому большое значение здесь приобретает индивидуаль-

ность публициста, богатство его чувств, мыслей, идей, а речевой строй публицистики носит эмоционально-личностный характер.

В художественном тексте возможно перекрещивание нескольких речевых слоев (образы автора, рассказчика, персонажей). В публицистике же мы имеем, как правило, один стилистический слой — речь от автора. Однако одноплановость публицистической речи не признак бедности. Напротив, именно в этом свойстве заключается ее выразительность и сила. О чем бы ни говорил публицист, в структуре речи прямо и непосредственно выражаются его «голос», оценка, эмоции, ход мысли, увлеченность, взволнованность темой. Активность авторской позиции делает публицистику мощным средством воздействия, часто превосходящим по силе художественную литературу.

К особенностям газетно-публицистической речи следует отнести и особый характер ее стандартизованности. Не следует думать, что стандарт — исключительное и характерное свойство языка газеты. Ни один вид человеческой деятельности невозможен без использования традиционных навыков и приемов работы, способствующих ее облегчению и ускорению. Стандартизация речи — это естественный, объективный и прогрессивный процесс, имеющий целью создание емких и коммуникативно целесообразных речевых оборотов (формул, стандартов) для различных сфер и целей общения.

Специфика газетно-речевой стандартизации заключается прежде всего в социально-оценочном ее характере. Подавляющее большинство газетных клише (речевых стереотипов) имеют позитивный или негативный характер. Газета во многих своих жанрах ориентируется на стандарт — агитирующий, пропагандирующий, оценивающий, рассчитанный на многократное использование и нередко на эмоциональное воздействие.

Хотя газетные клише более консервативны и устойчивы по сравнению, например, с клише художественной речи, но и они подвержены «износу». Любое выражение, особенно то, которое рассчитано на эмоциональное, экспрессивное воздействие, с течением времени теряет свою выразительную силу, превращается в штамп и подлежит замене или обновлению.

■ Таким образом, язык газеты — это особая разновидность литературного языка, имеющая свои ресурсы выразительности, действительности, эмоциональности, обладающая собственным эстетическим идеалом.

Г. Я. СОЛГАНИК

Д. И. ПИСАРЕВ

о научно- популярном изложении

В историю русской общественной мысли Дмитрий Иванович Писарев (1840—1868) вошел как воинствующий материалист, страстный публицист, талантливый литературный критик. Слово Писарева волновало умы современников, его статьями зачитывалась молодежь. Влияние публициста обусловлено глубоким демократизмом его идей, гражданственностью, новизной и бесстрашием мысли, исключительным стилистическим мастерством. Писарев также один из первых в России популяризаторов естественнонаучных знаний. Его опыт, речевая манера, искусство популяризации заслуживают изучения и в наше время.

Известен интерес В. И. Ленина к Писареву. В воспоминаниях Н. К. Крупской есть примечательные строки: «У кого учился Ленин говорить и писать популярно? Учился у Писарева, которого в свое время много читал, учился у Чернышевского, но больше всего учился у рабочих...»

Популяризации научных знаний Писарев придавал огромное значение. Он разработал систему принципов и приемов научно-популярного изложения и во многих своих работах дал блестящий образец их применения. Его взгляды на построение и речевую организацию текста представляют собой продолжение традиций Герцена, Белинского, Чернышевского, заботившихся о том, чтобы результаты научных исследований были доступны массовому читателю.

Стремление сделать научные знания достоянием широкого читателя ко времени деятельности Писарева приобрело прочную культурно-историческую основу. В середине XIX века в России создаются труды по естествознанию, физике, химии, медицине, философии. Обогащается и совершенствуется научная терминология. Публикуются профессиональные словари, справочники, пособия. Журналы выделяют для важнейших отраслей науки специальные разделы, выходят книги и брошюры, рассчитанные на массового читателя. Если в свое время А. С. Пушкин имел основания жаловаться, что «метафизический язык» (то есть язык, выражающий отвлеченные понятия, язык науки) у нас недостаточно развит, то во второй половине XIX века научный речевой стиль приобрел в системе литературного языка полную

силу и нуждался в теоретическом осмыслении. Взгляды Писарева на задачи популяризации науки, на методы и приемы научного изложения отразили назревшие потребности культурного развития, в частности развития литературного языка эпохи.

Писарев считал, что источник общественного прогресса заключен в науке, распространение которой невозможно без правильно организованного народного образования. «Надо учиться в школе, но еще гораздо больше надо учиться по выходе из школы...», — подчеркивал критик в статье «Реалисты» (цитаты приводятся по изданию: Д. И. Писарев. Сочинения в 4-х томах. М., 1955—1956).

Настоящее образование — это самообразование, и для самообразования, для «работы мысли», как любил говорить Д. И. Писарев, необходим научный материал. Такой материал без содействия литературных посредников между ученым-исследователем и читателем, не имеющим специальной подготовки, получить нельзя. Поэтому нужны популяризаторы научных ценностей. Хорошим популяризаторам публицист склонен был даже отдать предпочтение перед учеными-теоретиками. В той же статье «Реалисты» он пишет:

«Общество уже любит и уважает науку; но эту науку все-таки надобно *популяризировать*, и популяризировать с очень большим умением. Можно сказать без малейшего преувеличения, что популяризирование науки составляет самую важную, всемирную задачу нашего века» (т. 3, с. 129). Мысль о том, что наука служит социальному прогрессу, а ее популяризация требует особого умения, даже таланта, что это подлинное искусство, полностью подтверждена жизнью.

В первую очередь популяризации заслуживают, по мнению Писарева, естественные науки, которые занимаются изучением «видимых явлений»: физика, химия, астрономия, физиология, ботаника, зоология, география, геология. Именно они способны выработать «разумный и широкий взгляд на природу, па человека и на общество», то есть сформировать мировоззрение. Вот почему в качестве первого и основного требования к литератору Писарев выдвинул идейность: «Для художника, для ученого, для публициста, для фельетониста, для кого угодно, для всех существует одно великое и общее правило: *идея прежде всего!* Кто забывает это правило, тот немедленно теряет способность приносить людям пользу и превращается в презренного паразита» (т. 3, с. 133).

Однако научные знания, чтобы сделаться общим достоянием, нуждаются в яркой и привлекательной форме, от которой зависит степень полноты восприятия и усвоения содержания, то есть в конечном счете его действенность. Этим объясняется то внимание, которое Писарев уделял внешней стороне популярного труда.

На первое место выдвигается ясность и доступность изложения: «...всякая научная истина ясна только тогда, когда она изложена ясно. Что ясно для ученого, то может быть совершенно неясно для образованного человека в общепринятом разговорном значении этого слова. И всякую научную истину можно изложить так, что у вас от этой истины затрептит голова и потемнеет в глазах» (т. 3, с. 130).

Первостепенная роль в достижении ясности и доступности изложения принадлежит языку, лингвистической организации текста: «Не только группировка мыслей и общий тон изложения, но даже самый язык, выбор слов и оборотов имеют очень значительное влияние на успех или неуспех популярно-научного сочинения» (т. 3, с. 135). Богатство словарного состава, разнообразие языковых средств и их обоснованный выбор, умение находить свежие, неизбитые сочетания слов придают тексту смысловую емкость и выразительность. Критик осуждал тех литераторов, которые не умеют говорить ясно и просто о простых и ясных предметах. Популяризатору же необходимо сложное изложить просто. А это доступно не каждому желающему...

Познавательной деятельности человека неизменно сопутствуют эмоции. Они облегчают усвоение научных сведений. Поэтому Писарев считал, что популярное изложение должно быть живым, образным, эмоциональным. Стилистическое богатство языка, разнообразие его выразительных средств делают изложение наглядным, эстетически привлекательным: «Удачное выражение, меткий эпитет, картинное сравнение чрезвычайно много прибавляют к тому удовольствию, которое доставляется читателю самым содержанием книги или статьи» (т. 3, с. 135). Столь важные для научно-популярного текста эстетические качества в свою очередь обусловлены ясностью и выразительностью речи: «...красота языка заключается единственно в его ясности и выразительности, то есть исключительно в тех качествах, которые ускоряют и облегчают переход мысли из головы писателя в голову читателя» (т. 3, с. 110). Даже юридические тексты, своды законов, рассчитанные на строгую однозначность понимания, не могут быть свободными от эстетических требований. Язык законов должен быть не только простым, понятным, но и изящным.

Умение увлечь читателя, вызвать интерес к предмету мастерством, пластичностью самого изложения Писарев считал признаком образцового популяризатора. Он был в восторге от только что появившейся тогда и сразу покорившей читателя книги Брема «Иллюстрированная жизнь животных»: «Читаешь характеристику ка-

кого-нибудь четвероногого чудака, помотришь на его портрет и действительно видишь, и по роже, и по глазам, и по всей его фигуре, что он способен на все те штуки, которые приписывает ему Брем. Когда я приобрел себе эту книгу..., то я в течение нескольких дней ни о чем не мог думать, кроме Брема. Просто ошалел от радости» (т. 3, с. 132). С нетерпением критик ждал завершения этой книги и перевода ее на русский язык: «Невозможно представить себе, какое море живой мысли и свежего чувства хлынет вместе с этою книгою в умы всего читающего человечества» (т. 3, с. 132).

Ясность, доходчивость, эмоциональность сохраняют свою силу всегда, относятся к постоянным принципам популяризации. Кроме них, Писарев говорил и о необязательных, но вполне оправданных уровнем подготовленности массового читателя качествах научно-популярной литературы. К ним он относил «игривость тона» изложения, однако предупреждал против превращения смеха, игривости, юмора в самоцель, которые могут принизить науку и толкнуть популяризатора на путь легковесного популяричания: «Играй и кувыркайся, как хочешь, в своем изложении, но держи ухо востро, ни на одну секунду не теряй равновесия и ни под каким видом не допускай ни малейшего посягательства на то, что составляет жизнь и смысл твоей идеи» (т. 3, с. 133).

Научность, простота, доходчивость создаются не только теми качествами изложения, которые бросаются в глаза сразу, воздействуют на читателя непосредственно. Популярное изложение обязательно предполагает строгую последовательность развития мысли, логичность, исключая неожиданные и быстрые переходы от одного положения к другому. Если в научных исследованиях, рассчитанных на узкий круг специалистов, ход мысли ученого может допускать скачки и, по выражению Писарева, прыгать, как белка, от одного предмета к другому, то в научно-популярных работах этого допускать нельзя. Он рекомендовал начинать изложение с разбора простейших понятий, не считая, что они обязательно знакомы читателю, и далее от известного переходить к неизвестному, новому, от простого к сложному.

Читателю, не имеющему специальной подготовки, очень важно показать, как одно положение непосредственно вытекает из другого и ведет к следующему. «В популярном сочинении,— подчеркивал Писарев,— каждая отдельная мысль должна быть развита подробно, так, чтобы ум читателя успел прочно утвердиться на ней, прежде чем он пустится в дальнейший путь, к логическим следствиям, вытекающим из этой мысли» (т. 3, с. 134).

С принципом логической последовательности связан другой важный принцип популяризации — конкретность. Популярное изложение должно избегать всякой отвлеченности. Каждое общее по-

ложение нужно подкреплять фактами и пояснять убедительными примерами.

Чрезвычайно важно для популяризатора найти такую форму общения с читателем, которая позволила бы постоянно следить за его мыслью. Очень важно предвидеть вопросы читателя, его сомнения, возражения и в ходе рассказа реагировать на них. Такой подход позволяет популяризатору выбрать соответствующий тон, поддерживать внимание читателя, стимулировать его познавательную деятельность.

*

Таким образом, внешней форме научно-популярного изложения принадлежит очень важная роль. Популяризатор должен быть не только ученым, мыслителем, но и художником. Установленные Писаревым требования идейности, ясности, доступности, эмоциональности, логической последовательности, конкретности прочно вошли в теорию и практику популяризации и стали ее важнейшими принципами.

С. А. ПУГАЧ
Белгород

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Часто слышу сочетания слова *месяц* с названием месяца (например, *в январе месяце*). Мне кажется, что такое сочетание неверно, слово *месяц* здесь лишнее. Прав ли я?
Кузнецов, Москва

Вы совершенно правы. Слово *месяц* обозначает единицу исчисления времени, одну двенадцатую часть года. Тавтологичными, неправильными являются сочетания слова *месяц* с названиями месяцев, например, *к марту месяцу* и т. д.

Такие конструкции характерны для деловой, официально-канцелярской речи, но совершенно неуместны в общелитературном употреблении, поскольку не привносят никаких смысловых уточнений.

Таким же избыточным является и словосочетание *месяц времени*, поскольку в значении слова *месяц* уже содержится указание на отрезок времени.

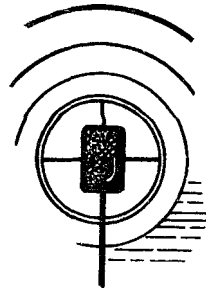
КАКОЙ ученый не желает прочесть доклад или лекцию в большой аудитории, заполненной слушателями? Ведь очень важно знать, представляет ли предмет выступления не только профессиональный, но и просто человеческий интерес, хорошо ли продуманы мысли, доходчиво ли твое слово. И радостно становится на душе, когда собравшиеся слушают внимательно, не остаются равнодушными. Что-то в их сознании закрепилось, заставило подумать о ранее малоизвестном или вовсе неизвестном, иначе оценить уже известное, дополнить его чем-то новым.

Безгранично велика сила человеческого слова. Весь духовный мир наш состоит из огромного комплекса представлений и понятий, выражаемых словами. И чем богаче этот мир, тем обширнее наш словарный запас, за которым стоит знание объективной действительности и самих себя. Слово не просто знак, обозначающий понятие. С ним связано множество разного рода ассоциаций, эмоций, чувств, образов. Конечно, имеется в виду значимое слово, а не пустое колебание воздуха.

Но велика ли аудито-

Радиопередаче
«В мире слов» ~
20 лет

САМАЯ БОЛЬШАЯ АУДИТОРИЯ

рия, к которой можно обратиться непосредственно? Это сотни, в немногих случаях — тысячи человек. А радио слушают миллионы. Выступить перед миллионами — высокая честь и большая ответственность. И вот уже два десятилетия по Всесоюзному радио миллионы и миллионы людей слушают беседы о русском языке, о словах. Нужно ли это? Даже очень. Ведь великий русский язык, которым теперь владеют 82 процента населения нашей страны и которым пользуются миллионы людей за рубежом, представляет собой сложное образование. Ведущую роль в нем играет литературный язык в его письменной и устной разновидностях. Имеются еще внелитературное просторечие, характерное для малообразованных людей (ср., например, произношение «полуклиника» вместо *поликлиника*, «без пальта» вместо *без пальто* и т. п.), местные говоры, которые отмирают под воздействием литературного языка, но еще не отмерли, жаргоны. Все это взаимодействует друг с другом, так или иначе воздействует на образцовые литературные нормы, подчас колблет их.

Да и сами литературные нормы не есть нечто вечное, застывшее, со временем они тоже изменяются. Возникает немало противоречий, колебаний, что характерно для любого языка любого времени: развитие его осуществляется благодаря наличию в нем противоречий и через преодоление их. А ведь правильное владение современным литературным языком — один из важнейших показателей культуры человека, более важный, чем, например, стремление модно одеваться. (Для меня лично допускать речевые ошибки не менее, а даже более неприлично, чем показаться на людях неряшливо одетым.)

Как же в такой живокипящей языковой среде разобраться, как сказать или написать правильно, избежать речевых ошибок? На помощь приходит школа, вся система нашего образования. Однако в языке все равно остается много неясного.

И вот появляется у нас всесоюзная радиопередача «В мире слов», слушая которую можно многое узнать и выяснить, каков теперь речевой этикет, почему правильно говорить или писать надо так, а не иначе. А если что остается неясным, можно написать об этом и получить ответ. Радиопередаче «В мире слов» — двадцать лет. Выполнена огромная работа. Руководителям и организаторам ее нужно сказать великое спасибо.

А теперь об одном из моих воспоминаний. Лет двадцать тому назад ко мне в Ленинграде (в то время я заведовал Словарным сектором Института русского языка АН СССР, находящимся в этом городе) зашла молодая симпатичная женщина и предложила выступить в очередной радиопередаче «В мире слов». Это была Зоя Николаевна Люстрова, организатор и душа всего дела. Мы поехали в ленинградскую радиостудию, где и было записано мое первое выступление. Потом были записи в Москве...

Хочется вспомнить также о замечательном дикторе Владимире Николаевиче Балашове, отдавшем много сил и таланта «миру слов».

Мы, сотрудники Института русского языка АН СССР, счастливы, что имеем возможность выступать перед самой большой аудиторией нашей страны. Ученые-русисты от всего сердца желают новых успехов организаторам радиопередачи «В мире слов» в дальнейшем осуществлении их благородного дела.

Ф. П. ФИЛИП

ДРУЗЬЯМ РУССКОГО ЯЗЫКА АДРЕСОВАННАЯ

Первая радиопередача «В мире слов» прозвучала в эфире 1 августа 1962 года. И вот уже двадцать лет Всесоюзное радио (Главная редакция литературно-драматического вещания) совместно с учеными-языковедами Института русского языка АН СССР стремится пробудить интерес к языку в самых широких кругах радиослушателей, воспитать чувство ответственности за слово, показать его эстетическую силу.

Передачи «В мире слов» практически целиком готовятся по письмам и вопросам слушателей. За два прошедших десятилетия мы получили более 250 тысяч писем! Конечно, не все они нашли отражение на страницах передачи, но само по себе их количество красноречиво говорит о том,

как велик интерес к русскому языку в современном мире, как велика его роль в семье народов СССР.

Стремлением к широкому овладению речевой культурой продиктованы те вопросы, с которыми слушатели обращаются в нашу передачу. Что же волнует прежде всего друзей русского языка? Вот несколько примеров, которые в общих чертах покажут круг их интересов:

Как нужно говорить: спортивные *общества* или спортивные *общества́*; почему пишется авиапочта, а не авиопочта; как правильно сказать: *желчь* или *жёлчь*; какой цвет называют *лазоревым*; как произносить: *Ива́нов* или *Иванов*; как называть жителей Архангельска; каково происхождение выражения *с легким паром*; склоняется ли название *Алма-Ата*; можно ли в общественных местах по отношению к незнакомым людям использовать обращение *мужчина, женщина*; одинаковы ли по значению слова *актер* и *артист*?

Школьники часто просят помочь им сделать синтаксический или морфологический разбор предложения, объяснить написание того или иного слова, расставить знаки препинания в сложной фразе. Сотрудники различных предприятий и учреждений спрашивают о том, как правильно оформить заявление, докладную записку, отчет и другие документы, просят отредактировать текст объявления, обязательства.

Специалисты сельского хозяйства интересуются: правомерен ли термин *фуражная корова*; как правильно произносить: *силос* или *силбс*; удачно ли образовано терминологическое слово *сенаж* и чем заимствованное слово *бройлер* лучше исконно русского *цыпленок*? Радиослушатели, работающие на промышленных предприятиях, хотят узнать, каков смысл составного термина *моральный износ машин*, можно ли кибернетическую машину называть *кибером* и т. д.

*

Радиопередаче «В мире слов» — двадцать лет. Как будто, срок небольшой. Но за это время уровень речевой культуры слушателей заметно повысился, о чем свидетельствуют и вопросы, задаваемые ими. Раньше они спрашивали, как говорить: *вы выходите* или *вы сходите*, *кто последний* или *кто крайний*, *оплатить проезд* или *заплатить за проезд*? Теперь слушателей стали интересовать темы

более сложные: о русском языке как языке межнационального общения; о будущем языков мира; о влиянии живой разговорной речи на язык газеты, телевидения и радио; о перспективах совершенствования орфографии и пунктуации современного русского литературного языка.

Различные по характеру вопросы обусловили появление в нашей передаче таких постоянных страниц, как «Говорите правильно!» (о нормах произношения, ударения и словоупотребления); «Ваша специальность и ваш язык» (о профессиональных жаргонах); «Почему мы так говорим?» (из истории слов и выражений); «Слово на географической карте» (вопросы топонимики); «Слова, рожденные Октябрем» (новые слова и значения); «Жемчужины народной речи» (о пословицах и поговорках), «Умеем ли мы читать русских классиков?» и др.

Радио как одна из самых массовых форм пропаганды помогает осуществлять единство действий ученых, писателей, педагогов, журналистов, всех ревнителей русского языка в их общей работе по повышению культуры речи, распространению среди широчайших масс научных сведений в области современного русского языка.

Передачам «В мире слов» предшествовал цикл бесед о русском языке, проводимый с 1961 года. В разработке тематического плана бесед принимал деятельное участие проф. С. И. Ожегов. Открывал этот цикл академик В. В. Виноградов беседой «О культуре русской речи», вызвавшей огромный интерес слушателей. Двенадцать бесед прозвучало в эфире в течение года. В редакцию пошел поток писем с вопросами о русском языке. Тогда-то и родилась передача «В мире слов», построенная в форме вопросов и ответов на материале писем радиослушателей.

С первых выпусков передачи постоянное участие в ней принимают сотрудники Института русского языка АН СССР доктора филологических наук Л. И. Скворцов, В. Я. Дерягин. Не раз выступал у нашего микрофона директор Института член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин. В передаче «В мире слов» принимали участие крупнейшие языковеды страны: академик В. И. Борковский, члены-корреспонденты АН СССР Р. А. Будагов, О. Н. Трубачев, действительный член АПН СССР И. Ф. Протченко, профессор В. В. Иванов и многие ученые, живущие в других городах. Радиослушателям отвечали ленинградцы — доктора филологических наук А. М. Бабкин, К. С. Горбачевич,

А. П. Евгеньева, Ю. С. Сорокин, Ф. П. Сороколетов; академик И. К. Белодед из Киева...

Разумеется, на каждый вопрос можно ответить «от редакции». Но приглашение ученого дает возможность радиослушателю получить сведения «из первых рук», из уст специалиста по данному разделу языковедческой науки. Такой ответ более достоверен, убедителен, подкреплен авторитетом ученого. Эти выступления отличаются по манере, по тону, что вносит в общую палитру передачи свои живые, особые краски, способствует разнообразию подачи материала. Помимо конкретного ответа на частный вопрос в выступлении ученого всегда содержится элемент теоретического обобщения. Оно отличается серьезностью в подходе даже к самым, на первый взгляд, простым проблемам языкознания.

В передаче звучат выступления не только ученых-языковедов, но и людей разных профессий, влюбленных в русский язык. Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков рассказывал о том, какую роль играло правдивое страстное слово в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Большой интерес вызвало выступление заслуженного врача РСФСР, кандидата медицинских наук В. Ф. Панфиловой, которая, отвечая на вопрос школьников-десятиклассников «Зачем нужно изучать русский язык тем, кто не собирается быть филологом?», обратила внимание на то, как важно в лечении больного слово врача.

Особое значение имеют для нашей передачи выступления писателей и поэтов. Слово писателя — всегда страстное, публицистическое слово, о чем бы он ни говорил со слушателем: о языковых штампах (П. Нилин), об употреблении иностранных слов (К. Чуковский), о происхождении названий ленинградских улиц (Л. Успенский), о языке стихотворений М. Ю. Лермонтова (И. Андроников), о взаимосвязях русского и чукотского языков и культур (Ю. Рытхэу) и т. д.

За 20 лет вокруг передачи «В мире слов» сплотился большой коллектив постоянных слушателей. Для привлечения их к активному участию нами была задумана и введена постоянная страница, которую мы условно называем «Домашнее задание». Вопросы для задания обычно мы черпаем из писем слушателей и делаем их предметом общего обсуждения. Вместе с тем эти вопросы помогают нам вести обдуманную, заранее планируемую пропаганду научных знаний о языке, позволяют нацелить внимание на те проб-

лемы науки и языковой практики, которые являются наиболее актуальными, связаны с современными задачами борьбы за культуру речи. Радиослушатели охотно приняли эту страницу.

Особенно популярна у слушателей ежегодная «Викторина о русском языке». Она составляется из семи-восьми вопросов по разным разделам языковедческой науки: орфоэпии, этимологии, топонимики, ономастики и т. п. Нередко ответы красочно оформлены, снабжены рисунками, фотографиями. Очень тщательно бывают подготовлены коллективные работы, когда в викторине участвуют школа, класс, кружок или семья. Победители викторины получают дипломы и премии — книги о русском языке, словари, справочную литературу.

Необходимо упомянуть и о такой форме работы, как «Письма из редакции». Ответы на свои вопросы радиослушатели получают не только в самой передаче, но и в письменном виде. Как правило, вопросы, на которые по тем или иным причинам бывает сложно ответить в передаче, направляются для ответа консультантам, специалистам-языковедам.

Среди наших слушателей немало учащихся и учителей. Письма показывают, что многие преподаватели нуждаются в нашей консультации, что они используют тексты передач в своей внеклассной работе, в кружках русского языка. Особенно ощутимую помощь оказывает передача «В мире слов» сельским учителям, преподавателям в национальных республиках. Стремясь помочь им в повседневной практической работе, в организации кружков и клубов русского языка, мы ввели специальную рубрику «Вести от друзей русского языка». В этой рубрике сообщается о том, какая работа по пропаганде лингвистических знаний ведется в той или иной школе, какие интересные формы этой работы используются преподавателями. Многие учителя в своих письмах в редакцию подчеркивают, что организацию внеклассной работы по русскому языку они начали с коллективного прослушивания передачи «В мире слов» и выполнения домашнего задания.

В помощь школе мы ведем также пропагандистскую, разъяснительную работу среди родителей. Во всех материалах о новых книгах, о словарях звучит призыв к взрослым: знакомить своих детей с подобными книгами, читать их в кругу семьи. Особое внимание родителей обращаем на журнал «Русская речь», разъясняем, что материалы журнала

могут оказать учащимся большую помощь в изучении русского языка, а подобранные за год комплекты журнала послужат ценным справочником на долгие годы.

Радио имеет богатейшие возможности для пропаганды лингвистических научных знаний. Но при этом мы не ставим своей целью учить слушателей, мы только хотим помочь им разобраться в некоторых актуальных языковых проблемах, привить любовь к русскому языку, уважение к науке о нем.

*З. Н. ЛЮСТРОВА,
заслуженный работник культуры РСФСР,
старший редактор Всесоюзного радио*

Примечание редакции. По материалам радиопередачи «В мире слов» вышли следующие книги: *Люстрова З. Н., Скворцов Л. Н.* Мир родной речи. М., 1972; *Люстрова З. Н., Скворцов Л. Н.* В мире слов. М., 1975; *Люстрова З. Н., Скворцов Л. Н., Дерягин В. Я.* Беседы о русском слове. Изд. 1-е. М., 1976, изд. 2-е, расширенное. М., 1978.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно образовать множественное число от слова *флигель*?»

Мартынов, Донецк

Множественное число от слова *флигель* — *флигеля* (устаревашее *флигели*).

«Слышал в разговоре слово *броюсь* вместо *бреюсь*. Допустимо ли это в литературном языке?»

З. А. Мотыль, Киев

В современном нелитературном просторечии вместо форм *брёю*, *брёт* употребляются иногда формы *брёю*, *брёт*. По происхождению — это южнорусская, диалектная форма, отмечаемая исследователями с середины XIX века. В литературной речи употребление таких форм недопустимо.

ЧТО вы скажете, если вас пригласят в театр на интересный спектакль? Очевидно, согласитесь, отказываться не будете. А если какой-нибудь чудака вздумает сообщить вам, что Волга впадает в Каспийское море? Вероятно, тоже согласитесь, возражать, во всяком случае, не станете.

И в том и в другом случае вы согласитесь, но как, какими словами, каким способом вы выразите согласие?

В первом случае в ответ на такую, например, обращенную к вам речь: «У меня на завтра есть билеты в Большой театр. Пойдем со мной!» — можно употребить одну (или несколько) реплик, подобных следующим: *Охотно. С удовольствием. Непременно. Ладно. Хорошо. Пойду. Так и быть. Я согласен пойти с тобой в театр.* (Можно, разумеется придумать еще много других реплик, но все они по своему значению могут быть сведены к одной из уже приведенных).

Эти реплики различаются между собой, но есть у них и общее: все они выражают согласие в ответ на предложение (предложение, совет, просьбу, приказ).

Ни одну из приведенных реплик невозможно использовать, соглашаясь с чудаком, сообщающим общеизвестные сведения о Волге и Каспийском море. Но зато в этом и только в этом случае, выражая согласие с чьим-либо мнением,

О

ВИДАХ

ВЫРАЖЕНИЯ

СОГЛАСИЯ

можно сказать *Да. Конечно. Разумеется. Так оно и есть. Ты (вы) прав(ы).* Я с этим согласен. Я того же мнения.

Оказывается, что совершая действие, которое в русском языке описывается глаголами *согласиться / соглашаться*, говорящие по-русски используют два вида способов выражения согласия: способы выражения согласия в ответ на побуждение и способы выражения согласия с мнением, четко отграничивая их друг от друга.

*

Чем же отличаются друг от друга *мнение и побуждение*?

Мнение может быть оценено как правильное или неправильное. Оно может соответствовать действительности или, по крайней мере, представлению соглашающегося о ней, а может и не соответствовать.

Побуждение нельзя оценить как правильное или неправильное. Побуждение предполагает собственно даже и не согласие с ним, а выполнение того действия, к совершению которого призывается собеседник, которое ему «задается». Мнение же не «задает» никакого действия.

Поэтому согласие с мнением есть по существу его оценка как правильного, соответствующего действительности. Такая оценка осуществляется через характеристику поведения говорящего (*Вы правду говорите*), через выражение собственного отношения (*Я того же мнения*) или через непосредственное подтверждение (*Да. Разумеется. Конечно. Верно. Так оно и есть*).

Побуждение же, предполагая в ответ прежде всего действие, в качестве согласия будет иметь обещание совершить это действие, в будущем. Такое обещание выражается репликой, ядром которой является глагол в форме 1-го лица единственного или множественного числа будущего времени. В речи согласие может быть представлено как всей такой репликой целиком: *Я непременно пойду с тобой в театр* (для примера, приведенного в начале), так и отдельными ее компонентами («обломками»), которые могут содержать, а могут и не содержать в своем составе глагол: *Пойду, Непременно*.

К этому же виду (выражение согласия в ответ на побуждение) относятся реплики *Хорошо. Ладно. Пусть будет так!* и подобные им, в которых соглашающийся прямо не обещает совершить действие, но как бы одобряет его, признает его целесообразность.

Выступая в качестве соглашающегося, человек выбирает сначала один из видов выражения согласия, а потом нужную ему реплику этого вида. Он обязан в своем ответе отразить намерения того человека, который высказывает мнение или побуждение (мы

будем называть его говорящим). Если сказанное говорящим было мнением, то соглашающийся должен использовать какой-нибудь из способов выражения согласия с мнением, если же реплика была побуждением — то какой-либо из группы способов, выражающих согласие в ответ на побуждение.

При этом говорящий контролирует поведение соглашающегося, смотрит, правильно ли тот выбрал группу способов выражения согласия. Если правильно, то цель общения достигнута: некоторое мнение выражено и оценено как правильное, некоторое побуждение высказано и в ответ на него получено согласие. Но если, например, говорящий собирался заставить соглашающегося совершить какое-то действие, а тот выразил согласие таким способом, которым выражается согласие с мнением, говорящий тут же отреагирует, пояснив, что именно он хотел сказать.

Такое недоразумение может возникнуть. Дело в том, что побуждение не обязательно выражается высказыванием с глаголом в повелительном наклонении, то есть специфической для побуждения формой. Оно, как и мнение, может быть выражено повествовательным предложением.

Так, реплика: *Надо чайник поставить*, — будучи повествовательным предложением, может быть оценена соглашающимся и как мнение, и как побуждение. Однако говорящий имел в виду либо такой смысл: *Уже пора ставить чайник*, — то есть мнение о своевременности и целесообразности данного действия, либо такой: *Поставь чайник*, — то есть побуждение к совершению данного действия. Допустим, что говорящий имел в виду последнее, а соглашающийся ответил: *Конечно*, — или: *Я тоже так считаю*, — и остался лежать на диване. Говорящий, видя, что он не понят, естественно, повторно выразит свою мысль, только теперь он отразит свое намерение более четко, например, так: *Поставь, пожалуйста, чайник*, — или так: *Я просил тебя поставить чайник*, — или еще как-нибудь.

Теперь вернемся к началу нашей заметки.

Вы согласитесь и тогда, когда вам предложат пойти в театр, и тогда, когда вам сообщат, что Волга впадает в Каспийское море, но согласитесь в двух этих случаях по-разному. И вы это прекрасно знаете, хотя, может быть, никогда над этим не задумывались.

В. А. БЕЛОШАПКОВА,
И. В. ГАЛАКТИОНОВА

СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ УДАРЕНИЕ И СЛОВАРИ

К вопросам русской акцентологии в последнее время проявляют интерес многие исследователи языка. Это связано со стремлением понять особенности русского ударения, изучить законы его развития. Ученые-языковеды, опираясь на данные стихотворных текстов XVIII—XX веков и историко-диалектологические факты, установили основные процессы образования норм современного русского ударения. Эти акцентные нормы закреплены словарями русского языка, которые на разных этапах его развития фиксируют изменения ударения, происходящие в отдельных словах.

Сложность русского ударения, наряду с другими признаками, связана с его исторической изменчивостью. Она делает колеблющейся языковую норму целых классов слов. Изменение ударения в них — длительный процесс. Но даже в сравнительно небольшое для истории языка время — три-четыре десятилетия — можно обнаружить у значительного количества слов изменение места ударения. Если, скажем, сравнить нормативные рекомендации «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее — словарь Ушакова), отражающего языковую норму 20—30-х годов, 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» и других нормативных справочников, дающих образцовые нормы 50—70-х годов, можно обнаружить немало случаев сдвига акцентной нормы. Особенно неустойчиво ударение в именах существительных и глаголах. В этой статье будут показаны основные направления изменения ударения в глаголах на *-ить*.

■ В современном русском языке глаголы на *-ить* распределяются по трем акцентным группам: 1) глаголы, имеющие накоренное неподвижное ударение (*гладить, готовить, барабанить*); 2) нако-

нечное неподвижное ударение (*говори́ть, сверши́ть, тверди́ть*); 3) подвижное ударение, то есть не прикрепленное к определенной части слова (*люби́ть, люблю́, любишь* и т. д., *носи́ть, проси́ть*). В процессе развития языка группа глаголов с подвижным ударением пополнялась за счет перехода в нее глаголов с неподвижным ударением на конце слова. Неоднократно отмечалось, что на протяжении XIX века у глаголов на *-ить* происходил наиболее интенсивный процесс перемещения ударения в личных формах, начиная со второго лица, на корень (*вѣришь, ку́ришь, че́ртишь, кру́жишь*). Этот сдвиг продолжается и сейчас. Чем ближе к нашему времени, тем большее количество глаголов принимает на себя подвижное ударение. Располагая данными словарей, можно показать, как протекал этот процесс. Обратимся к «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Ко времени выхода этого словаря можно установить следующие группы: глаголы, в которых прочно утвердилось подвижное ударение, а окончательное неподвижное было забыто в XIX веке; глаголы с подвижным ударением, употреблявшиеся в конце XIX — начале XX века с неподвижным окончательным; глаголы с колеблющимся ударением, имевшие прежде окончательное неподвижное ударение.

Сравнение показаний словаря Ушакова и академических словарей, нормативных справочников 50—70-х годов (главным образом 17-томного словаря) позволяет выделить глаголы: с колебаниями, завершившимися выбором одного из вариантов; с незавершившимися колебаниями; глаголы, в которых за период со времени выхода словаря под редакцией Д. Н. Ушакова по настоящее время можно наблюдать изменения в ударении (оконечное — окончательное). Обратимся к характеристике этих групп.

Начало процесса перераспределения глаголов между группами с неподвижным окончательным и подвижным ударением относят к XVIII веку. В разное время список слов с подвижным ударением пополнялся за счет такого перехода, видимо, заметного даже для одного поколения. Трудно сказать точно, к какому времени относится переход, скажем, для глаголов *лечить* и *учить*, которые в прошлом употреблялись с ударением *лечи́шь, учи́шь*. То же можно сказать и о *ловить, платить, просить, служить*, которые к XIX веку употреблялись в поэтических текстах только с ударением *лѳвишь, плати́шь, прѳсишь, слѳжишь*. При этом широко было распространено и окончательное ударение (*дари́шь, ва́лишь, кати́шь, кру́жишь, мани́шь* и др.).

К глаголам с неподвижным ударением в этот период относились и *гасить, делить, поручить, светить, сушить, тушить, ценить* и некоторые другие, употребляемые теперь в формах настоящего времени (начиная со второго лица), только с ударением на корне.

Подвижность ударения в них отмечалась в начале XIX века. В «Русской грамматике» А. Х. Востокова они даны в списке глаголов с подвижным ударением. Как черта живой народной речи подвижное ударение постепенно входило в литературный язык. Однако употребление этих глаголов поэтами XIX века не позволяет говорить о том, что ударение на корне в них уже вытеснило традиционное, окончательное. Этот процесс протекал медленно, о чем свидетельствует наличие обширного количества слов с двояким ударением. Словари еще продолжали рекомендовать традиционное ударение. Так, «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 года дает наряду с ударением *вѣлишь, вѣришь, гѣсишь, дѣлишь, мѣнишь, мѣсишь, цѣнишь* и ударение *катѣшь* (но: *кѣтѣшься*), *кружѣшь, тащѣшь, трубѣшь* и некоторые другие.

Акцентные характеристики, данные в словарях и грамматиках, оказываются различными даже в отношении одних и тех же слов. Скажем, у глагола *катить* подвижное ударение отмечается в начале XIX века (Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный; Русская грамматика А. Х. Востокова), в Словаре 1847 г. — *катѣшь*, в исследованиях по ударению русского глагола Я. К. Грота — оба ударения. Кстати, у Я. К. Грота в его «Филологических разысканиях» (СПб., 1873) делается некоторая уступка традиционному окончательному ударению, и большинство глаголов, отмеченных словарями и грамматиками первой половины века, с подвижным ударением, даны у Грота с двояким ударением: *вѣришь, гѣсишь, дѣлишь, свѣтишь, сѣишь, рѣзвишься, тѣишь, чѣишь* (всего 50 слов).

С колеблющимся ударением употреблялись в конце XIX — начале XX века и глаголы *дарить, катить, крошить, кружить, курить, лениться, пилить, поручить, студить, тащить, трудиться* и др. В словаре Ушакова эти и другие глаголы даются только с подвижным ударением. Исключение составляет глагол *дарить*, рекомендуемый с традиционной формой *дарѣшь* (приставочные образования от этого глагола даются с различными ударениями); с двояким ударением дана форма *трѣдишься*; у глаголов *ценить* и *чертить*, кроме подвижного, указаны с пометой «устаревшее» *ценишь, чертишь*; с пометой «областное» — *тащѣшь*.

У ряда глаголов, напротив, наблюдается обратное движение: ударение переходит ближе к концу слова. Словарь Ушакова закрепляет окончательное ударение в некоторых глаголах, хотя ранее они давались с подвижным: *занозить* — *занозѣшь, гнездиться* — *гнездѣтся, трубить* — *трубишь, вопить* — *вопишь, резвиться* — *резвишься*, как просторечный и устаревший вариант *рѣзвишься* (ср.: *рѣзвишься, гнездишься* — у Я. К. Грота, *занозѣшь, трубишь* —

в Русской грамматике А. Х. Востокова). Неподвижное окончное ударение в глаголах *резвисься, занозись, грубись* принято в качестве литературной нормы, не подвергшейся изменениям и колебаниям и в последующие десятилетия.

Об активизации подвижного ударения говорит и тот факт, что, например, у многих глаголов, употреблявшихся ранее только с окончным ударением, широкое распространение получает вариативное ударение. В словаре Ушакова с двойным ударением находим глаголы: *грузить — гру́зйшь, мутить — му́тйшь, повторить — повтóрйшь, поить — по́йшь, сверлить — свёрлйшь, сорить — сб́рйшь, строчить — стрóчйшь* и другие (приставочные однокоренные глаголы приводятся с иными акцентными рекомендациями).

Выбор одного из двух вариантов ударения словарями и справочниками, отражающими нормы 50—70-х годов, обусловлен двумя причинами: победой подвижного ударения, которое долгое время осознавалось как разговорное (*кру́тишь, оцéнишь, прорóбнйшь, раздéлйшь, ч́нйшь, чёртйшь*), и закреплением в качестве нормы традиционного ударения в словах с явным стилистическим наполнением (*преклонйшь, кровото́чйшь, обелйшь*), а также в словах, имеющих нейтральный характер, подвижное ударение в которых узаконено словарем Ушакова под влиянием диалектов и просторечия.

Например, словарь Ушакова: *свёрлйшь, сб́рйшь, подтвёрдйшь, помéстйшь, повтóрйшь, ру́ководйшь* и (устар.) *руководйшь*; 17-томный Словарь: *сверлйшь, сорйшь, подтвердйшь, поместйшь, повторйшь, руководйшь*. Этим же влиянием можно объяснить наличие в словаре Ушакова форм *подраздéлйшь, раззолóтйшь, расщепйшь* (воздействие южных говоров), не получивших прав на существование в литературном языке.

Академические словари и нормативные словари-справочники 50—70-х годов поддерживают традиционное окончное ударение: *винтйшь, долбйшь, кройшь, мирйшь, селйшь, сверлйшь*, хотя в разговорной речи широко распространено подвижное. В поэтических текстах большинство этих глаголов употребляется редко или не встречается вовсе (кроме *мирить, селить*). Сфера же бытования этих слов очень широка, поэтому разговорные варианты оказывают такой сильный нажим на литературную норму. Однако литературная традиция внутри глаголов этого класса и престиж грамотной речи не позволяют вытеснить постоянное окончное ударение в данных глаголах.

В современных словарях до настоящего времени остается большое количество колеблющихся форм. Так, нет единой нормы в акцентных характеристиках личных форм глаголов *грузить, манить*,

поить, белить, скоблить, мутить, прислонить, строчить, шевелить и других.

По данным словарей и наблюдений над современным употреблением можно проследить упрочение подвижного ударения у глаголов *грузить, поить, рядить* «наряжать», а также некоторых глаголов, производных от *солить, цедить, скоблить, белить, горючить*. Тенденция к сохранению конечного ударения, при наличии вариантов, наблюдается у глаголов *строчить, (при)слониться, шевелить*. В ряде случаев широкое распространение имеют варианты ударения. Например, глагол *скоблить*, имеющий, по словарю Ушакова, двойное ударение, сохраняет обе акцентные формы в 17-томном, 4-томном академических словарях, «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, но с явным предпочтением начального ударения: *скоблѣшь* и *скоблѣшь*; словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова дает вариант *скоблѣшь* только как допустимый; «Словарь ударений для работников радио и телевидения» в качестве единственного указывает лишь ударение *скоблѣшь*.

У отдельных глаголов существенное значение имеет смысловое разграничение вариантов. В различных словарях они часто получают разные характеристики. Скажем, для глагола *мутить* в словаре Ушакова дается такая дифференциация: *мутишь* — делать мутным (жидкость); *мутишь* — (переносное значение) делать неясным, смутным. Оба варианта ударения во всех значениях представлены в словарях: 17-томном, 4-томном, С. И. Ожегова, Орфографическом; только *мутишь* рекомендует «Словарь ударений для работников радио и телевидения», так же и как допустимый вариант *мутишь* указывает словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка». Смысловое различие акцентных вариантов есть лишь в словаре «Русское литературное произношение и ударение»: *мутишь* допустимо только в прямом значении — о жидкости, а *мутишь* употребительно в обоих значениях.

■ Все сказанное должно было бы наводить на мысль о необходимости единых акцентных рекомендаций в словарях и справочниках русского языка. Но существование у отдельных слов вариантов в ударении — явление неизбежное в живом литературном языке. Оно свидетельствует о непрерывном процессе развития языка.

В. М. НЕНЬКО

«В СМЫСЛЕ...»

Вероятно, многие обращали внимание на то, что в последнее время в нашей устной речи, особенно молодежи, часто звучит выражение *в смысле*:

— В смысле поездки ничего не получается.

— Я еще не говорил ничего, в смысле не знаю, что сказать.

— Скорее пришли мне книги, в смысле до ноября.

И даже: — Ты зачем туда идешь?

— В смысле?

Впрочем, даже особенно высокая частотность этой формы, в том числе и в повседневной речи, едва ли кого-то может удивить. Влияние научного, книжного языка на все другие стили в настоящее время столь существенно, что ощутимо даже в бытовой речи. Кроме названной формы, весьма часто можно слышать: *в виде, в форме, в период, в меру, в связи, в порядке, по поводу, в принципе, по идее* и т. п. Тем не менее *в смысле* наиболее «бросается в глаза», вызывая иногда и пуристическое неприятие ее. То и другое можно объяснить особенностями употребления данного оборота в сравнении с подобными ему.

Интересующая нас форма *в смысле* принадлежит к числу вторичных, субстантивных предлогов, то есть формирующихся из определенных падежных форм отвлеченных существительных. Таких предлогов, уже достаточно стабилизировавшихся в этой функции, в русском литературном языке ученые-филологи насчитывают более ста (см. статью «О собственно отыменных предлогах в русском языке». — Русский язык в школе, 1980, № 1). Это, например, такие: *во имя, в рамках, в связи с, в силу, в счет, в духе, на основе, на стороне, на почве, по отношению к, по мере, по ходу, за исключением, с целью, в течение, в продолжение* и многие другие.

Форма *в смысле* в исследованиях по этому вопросу зафиксирована именно как предлог (см., в частности, указанную статью, а также книгу Е. Т. Черкасовой «Переход полнозначных слов в предлоги». М., 1967). Данное выражение действительно широко употребляется в качестве предлога. Вот примеры: *В смысле перспектив* развития отрасли это была очень важная директива; *В смысле работы* у него было все хорошо; *В смысле употребления* это самое обычное слово; *У них сейчас все благополучно, в смысле здоровья.*

Кроме того, это и предложный падеж существительного: *В смысле* его слов мы не сомневались.

Однако форма *в смысле* особенно интересна не функцией предлога. Приведем примеры, в которых данная форма употребляется еще и в другом значении: Он не подготовился к конференции, *в смысле* не успел; Его там нет, *в смысле* не работает; Книги еще не привезли. *В смысле* учебники (из разговорно-бытовой речи).

В этих фраземах *в смысле* — не предлог. Все субстантивные предлоги употребляются только с родительным падежом существительного: *в порядке поощрения, по линии отчетности*. В приведенных примерах функция *в смысле* — другая. Бесспорно, это тоже служебное слово, его значение — уточнительное, поясняющее, ответственное значению союза *то есть* (иногда *а именно*). Тождественность грамматического значения *в смысле* и *то есть*, а также условий их употребления во фразе позволяет говорить о том, что форма *в смысле* в данных примерах выполняет функцию союза. Можно сказать, что формируется еще один, новый пояснительный (уточнительный) союз. При этом, если употребление предлога *в смысле* в разговорной речи — результат влияния книжного языка, то союз, наоборот, начал употребляться в обиходно-бытовой речи.

Таким образом, падежная субстантивная форма *в смысле* образует в современном русском языке три грамматических омонима. Предложный падеж существительного *смысл*: *В смысле* этого письма он еще не разобрался; предлог: *В смысле талантов* он не обижен судьбой; союз: Их еще нет, *в смысле* на лекции. В первом случае *в смысле* является словоформой, во втором и третьем — служебным словом.

Функции предлога и союза формы *в смысле* недостаточно дифференцированы; об этом свидетельствует возможность совмещения той и другой роли, например: Он не обижен судьбой, *в смысле таланта*. В этом примере сочетаемость с существительным в родительном падеже, то есть синтаксическая позиция предлога, совмещается с пояснительным значением, присущим союзу. Более точно значение данного употребления можно назвать ограничительно-пояснительным. Так, с одной стороны: Он не обижен судьбой, *если говорить о таланте*; с другой: Он не обижен судьбой, *то есть талантлив, то есть у него есть талант*. Легко заметить, что такое двоякое значение обуславливается сочетанием двух разнородных признаков: подобно предлогу (сочетается с родительным падежом существительного — *таланта*) и подобно пояснительному союзу (находится в конце фразы). Причем весь оборот обособляется; при отсутствии обособления можно говорить о собственно предложной функции и в подобных случаях.

Отметим также, что предложения с союзом *в смысле* представ-

ляют собой в принципе простые структуры. В этом утверждении можно усомниться, очевидно, в тех случаях, когда союз соединяет с предшествующей частью сказуемое: О многом он не сказал, *в смысле растерялся*. В подобных предложениях второе сказуемое является уточнительным по отношению к первому, то есть составляет обособленный, уточнительный оборот.

С чем же связано появление союза? Нам думается, что это результат упрощения существующего (но употребляющегося очень редко) союза *в том смысле что*: Этого нельзя доказать, *в том смысле что* не успеем. Данное сочетание — с опорной формой *в смысле* — в подобных конструкциях играет роль подчинительного союза (значение его еще неотчетливо). Союз этот, по происхождению книжный, слишком «громоздкий» для частого употребления, для обиходно-бытового языка. Поэтому вполне естественно, что в устной речи возник его сокращенный вариант. Отметим также, что союз *то есть*, с которым в принципе тождествен *в смысле*, как и *в том смысле что* — книжный. И поэтому он тоже не мог удовлетворить потребность языка в пояснительном, уточнительном союзе, который бы широко употреблялся в разговорно-бытовом стиле.

Впрочем, возможно, что решающим условием для появления союза было достаточно частое употребление в разговорной речи предлога *в смысле*. Возможно, что в этих условиях союз возник бы и при отсутствии в языке сочетания *в том смысле что*. При этом объяснение того, что «выбор пал» именно на форму *в смысле*, кроется, конечно, в лексическом значении существительного *смысл*, которое, как и всегда в подобных случаях, влияет на грамматическое значение «своего» служебного слова (вспомним предлог *благодаря*).

Заметим также, что положение оборота с союзом *в смысле* в конце фразы и интонация, с которой произносится этот оборот, показывают, что он обозначает добавочно присоединяемое к предложению уточнение; возможно употребление и отдельной фразы, например: Дела у него идут отлично. *В смысле* тренируется хорошо.

Итак, нравится нам это или не нравится — форма *в смысле* существует в нашем разговорном языке. Разумеется, это еще не означает, что она является «признанной» литературным языком, нормативной для его разговорно-бытового стиля. Время покажет, насколько необходима, естественна, жизнеспособна форма *в смысле* в разговорной речи, как и весь разряд форм, к которому она принадлежит. Впрочем, судьба различных единиц этого разряда может складываться своеобразно, быть «индивидуальной».

Т. П. АНТОНОВА

Сыктывкар

«ЕГО УШЛИ»

- Иван Иванович все еще у вас работает?
- Да нет, он сейчас во втором управлении.
- А почему ушел?
- Его ушли!

Шутливое выражение *его ушли*, употребляемое иногда вместо сочетания *его вынудили уйти*, казалось бы, нарушает грамматические нормы русского языка, так как глагол *уйти* является непереходным и, следовательно, не может иметь прямого дополнения. Кроме того, здесь несколько переосмыслено и лексическое значение глагола, поскольку подчеркивается принудительный характер ухода Ивана Ивановича (такое употребление непереходного глагола в лингвистических работах называется побудительным).

Для русского языка побудительное употребление непереходных глаголов, как правило, нехарактерно, поскольку в нем есть специальные пары побудительных (переходных) и непобудительных (непереходных) глаголов, например: *расти* (самому) — *растить* (делать так, чтобы кто-то рос), *смеяться* (самому) — *смешить* (делать так, чтобы смеялся другой), *сохнуть* (самому) — *сушить* (делать так, чтобы сох другой).

Однако в последнее время побудительное употребление непереходных глаголов часто встречается в разговорной речи, что отражается в художественной литературе и периодической печати. Так, в повести Ю. Крелина «На что жалуетесь, доктор?» непереходный глагол *подышать* употреблен с прямым дополнением в значении «сделать так, чтобы больной подышал»: [Николай]. Ну что ты болтаешь? Ты посмотри данные. Видишь, какой он [больной] хороший. А ты балаболить. [Ефим]. Не знаю, Березиц, не знаю. Только когда подольше его [больного] подышишь, как следует отвентилируешь, они [данные о состоянии здоровья] лучше.

А вот пример, в котором с прямым дополнением употреблен глагол *уйти*: Марина жаждала сама стать обладательницей московской квартиры..., откуда мужа можно под любым предлогом выставить («это называется, — скажет потом адвокат, — мы его уйдем») (Лит. газета, 1981, 7 янв.).

Если непереходный глагол может употребляться в побудительном значении и иметь прямое дополнение, то от него может быть

образовано и страдательное причастие, что в целом для непереходных глаголов несвойственно. Например: Тобик [собака] второй день не гулял! (Лит. газета, 1979, 30 мая) — здесь употреблено страдательное причастие от глагола *гулять*.

Отметим также, что совмещение у глагола двух значений — побудительного и непобудительного — встречалось в русском языке и раньше, однако отмечались только случаи, когда основным было побудительное значение, а вторичным, переносным — непобудительное. Так, глагол *баловать* может быть использован не только в основном значении «позволять кому-то шалить»: Отец не отличался большим характером и баловал свою красавицу (Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко), но и во вторичном — «шалить самому, самим»: Раньше всех в избу попабились ребятишки, школьники. Они расселись на полу, у печки, и сразу стали *баловать* (Антонов. Весна).

Глагол *гнать*, помимо основного значения «заставлять кого-то двигаться», может быть употреблен в значении «двигаться (самому)». Сравним три предложения: Глеб *гнал* серого жеребца что было духу (Горбатов. Мое поколение); Я спешил добраться до города... и *гнал* более двухсот пятидесяти верст в сутки (Гончаров. Фрегат «Паллада»); Василий Волков, *гоня* на коне вдоль реки, наехал на рыбацкий костер (А. Толстой. Петр Первый). В первом предложении глагол имеет прямое дополнение, во втором в какой-то мере его можно допустить (так называемый эллипсис), в третьем — деепричастие *гоня* образовано от непереходного глагола *гнать* (мчаться), который не может иметь прямого дополнения.

Помимо основного значения, могут иметь вторичное, непобудительное значение и другие глаголы передвижения: *дотянуть*, *двигать* и т. п. Приведем примеры предложений, в которых указанные глаголы употреблены как непереходные: Левый мотор был поврежден. Самолет мог *дотянуть* обратно через липию фронта, только освободившись от пассажиров (Кожевников. Первые десантники); Когда выпишут [из госпиталя], надо будет *двигать* прямо в штаб группы (Симонов. Товарищи по оружию). В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова глаголы *баловать*, *гнать*, *дотянуть*, *двигать* и др. в приведенных значениях даны с пометами «просторечное» и «разговорное».

*

О дальнейшей судьбе новообразований подобного рода можно только догадываться. Возможно, отмеченное здесь побудительное употребление непереходных глаголов с прямым дополнением будет

прогрессировать и станет нормативным, но, скорее всего, оно так и останется одним из экспрессивных средств разговорной речи. Последнее предположение более вероятно, так как в русском языке побудительные и непобудительные глаголы чаще всего различаются приставками или суффиксами (иногда с чередованиями в корне), например: *веселить* — *веселиться*, *положить* — *лежать*, *уверить* — *верить*, *глушить* — *гложнуть*, *будить* — *пробуждаться*.

В том случае, когда в языке нет необходимого глагола для образования пары, зная закономерности русского языка, можно создать его. Вот один пример: Хватит рассказывать сказки! — сказал в подворотне человек в тулупе гражданину в очках. — Все одно не *разнюишь* (Инип. Елка) — здесь образован соотносительный с *нюнить*, *разнюниться* не отмеченный ранее глагол *разнюнить*.

А. П. ЧУДИНОВ

Стерлитамак

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно сказать *флюорограф́ия* или *флюорограф́и́я*?»

Орлов, Тула

Литературной нормой является постановка ударения на *а* (*флюорограф́ия*), хотя в профессиональном просторечии быгует и вариант с ударением на *и* (*флюорограф́и́я*).

«Где правильно поставить ударение в слове *магазин*. Мои подруги говорят: *Мы пошли в мага́зин*, а я с ними не согласна. Кто прав?»

А. А. Лескова, Орел

Правы Вы. В слове *магази́н* ударение ставится на последнем слоге

«Какого рода слово *мозо́ль*?»

М. Еремин, Уфа

Мозо́ль — женского рода.

В ПРАКТИКЕ повседневного общения мы редко задумываемся и еще реже спрашиваем себя: что такое язык, как он функционирует? С младенческих лет и до конца жизни использование языка для нас так же естественно, как ходьба, дыхание, прием пищи. Более того, мы можем быть, несколько наивно полагаем, что если говорим на родном языке с малых лет, то великолепно и знаем его. Здесь уместно вспомнить слова знаменитого французского философа и писателя-просветителя Вольтера: «Выучить несколько языков — дело одного или двух лет; а чтобы научиться говорить на своем языке как следует, надо полжизни». И действительно, для полного владения родным языком надо иметь представление о свойствах языка, о законах, по которым он используется и развивается, его строении, функциях, богатстве словаря, а также о грамматической правильности, логической стройности, выразительности. Изучением всех этих особенностей и занимается наука, известная под названием «языкознание», или «языковедение», или «лингвистика» (от латинского слова *lingua* «язык»).

Изучением особенностей русского, немецкого, английского и других конкретных языков занимается русское, немецкое, английское и другое национальное языкознание. Каждая страна, в которой существует своя языковая традиция, дает и свой вариант науки о языке.

Вместе с тем следует помнить и о том, что все языки мира обладают некоторыми общими и существенными свойствами и признаками. Укажем прежде всего на следующие: языки служат людям в качестве средства общения; участвуют в формировании и

БЕСЕДЫ
О РУССКОМ
ЯЗЫКЕ

Русский язык и наука о нем

выражения мысли; имеют звуки, слова, грамматику; слова имеют значения. Все языки могут функционировать в устной и письменной формах; на определенной ступени исторического развития и при определенных социальных условиях получают литературную оформленность и делятся на стили и т. д. Изучением перечисленных признаков различных конкретных языков занимается наука «общее языкознание».

■ Языкознание — очень древняя наука; она возникла более двух с половиной тысяч лет назад первоначально в древней Индии и имела практическую цель — сохранить точно произношение священных писмов — Вед, а также нормализовать единый литературный язык древней Индии — санскрит. В древней Греции и Риме языкознание являлось одной из составных частей философии, и поэтому языковедческие проблемы разрабатывались преимущественно философами.

Первые сведения о русском языкознании, о русской грамматической науке относятся примерно к X—XI векам, то есть к тому времени, когда в Древнерусском государстве культура и образование достигли достаточно высокого уровня. Внутренние государственные потребности, дипломатические отношения, торговля требовали подготовки грамотных и знающих людей. Многочисленные замечания русских летописцев свидетельствуют о том, что наши предки высоко ценили книжную письменность. Они говорили: «Книги суть реки, напоющие Вселенную», в них «обращеши великую пользу души своей»; «Ум без книг, акк птица опешене».

При обучении письменности обращали внимание на правильность в употреблении букв, в построении предложений. А это уже предполагало существование определенных грамматических правил. Одной из первых русских грамматик является букварь Ивана Федорова (около 1510—1583), русского и украинского издателя. Наиболее выдающимся филологическим сочинением начала XVII века была Грамматика Мелетия Герасимовича Смотрицкого (около 1578—1633), которая сыграла большую роль в истории просвещения славянских народов. Грамматика Смотрицкого подготовила почву для создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова.

Следует также напомнить об учителе Ломоносова в Славяно-греко-латинской академии — Василии Евдокимовиче Адогурове (1709—1780). Грамматика Адогурова, дошедшая до нас по списку 1738 года, была первой грамматикой, определяющей нормы употребления русского языка. Выступая против широкого использования церковнославянизмов, Адогуров защищал самостоятельность русского языка. Впервые в русском языкознании Адогуров разделил букву и звук, ввел фонетический принцип русской орфогра-

фии, то есть правило, по которому каждое слово должно быть написано так, как произносится. Адодуров вместе с поэтом В. К. Тредиаковским принимал активное участие в разработке и становлении норм русской орфографии.

Со второй половины XVII века начинается формирование русского национального языка и закрепление его в письменности. Церковнославянский язык, на котором писались литературные произведения того времени, подвергается сильному воздействию со стороны народного разговорного языка. В литературном языке сочетаются формы разговорной речи и старые архаические элементы церковнославянского языка. В конце XVII века наблюдается своеобразное многоязычие, состоящее из церковнославянского языка канонических книг, «олитературенного» языка приказов и живого разговорного языка. [Языковая ситуация в России конца XVII и самого начала XVIII века отражена в романе А. Н. Толстого «Петр Первый».] Такое положение обусловило неупорядоченность словарного состава и грамматического строя языка, что требовало создания норм литературного языка, разработки и изучения его грамматики и орфографии.

Эта задача выпала на долю М. В. Ломоносова (1711—1765), который по праву признан создателем русского литературного языка и основателем русского языкознания. В своей «Российской грамматике» он унифицировал орфографические правила, орфоэтические нормы и изложил морфологическую структуру русского литературного языка. Выход в свет «Российской грамматики» современники Ломоносова восприняли как национальное торжество. Ломоносов впервые указал на важность языкознания (в терминологии того времени — грамматики) для других общественных наук. «Тупа оратория,— писал он,— косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики... В грамматике все науки нужду имеют» (Российская грамматика).

Ломоносовская традиция философско-материалистического осмысления языкознания была продолжена выдающимся русским просветителем-революционером А. Н. Радищевым (1749—1802), который подчеркивал, что речь как «начальный способствователь рода человеческого» послужила стимулом для развития человека — совершеннейшего создания природы. Радищев чрезвычайно высоко оценивал роль науки о языке в обществе, полагая, что она лежит в основе всех наук. Человек, занимающийся другими науками, не должен гордиться преимуществами своей науки перед наукой о языке. «...Возгордившись паче меры,— предупреждает Радищев такого ученого,— помысли, что знание твое, что наука твоя есть плод твоея речи., помысли — и усмирися».

Начиная с ломоносовского периода характерной особенностью русского языкознания была его философская направленность, заключающая мысль о том, что все явления мира, в том числе и язык, могут быть рассмотрены как различные формы материи. При этом русские ученые-языковеды всячески стремились поставить науку о языке на службу обществу и способствовали распространению грамотности среди народа. Так, «Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях» и «Русская грамматика... по начертанию его же сокращенной Грамматики, полнее изложенная», написанные в 1831 году известным русским языковедом А. Х. Востоковым (1781—1864), выдержали: первая — 16 изданий, а вторая — 12. В основе этих грамматик лежит живой разговорный язык и литературный язык, преимущественно Пушкина. Ленинградский ученый В. В. Колесов обратил внимание на то, что издание грамматик Востокова совпало с расцветом творческого гения нашего великого поэта. Мы не знаем, насколько прямыми и непосредственными были бы связи современного русского литературного языка с языком Пушкина, если бы не Востоков, потому что именно он удивительно вовремя оценил язык Пушкина и точно очертил границы его общенационального использования.

В 1858 году знаменитый русский языковед Ф. И. Буслаев (1818—1897) написал учебное пособие для преподавателей «Опыт исторической грамматики русского языка», которое позднее переиздавалось под названием «Историческая грамматика русского языка». В основе этой книги лежит тезис о том, что «язык есть не только выражение мыслительности народной, но и всего быта, нравов и поверий страны и истории народа». Все, что выражается в языке, он рассматривал как выражение народного ума и быта. Благодаря привлечению диалектного материала Буслаеву удалось объяснить многие формы русского языка, которые до этого считались неправильными. В «Исторической грамматике» Буслаева использованы методы сравнительно-исторической лингвистики и заложены основы для научного изучения русского языка. Поэтому грамматика была восторженно принята современниками. О Буслаеве писали, что по своим трудам и влиянию в языкознании он может быть назван вторым Ломоносовым.

Становление в России общего языкознания как самостоятельной науки начиная с 70-х годов XIX века происходит на фоне острой идейно-политической борьбы. Огромная заслуга в постановке теоретических проблем общего языкознания принадлежит А. А. Потебне (1835—1891), в работах которого ощущается сильное влияние материалистических идей русских революционеров-демократов. Рассматривая роль языкознания в ряду других наук, По-

тебя подчеркивал, что языкознание есть наука, исследующая тот фундамент, на котором основываются процессы мысли. Подобно тому, как математика является основой для технических наук, языкознание, по мнению Потебни, есть главная наука среди гуманитарных. Языкознание и математика являются элементарными науками для познания человека и природы.

На важность языкознания в системе гуманитарных наук указывал и другой известный русский лингвист — Ф. Ф. Фортунатов (1848—1914). Он неустанно подчеркивал, что задача языкознания — исследование человеческого языка в его истории, которое входит составной частью в науку о природе и жизни человеческих коллективов. Воссоздавая, например, слова древнего славянского языка, языкознание знакомит нас с культурным состоянием славян в ту эпоху, когда существовал этот язык, рассказывает об общественных отношениях, связях древних славян с соседними народами. А ведь без глубокого знания прошлого своего народа и уважения к нему, без сохранения великого наследия наших предков нет чувства собственного достоинства, нет национальной памяти.

Выдвинутая Фортунатовым задача языкознания нашла конкретное воплощение в работах его ученика, выдающегося русского лингвиста академика А. А. Шахматова (1864—1920). В своих трудах «Очерк древнейшего периода истории русского языка», «Древнейшие судьбы русского племени» ученый связывает историю русского языка с процессом образования русской нации и культуры. После Великой Октябрьской социалистической революции языкознание было поставлено на службу советскому обществу. Под руководством Фортунатова и Шахматова Орфографическая комиссия Академии наук подготовила еще в 1912 г. проект реформы русской орфографии, который был утвержден в 1918 году. Эта реформа значительно облегчила распространение грамотности среди широких народных масс. Введенные правила правописания в основных чертах сохраняют свою силу и до настоящего времени.

Крупнейшим достижением советского языкознания, связанным с практическими потребностями общества, было участие лингвистов в создании и развитии национальных литературных языков для бесписьменных и младописьменных народов, новых алфавитов, грамматик, словарей для многих народностей, живущих в нашей стране.

Взаимодействие русского языка с другими национальными языками народов СССР привело к появлению новой категории — общего лексического фонда языков народов СССР. Изучение такого взаимодействия, путей и способов перехода лексических и иных

элементов из одного языка в другой составляет важнейшую задачу советского языкознания на современном этапе.

В эпоху научно-технической революции значительно расширяются возможности применения языкознания в таких областях знания, как математическая логика, кибернетика, информатика. К числу новых проблем языкознания должны быть отнесены машинный (или, как говорят, автоматический) перевод и лингвистическое обеспечение работы информационных систем. Сейчас рано пока говорить о машинном переводе художественных произведений, но переводы научно-технических текстов, несложных по языковым особенностям, с определенной терминологией, уже существуют. Языковеды провели большую работу по разработке программ, обеспечивающих удовлетворительный перевод научных текстов.

К настоящему времени язык оказался предметом внимания и интереса достаточно удаленных, а в отдельных случаях и, казалось бы, несовместимых научных дисциплин. Это и неудивительно, ибо язык обеспечивает контакты многих и разных областей современного научного знания. Поэтому основные понятия науки о языке должны быть известны всякому человеку, который стремится овладеть духовными народными богатствами, в том числе и богатствами национального языка, культурой русской речи.

Особое значение русского языка среди языков народов СССР объясняется его социальной значимостью в жизни нашего многонационального государства. Стремление нерусских народов к овладению русским языком, знание его стало насущной потребностью всех граждан нашей страны. Русский язык выступает в качестве языка межнационального общения и братского сотрудничества между народами Советского Союза. Он стал важнейшим средством приобщения всех народов СССР к русской и мировой культуре. Взаимодействуя с языками народов СССР, русский язык и сам обогащается за счет этих языков, и обогащает их.

Советская лингвистическая наука играла и играет большую роль в национально-языковом строительстве в нашей стране, в развитии образования, науки, дальнейшем формировании нового, социалистического быта. Осуществляя ленинскую национальную политику, советские языковеды создали теорию социалистических национально-языковых отношений и развития языков социалистических наций, а также осуществили огромную практическую работу по развитию языков народов нашей страны.

Ф. М. БЕРЕЗИН

КОНСТАНТИН Федорович Калайдович родился в мае 1792 года в Ельце в семье врача (его отец был известен как автор публикаций по медицине). К. Ф. Калайдович учился в Елецком народном училище, затем в Киевской духовной академии и в гимназии при Московском университете. В 1807 году он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1810 году с дипломом кандидата словесных наук. По окончании университета работал учителем в гимназии, а также в благородном пансионе при Московском университете, где преподавал историю и географию. Наряду с педагогической деятельностью К. Ф. Калайдович занимался исследованием древних памятников письменности.

Первые работы ученого появились в печати в 1808 году. В 1811 году в различных московских журналах публикуются его статьи по славянской филологии и истории. В том же году он стал членом Общества истории и древностей российских при Московском университете и предложил программу издания древних памятников славянской письменности под общим заглавием «Русские достопамятности». Эта работа была прервана войной в 1812 году, когда ученый, выполняя патриотический долг, был в рядах мо-

Константин
Федорович
КАЛАЙДОВИЧ

1792—1832

сковского ополчения. После войны К. Ф. Калайдович возобновил научную и педагогическую работу. В 1815 году вышла I часть «Русских достопамятностей». В этом издании среди других ценных памятников — древнейший список «Русской Правды» по Синодальной кормчей XIII в.

В 1818 году был опубликован подготовленный К. Ф. Калайдовичем сборник «Древние российские стихотворения, собранные Кирпеем Даниловым». Написанное К. Ф. Калайдовичем предисловие к сборнику — первый опыт научного подхода к изучению русского фольклора: в нем представлено исследование языка и стиля, жанровых особенностей народного эпоса; особое внимание было уделено анализу размера песен и характера нот, а также подробному описанию рукописи этого сборника и изложению методов, лежащих в основе ее издания.

С 1817 года Калайдович работал в Архиве министерства иностранных дел и подробно описал многочисленные рукописи из собрания Патриаршего книгохранилища (в Москве). Одновременно вместе с П. М. Строевым (1796—1876) он обследовал хранилища московских и других библиотек. В результате этих экспедиций были найдены ценнейшие древние памятники — Изборник 1073 г., сочинения Кирилла Туровского, рукописи сочинений Иоанна экзарха Болгарского, Всемирный хронограф, Судебник 1497 г. и другие, а также старопечатные книги. Совместно с П. М. Строевым К. Ф. Калайдович издал «Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича, с дополнительными указами» (1819).

Некоторые результаты изучения древних монастырей и городов он представил в публикации «Письма К. Калайдовича к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 г. древностей». Здесь описаны древние надгробия плит, уже заброшенных и забытых, среди которых, например, плита, выставленная Петром I на площади, с описанием стрелецких злодеяний. Обнаружено также и описано целое кладбище опальных иностранцев и надгробный камень ливонского ландмаршала Белля, казненного при Иване Грозном.

Во время поездок (по служебным и личным делам) ученый прилагал большие усилия для розыска памятников письменности, нередко находившихся в руках частных лиц. Иногда владельцы дарили эти памятники, а иногда К. Ф. Калайдович вкладывал свои скромные средства, чтобы приобрести их для Общества любителей русской словесности, в «Трудах» которого были опубликованы многие статьи ученого.

В 1824 году стараниями К. Ф. Калайдовича был издан Бело-

русский архив древних грамот. За два года до этого, в 1822 году, вышла его работа «О белорусском наречии», в которой он отмечал, что к концу XVII века сформировались малорусское и белорусское наречия (языки). На украинский язык, который тогда называли малорусским наречием, к тому времени ученые уже обратили внимание, а белорусский еще не стал объектом исследования. Калайдович называет области распространения белорусского «наречия», вспоминает видных писателей и ученых, писавших или говоривших на нем (в одном ряду он приводит имена и белорусских и украинских деятелей). Здесь представлен также Краткий словарь белорусского языка, ценный тем, что это была первая, хотя и наивно-примитивная, попытка белорусской лексикографической работы. При этом К. Ф. Калайдович подчеркивал, что сами белорусы «вернее и лучше могут исследовать свое наречие и помощью онаго объяснить древний язык наших памятников».

С осени 1824 года К. Ф. Калайдович начал составлять подробное описание рукописей Синодальной библиотеки в Москве. Он горячо и самоотверженно принялся за работу и к весне 1825 года описал уже 58 рукописей. К сожалению, болезнь помешала ученому завершить начатое дело, он дошел только до № 110.

В 1825 году вышла работа, в которую вложен огромный труд К. Ф. Калайдовича,— «Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... графа Ф. А. Толстого» с палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век (совместно с П. М. Строевым). В этом же году К. Ф. Калайдович был избран членом-корреспондентом Академии наук.

*

Наиболее значительные труды К. Ф. Калайдовича в области языкознания посвящены древнейшим памятникам письменности, их публикации и исследованию; среди них особое место занимает открытие и описание датированного древнерусского памятника — Изборника 1073 г.

В «Памятниках российской словесности XII века» (М., 1821) исследованы творения Кирилла Туровского и другие произведения (с вариантами и комментариями). Благодаря труду К. Ф. Калайдовича памятники, рассеянные в различных общественных и частных библиотеках, впервые были собраны и опубликованы. Комментарии содержат наблюдения исторического, литературоведческого и лингвистического характера.

В капитальном труде «Иоани экзарх Болгарский» (М., 1824) дана характеристика трудов Иоанна экзарха «Богословие», «Шестьднев», «Слово на вознесение господне», отрывка грамматики и др. «Богословие» — перевод произведения знаменитого греческого пи-

сателя VIII века Иоанна Дамаскина, древнейший список которого Калайдович обнаружил в Синодальной библиотеке. Ученый сообщает историю «скитания» рукописи, делает палеографические примечания к ней.

«Шестоднев» — собственное сочинение Иоанна экзарха; в основу его положен труд Василия Великого (подробнее о «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского см.: Русская речь, 1972, № 5). Анализируя и характеризуя это произведение, Калайдович отмечает, что Иоанн принадлежал к ученым мужам своего времени, и воздает «хвалу сему бессмертному мужу не за одну отличную ревность в обработывании еще младенчествовавшего языка словенского, но и за обширные его познания». Особой его заслугой К. Ф. Калайдович считает перевод с греческого «О осьми частях слова» Иоанна Дамаскина. Некоторые грамматические положения этого сочинения Иоанн экзарх применил к «языку словенскому» — древнему литературному языку славян.

Ценность работ К. Ф. Калайдовича заключается не только в том, что он тщательно подготовил к изданию тексты древних памятников, сопроводив их факсимильным изображением отдельных листов древних рукописей, образцами заставок и инициалов, начертаний букв. В комментариях к этим изданиям убедительно доказывается значение древних памятников для истории старославянского языка и славянской культуры в целом; в них содержится серьезное палеографическое и языковедческое исследование рукописей; изложение разработанных им принципов славяно-русской палеографии. Кроме весьма ценных для науки замечаний, рассеянных в комментариях и примечаниях к различным изданиям, встречаются такие, которые характеризуют личность ученого. Так, в примечаниях к «Иоанну экзарху Болгарскому» К. Ф. Калайдович признавался: вопреки желанию убедиться в том, что это сочинение IX века, он не нашел фактических оснований датировать рукопись ранее, чем XII веком, — образец научной честности и принципиальности ученого!

Суждения К. Ф. Калайдовича отличались точностью знаний, в характеристике древнейших памятников он опирался только на факты; мнение его было уважаемым в научных кругах. Интересна позиция К. Ф. Калайдовича в горячих спорах о подлинности памятника «Слово о полку Игореве». Сомнения в подлинности рукописи высказывались уже после публикации Песни Игоревой (М., 1800), когда во время пожара Москвы 1812 года рукопись Слова, хранившаяся в библиотеке графа Мусина-Пушкина, сгорела.

При датировании древних рукописей К. Ф. Калайдович обычно руководствовался в основном палеографическими наблюдениями. Но в данном случае рукопись отсутствовала. И прежде чем убе-

даться в подлинности Слова, К. Ф. Калайдович проделал большую исследовательскую работу. Отдельные наблюдения, сопоставления с другими древними памятниками, являющиеся косвенными свидетельствами подлинности Слова, сохранились в частной переписке ученого. А в 1818 году в «Трудах общества любителей российской словесности» (ч. II) была опубликована статья К. Ф. Калайдовича «Опыт решения вопроса о том, на каком языке писана Песнь о полку Игоря...», в которой автор подчеркивает, что после гибели рукописи памятника для исследования его есть единственное средство: «обратить тщательное внимание на язык оной, исследовать остатки древней письменности и по соображении извлечь доказательства».

К. Ф. Калайдович подверг анализу не только язык Песни Игоревой, но и сопоставил его с древнейшими летописями, грамотами, с языком богослужебных книг, обнаруживая сходство в лексике и словосочетаниях. Особенно он подчеркивал сходство языка Слова с языком летописей, отмечая при этом, что в летописях немало описаний исторических событий, в которых при всем их искажении временем и переписчиками видна еще истинная печать красоты и силы языка. Статья интересна не только теми выводами, к которым К. Ф. Калайдович пришел в результате исследования Слова, но и другими попутными замечаниями, в частности, уже в то время Калайдович говорил о необходимости создания Словаря древнейших памятников. Статья эта является специальным лингвистическим исследованием. В других публикациях К. Ф. Калайдович предстает и как языковед, и как палеограф.

*

К. Ф. Калайдович — выдающийся историк-археограф, первый палеограф-языковед, ученый, занимавшийся широким кругом славистических проблем; он разработал принципы издания древних текстов и многие из них подготовил со своими примечаниями и комментариями, был крупнейшим для своего времени специалистом по древнеславянской палеографии, первым исследовал белорусский язык и обратился к русскому фольклору как объекту научного изучения. К. Ф. Калайдович был известен также как компетентный нумизмат, знаток древнерусских монет, которые собирал и описывал. Его разыскания по нумизматике имеют большое значение для истории русской культуры. Однако эти работы не были опубликованы (они сохранились в архиве ученого), так как он считал более важными свои филологические и лингвистические исследования.

С. Е. МОРОЗОВА

В АВГУСТЕ 1982 года исполняется 120 лет со дня рождения крупного ученого и педагога Бориса Михайловича Ляпунова. Старейший и заслуженный представитель славяноведческой науки, он оставил нам интересные и глубокие исследования по истории русского языка, сравнительной грамматике славянских языков, этимологии, диалектологии, лексикографии. «Замечательным русским славистом» назвал Б. М. Ляпунова В. В. Виноградов.

*

**Борис
Михайлович
ЛЯПУНОВ
1862—1943,**

Б. М. Ляпунов родился в 1862 году в селе Болобонове Нижегородской губернии (ныне Горьковской области). Отец его был в то время известным астрономом. Из этой семьи вышли талантливые люди: старший брат Б. М. Ляпунова, Александр Михайлович,— ученый-математик, действительный член Академии наук, профессор Харьковского университета. Другой брат, Сергей Михайлович,— известный русский композитор школы Балакирева, пианист, профессор Петербургской консерватории.

Борис Михайлович Ляпунов учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, по окончании которого (1885) под руководством академика И. В. Ягича он готовился к профес-

сорскому званию. И. В. Ягич предложил молодому ученому исследовать язык Новгородской летописи; позднее эта тема стала темой магистерской диссертации Б. М. Ляпунова, и его «Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи» было удостоено серебряной медали. По широте постановки проблем, глубине и тщательности изучения языкового материала в научном творчестве ученого эта работа занимает важное место. В ней рассматриваются палеографические особенности Новгородской летописи, исследуются фонетические явления и особое внимание обращается на употребление редуцированных гласных *ъ* и *ь*, которые изучаются в этимологическом плане (с широким привлечением материала из различных славянских языков).

С 1887 года Б. М. Ляпунов работал в Харьковском университете: читал лекции о славянских языках, вел практические занятия по изучению старославянских памятников письменности. И здесь он продолжает свое лингвистическое образование: становится слушателем и учеником А. А. Потебни. Вскоре Борис Михайлович переезжает в Москву, где особенно сближается с Ф. Ф. Фортунатовым. Под влиянием Московской лингвистической школы, главой которой был Ф. Ф. Фортунатов, формируется научный метод Б. М. Ляпунова, подход к изучению языковых фактов. Очень важным Б. М. Ляпунов признавал стремление объяснять новые фонетические явления на основе глубокого изучения праязыка, а также детальное исследование всех условий возникновения каждого фонетического явления.

После защиты магистерской диссертации в 1899 году ученый получает приглашение занять должность экстраординарного профессора по кафедре славяноведения в Одесском университете. Этот период в его научной и педагогической деятельности был самым плодотворным и содержательным. Он читал лекции по введению в славянскую филологию, сравнительной грамматике славянских языков, старославянскому языку, истории русского языка, по отдельным славянским языкам. Здесь Б. М. Ляпунов работал до избрания его действительным членом Академии наук (1923). В 1924 году он переезжает в Ленинград, и с этого времени начинается его деятельность в Академии наук.

Большое и разнообразное научное наследие Б. М. Ляпунова — крупное явление в истории русской славистики. Интерес к работам ученого не ослабевает и в наше время. Из многих проблем, которые он выдвигал и разрабатывал, заметно выделяются такие, как праславянский язык и его диалекты, изучение эпохи распада этого языка и др. Ученый считал, что в праславянском языке существовали разные диалекты, часть из которых была унаследована древнерусским языком. Эти вопросы разрабатываются и в со-

временной славистике. Достаточно сказать, что на предстоящем IX Международном съезде славистов (Киев, 1983) будут обсуждаться многие проблемы реконструкции праславянского языка, его история, структура, фонетико-фонологические, грамматические, лексические и другие языковые явления.

Изучая вопросы происхождения отдельных групп славянских языков, в том числе восточнославянских, Б. М. Ляпунов доказывает, что между праславянским языком и отдельными южнославянскими языками не существовало праюжнославянского. В истории же развития восточнославянских языков «можно сказать, что по XI столетие существовал,— пишет Б. М. Ляпунов,— единый общерусский праязык с незначительными диалектическими вариациями» (Единство русского языка в его наречиях. Одесса, 1919). Б. М. Ляпунов исследует древнейшие взаимосвязи восточных славян с западными, высказывает важные мысли о глубоких групповых взаимосвязях между славянскими языками.

В 30-е годы ученый начал работу над большим трудом, посвященным происхождению и взаимосвязям восточнославянских языков, прежде всего русского и украинского, но закончить эту работу ему не удалось (в феврале 1943 г., будучи в эвакуации в Казахстане, он умер). В рукописях ученого сохранилась незавершенная часть введения к данному труду, которая была опубликована в 1968 году с предисловием Ф. П. Филиппа (см.: Б. М. Ляпунов. Древнейшие взаимные связи языков русского и украинского и некоторые выводы о времени их возникновения как отдельных лингвистических групп.— Сб. Русская историческая лексикология. М., 1968). Наблюдения ученого, представленные в этой части, не потеряли своей научной ценности и до сих пор.

Б. М. Ляпунова интересовали также вопросы истории отдельных славянских языков; так, им написана работа «Несколько замечаний о языке и в особенности о словаре болгарского сборника 1348 г.». В свое время среди славистов широкую известность получило исследование «Формы склонения в старославянском языке». Этот труд интересен тем, что в нем автор, используя сравнительно-исторический метод, изучает надежные формы существительных старославянского языка (наиболее близко отражающего структуру праславянского), восстанавливает способы выражения надежных отношений в праславянском языке. Морфологические явления в работе тесно связаны с фонетическими процессами, имевшими место в славянских языках.

В научном наследии Б. М. Ляпунова значительное место занимают проблемы семасиологии (изучения значений языковых единиц), славянской этимологии. Здесь прежде всего необходимо назвать его работы «Этимологические исследования в области древне-

русского языка», «Семасиологические и этимологические заметки в области славянских языков: приставка *из-*», «Этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского» и «Поправки и дополнения к Этимологическому словарю А. Г. Преображенского».

В изучении русского языка Б. М. Ляпунову принадлежат диалектологические исследования, работы, посвященные анализу языка памятников древнерусской письменности. В них представлены сведения о развитии звукового, грамматического и словарного состава русского языка старшей поры. В. В. Виноградов писал: «А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Е. Ф. Карский, Б. М. Ляпунов сильно углубили и расширили наши знания о народных русских диалектах и их истории. Их труды оказали определяющее влияние на других русских диалектологов, например, на Е. Ф. Будде, Н. М. Каринского, В. И. Чернышева, С. П. Обнорского» (Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, с. 317).

*

Весьма ценные лингвистические наблюдения, замечания и выводы находим в многочисленных рецензиях и отзывах Б. М. Ляпунова о работах разных ученых: исследования А. И. Соболевского по истории восточнославянских языков, отзыв о диссертации Н. К. Грунского «Памятники и вопросы древнеславянской письменности», отзыв о сочинении Н. М. Каринского «Язык Пскова и его области в XV веке», заметки о книге С. М. Кульбакина «Украинский язык. Краткий очерк исторической фонетики и морфологии» и др.

Б. М. Ляпунов написал большое количество очерков о научной деятельности многих крупных языковедов, в которых освещается история разработки отдельных научных проблем, ставятся новые задачи в изучении древней письменности и современных славянских языков, высказывается своя научная концепция по тому или иному вопросу.

Труды русского исследователя получили признание и за границей: Б. М. Ляпунов был избран действительным членом Польской Академии наук, членом-корреспондентом Болгарской и Чешской Академий наук; был членом многих научных обществ.

Е. И. КЕДАЙТЕНЕ

ШКОЛЬНЫЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

В издательстве «Просвещение» вышел «Школьный толковый словарь русского языка» (М., 1981), авторы — М. С. Лапатухин, Е. В. Скорлуповская, Г. П. Снетова. Это первый опыт толкового словаря для учащихся. Он составлен с учетом школьной программы по русскому языку и может быть использован как в классе, так и во внеклассной работе.

Словарь является справочным пособием, в котором читатель найдет интересующие его сведения о слове: значения слов, характеристику фонетических, орфоэпических, морфологических и орфографических признаков, присущих слову. Школьный толковый словарь подробно дает грамматическую характеристику каждого слова: у прилагательных приводятся степени сравнения; у глаголов — формы спряжения, причастий и деепричастий, видообразования и т. п.; у имен существительных — род, число, формы род. падежа.

Авторы словаря, ориентируясь на учащихся, ставили задачу ограничить круг рассматриваемых слов с учетом возрастных особенностей адреса-

га. Словник представлен лексикой современного русского литературного языка. Приводится большое количество интернациональных слов, понимание которых вызывает у учащихся трудности.

В школьной практике большую сложность представляет работа с многозначными словами: часто допускаются ошибки в определении конкретных значений, в установлении их связей в смысловой структуре слова. В словаре даны наиболее употребительные и переносные значения, приводятся контексты, в которых встречаются данные слова, и т. д. Например, из 17 значений глагола *стоять*, отмеченных в 17-томном Словаре, авторы Школьного толкового словаря приводят четыре:

1. Находиться в вертикальном положении. *Часовые стоят у Мавзолея.* 2. Быть расположенным, находиться где-либо. *Университет стоит в центре города.* 3. 1-е и 2-е л. не употребл. Быть, находиться, иметь место. *Солнце стоит в зените.* 4. перен., за кого-что. Действовать в чьих-либо интересах, защищать кого-нибудь. *Советская страна твердо стоит за мир во всем мире.* Переносные употреблениа: *Крепко стоять на ногах* — быть уверенным в своей жизни.

Из семи значений прилагательного *крутой* даны следующие четыре: 1. Отвесный, обрывистый (противоп. — *пологий*). *Берег был крут и скалист.* 2. С резким, внезапным изменением направления. *Дорога делала крутой излом и проходила над обрывом.* 3. *Суровый, строгий, упрямый, своевольный* (о характере).

Карп был мужик *крутой* и *несговорчивый*. 4. *Густо* приговленный, сваренный. *Круглая каша*. *Кругое тесто*. Переносное: *Крутой кипяток* — сильно кипящая, kloчущая вода.

Основным способом толкования значения слов авторы словаря избирают описательный: дается краткое определение, достаточное для понимания слова и его употребления в современной речи. Например, *дружба* — отношения между кем-либо, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.; *каталог* — составленный в определенном порядке систематический перечень каких-нибудь однородных предметов (книг, журналов, музейных экспонатов, картин и т. п.), который представлен в виде списка, картотеки и т. п.

Используется также прием толкования путем подбора синонимов: *надежный* — внушающий полное доверие; *верный*; *прочный*, *крепкий*; *строптивый* — упрямый, своевольный, непокорный, любящий поступать по-своему, действовать наперекор другому; иногда — антонимов: к слову *мягкий* в значении «легко поддающийся давлению, сжатию; малоупругий, эластичный» приводится антоним *жесткий*, к слову *молодой* «юный, не достигший зрелого возраста» — *старый*.

Школьный толковый словарь облегчает работу при изучении морфологии. В нем указываются варианты формы: *мастерской* — *мастерский* (прилаг.), отмечается отсутствие или недостаточность грамматических форм, другие осо-

бенности в парадигме изменяемых частей речи: *бежать* — деепричастия нет; *смелый* — превосходной степени нет; *балет* — только ед. число; *гуманизм* — только ед. число.

«Школьный толковый словарь русского языка» — хорошее дополнительное пособие к учебнику; он дает богатые возможности для усвоения норм литературного языка, для повышения культуры речи, расширяет кругозор учащихся.

Л. И. АЛЕКСЕЕВА
Калуга

Ю. А. Карпенко

НАЗВАНИЯ ЗВЕЗДНОГО НЕБА

Кто из нас в тихую безоблачную ночь не всматривался в таинственную даль, усыпанную мигающими и немигающими звездами? Поистине фантастическое зрелище, которое с древнейших времен привлекало к себе любознательного человека. И как при этом не вспомнить великолепные строки М. В. Ломоносова: Открылась бездна звезд полна; Звездам числа нет, бездне дна.

Вселенная действительно бесконечна, а число звезд вряд ли доступно исчислению. Количество космических объектов, обнаруженных и названных астрономами, ограничено, так как крупнейшее число звезд скрыто от нас пылевыми туманностями.

Становление системы косми-

ческих наименований (космонимов) — не стихийный процесс. В нем отразились законы языкового развития, а также закономерности развития нашей цивилизации. О роли человека, а не какого-то мифического божества, в создании системы современных космических названий рассказывает в книге Ю. А. Карпенко «Названия звездного неба», вышедшей в издательстве «Наука» (М., 1981).

В первую очередь имена нужны для космических телориентиров, с древнейших времен имеющих практическую ценность для человека. Неудивительно, что первыми получили имена такие небесные ориентиры, как Млечный Путь, Утренняя или Вечерняя Звезда, Большая Медведица и др. Астрономы же часто прибегают к условным, буквенно-цифровым обозначениям.

В названиях многих планет, звезд, галактик можно обнаружить имена из античной мифологии. Создавалось впечатление, которое долго поддерживалось, что именно мифология должна стать отправной точкой для объяснения происхождения космонимов. Так поступают многие популяризаторы астрономии.

Ю. А. Карпенко приходит к выводу, что мифология скорее мешает раскрытию смысла старых астрономических названий. Достаточно прочитать в книге главу о названиях, которые были даны недавно объектам невидимой стороны Луны. Они настолько специфичны по происхождению, что выделяются в особый разряд даже среди космонимов, в так называемые астротопонимы, которые внешне схожи с зем-

ной топонимией, но условия их появления своеобразны.

Такие космонимы, как *Ломоносов*, *Геркулес*, *Море Мирное* и др. (всего около 1300 названий), возникли не в процессе многовековой практики, пишет автор, а в результате решений Генеральной ассамблеи Международного астрономического совета.

Хорошо известные названия планет *Меркурий*, *Венера*, *Марс*, *Сатурн*, *Юпитер* сменили более древние названия, связанные с пониманием сути света, огня. Астрономы позже установили, что планеты только отражают от Солнца свет. Древнейшие названия планет были наполнены реальным, конкретным содержанием.

Меркурий назывался *Стильбон* (сверкающий, искрящийся), так как всегда в виде маленькой искорки сопровождает Солнце; *Венера* известна была под именем *Геспер* или *Фосфор* (вечер; несущая свет), что соответствовало ее роли вечерней и утренней звезды; *Марс* назван был *Пирой* (огненный, пламенный), вероятно, из-за своего красного цвета и т. д.

А сколько народных названий у наших планет! Напомним, что остальные три планеты — *Уран*, *Нептун* и *Плутон* — были открыты только за последние два столетия. Их названия можно рассматривать и как дань традиции, и как подчинение строгому «планетному» ряду космонимов.

В книге читатель найдет много интересных фактов создания и бытования в научной и обиходной практике различных названий астероидов, звезд, планет, комет, метео-

роидов. Не обошел вниманием Ю. А. Карпенко и так называемые народные космонимы. Как своеобразная повелла, читается глава об истории названий *Млечный Путь* у разных народов с древнейших времен. Так, в ряде стран Европы *Млечный Путь* известен как *Римская дорога*, норманны называют его — *тропа дугов*, угрофинны — *птичий путь*, украинцы — *чумацкий шлях*, молдаване — *дорога невольников* и т. д.

Анализ большого фактического материала по космонимам позволил автору книги выявить те общие тенденции словотворчества, которые важно знать не только лингвистам, но и всем специалистам, принимающим участие в создании новых названий и упорядочении старых.

С. И. ЗИНИН
Ташкент

Е. М. Поспелов

ТОПОНИМИКА В ШКОЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

Эта книга вышла в издательстве «Просвещение» (М., 1981). Она предназначена для учителей географии, однако с немалым успехом может быть использована и учителями русского языка. Более того, ученые-лингвисты и специалисты в области топонимики (как, впрочем, и массовый читатель) найдут в книге ценный справочный материал.

Богатый опыт преподавательской и научной работы позволил Е. М. Поспелову в семи главах всесторонне осветить методы изучения слов-топонимов (географических названий), значение местной географической терминологии, роль топонимики в изучении политической карты мира, истории географических открытий, в краеведческой и внеклассной работе. Особо рассмотрены межпредметные связи топонимики: ее роль в преподавании русского языка, иностранных языков, истории.

Книга снабжена рекомендательным списком литературы по каждой главе, а также приложениями, в которых даются краткий словарь топонимических терминов, краткий список названий с указанием ударения и список условных сокращений, применяемых при написании географических названий на картах и в специальных текстах.

Автор отмечает большую познавательную роль географических названий: «...правильность написания географических названий является важной частью общей грамотности учащихся, а правильность произношения названий повышает культуру речи». С этим тезисом нельзя не согласиться, поскольку общее количество географических названий на Земле очень велико и это весьма существенная часть лексики любого языка.

За справками о написании географических названий можно обращаться к специальным пособиям: Словарь географических названий СССР (М., 1968), Словарь географических названий зарубежных стран (2-е изд. М., 1970), Энциклопед-

дический словарь географических названий (М., 1973) и др. Географические названия пишутся в соответствии с правилами русской орфографии, однако по сравнению с нарицательными именами допускаются исключения, например, написание *ю* и *я* после букв *ж*, *ч*, *ш*, *щ* в некоторых названиях: река Шяшупе в Литве. Сложные названия пишутся раздельно, слитно или через дефис: кряж Ветренный Пояс, Новый Южный Уэльс, Орехово-Зуево, Гусь-Хрустальный, Среднеуральск, Краснополье и т. д.

В произношении топонимов особенно важна правильная постановка ударения. Учителю необходимо знать общие правила ударения в отечественных (русских) и иноязычных по происхождению и зарубежных географических названиях. Так, при свободном ударении в русском языке (Бéжица, Белóво, Москвá) названия на *-град*, *-город* и *-поль* почти всегда имеют фиксированное ударение: Волгоград, Новгород, Мелитóполь, но есть исключения: Ста́врополь, Нйкополь. Тюркские названия имеют ударение на последнем слоге (Мары́, Нукýс), финно-угорские — на первом (озеро Имандра, река Лбзýва) и т. д.

При сборе и анализе топонимического материала названия должны получать объяснение с помощью лингвистических методов совместно с географическими. Словообразовательный анализ, например, позволяет выделить характерные суффиксальные типы, которые отличаются большей или меньшей продуктивностью в отдельные исторические перио-

ды. Так, древний «йотовый» суффикс, обозначающий личную принадлежность (Ярославль, Владимир — современный Владимир), был продуктивен только до XII века, затем его функции стали выполнять суффиксы *-ов*, *-ев*, *-ин*: Львов, Николаев, Пушкино.

Лингвистические методы позволяют филологу и географу определить значение слов, входящих в состав географических названий, установить при помощи топонимического материала места распространения тех или иных растений и животных, древний облик ландшафта, пути миграции и области расселения племен и народов. Здесь лингвистика и география смыкаются с историей.

Книга Е. М. Поспелова содержит богатый фактический материал. Автор приводит большое количество названий на территории СССР и зарубежных стран, использует топонимическую литературу; кроме того, критический обзор литературы по топонимике отдельных районов СССР содержится в одном из разделов главы «Топонимика в краеведческой и внеклассной работе».

«Топонимика в школьной географии» иллюстрирует связь языкознания, рустика с другими науками, в частности с географией и историей. Автор книги представляет слова-топонимы как ценные памятники духовной культуры наших предков, как единицы языка, имеющие огромную важность в современной жизни.

Р. А. АГЕЕВА,
М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ

РУССКИЙ ЯЗЫК В ИНДИИ

Торговые и культурные связи между Индией и народами, населявшими территорию нашей страны, зародились еще в X веке. Начало им положили индийские путешественники и купцы.

Первым большим литературным произведением, посвященным Индии, было «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, написанное в виде дневников во время путешествий по Индии (1416—1472 гг.).

Интерес к Индии возрастает в конце XVIII века. В 1795 году первый русский индолог Г. С. Лебедев создает индийский театр европейского типа в Калькутте. Он первый пишет грамматику языка хинди. В начале XIX века многие индийские произведения переводятся на русский язык. Выдающийся знаток Индии И. П. Минаев после своего первого путешествия по этой стране (1874—1875 гг.) собрал сказки и легенды Индии и в 1876 году издал их в России. Кроме того, он написал «Очерки Цейлона и Индии». Наблюдения, сделанные во время второго посещения страны, изложены автором в «Дневниках путешествий в Индию и Бирму 1880 и 1885—1886 гг.».

Новый этап развития культурных связей начинается с конца XIX — начала XX веков, когда «живые, трепетные нити» тянутся из Индии в Ясную Поляну к Л. Н. Толстому (около 200 экземпляров индийской периодики, печатной документации, а также книг хранятся в яснополянской библиотеке). Имя Толстого было популярно в кругах индийской интеллигенции. К нему обращались как к на-

ставнику, посылали свои произведения на отзыв, спрашивали совета. В музее М. К. Ганди в Бомбее бережно хранятся письма Л. Н. Толстого к Ганди, написанные в 1909—1910 годах.

*

Дальнейший этап развития культурных связей между Индией и Россией — 30—40-е годы XX столетия, когда страна стремилась освободиться от английского колонизаторского ига. Наблюдается новый подъем интереса к русской культуре, литературе, философии. Этому также способствовали визиты в СССР в 30-х годах выдающегося индийского поэта, романиста, драматурга и музыканта Рабиндраната Тагора и политического деятеля Джавахарлала Неру.

К систематическому изучению русского языка в Индии приступили в 1946 году. Тогда же в Делийском университете был открыт первый факультативный курс русского языка. Вскоре факультативные, краткосрочные вечерние курсы и факультеты русского языка были открыты во многих университетах страны. Видные государственные деятели Индии не раз отмечали международное значение русского языка. Джавахарлал Неру писал: «Я надеюсь, что изучение русского языка в Индии будет расширяться, и это будет способствовать лучшему пониманию русского народа и его великих достижений». Индира Ганди на десятилетнем юбилее Центра русских исследований в Дели в 1975 году отметила, что «Центр русских исследований положил начало полезной деятельности. Поскольку дружеские связи между Индией и СССР расширяются во многих отраслях, все более растет потребность в специалистах, обученных русскому языку».

В Индии возникла потребность в изучении русского языка в середине XX века в связи с расширением политических, научных и культурных отношений с Советским Союзом. Особое внимание русскому языку уделяется на объектах советско-индийского сотрудничества. В знаниях русского языка нуждаются ученые, инженеры, преподаватели, врачи — все, кто в своей практической деятельности использует последние достижения науки, техники, экономики. В настоящее время изучение русского языка в Индии получило широкое распространение. Его изучают в 60 вузах страны, в колледжах, школах, открываются все новые и новые краткосрочные одно-двухгодичные курсы, где под руководством опытных филологов-русистов ведется преподавание русского языка. Здесь изучают русский язык студенты технических вузов, служащие, журналисты, юристы, продавцы, домашние хозяйки и др. Одни через русский язык знакомятся с советской действительностью,

другие используют знания русского языка для деловых поездок в Советский Союз, для повышения своей квалификации, для знакомства с литературой, техникой, экономикой нашей страны.

Русский язык постепенно вводится и в индийские школы в качестве факультативного курса, рассчитанного на три года. В некоторых школах преподавание русского языка осуществляется совместно индийскими и советскими специалистами.

Наряду с другими иностранными языками, русский язык преподается во многих учебных заведениях Индии. В неязыковых вузах особое внимание уделяется обучению студентов чтению специальной литературы: научной, технической, медицинской и т. п. Студенты филологических факультетов пишут дипломные, курсовые работы, сопоставляя русский с национальными языками Индии, переводят произведения русской и советской литературы на хинди, урду, телугу, малаялам, каннада, тамильский, бенгальский и другие языки Индии.

Так например, много лет преподается русский язык в Технологическом институте в Кхарагпуре. В 1973 году он стал одной из учебных дисциплин в Центральном институте английского и иностранных языков в Хайдарабаде. В этом же институте впервые в Индии ввели курсы повышения квалификации преподавателей русского языка. Кроме того, русский язык преподается в Османском университете Хайдарабада, здесь же он впервые введен как второй язык на выпускных курсах.

С помощью Советского Союза в 1965 году в Дели построен Институт русских исследований — теперь это Центр русских исследований в университете имени Джавахарлала Неру (14 ноября 1980 года отмечалось 15-летие со дня его основания). Он стал одним из ведущих в изучении русского языка в Индии. Более 200 человек, закончив этот центр, работают во многих штатах страны, где преподают русский язык и литературу. В Центре русских исследований, кроме факультета русского языка и литературы, есть различные курсы по изучению русского языка. Здесь ведется и большая научная работа. Совместно с советскими авторами написан ряд учебников.

На вопрос о перспективах развития Центра, его директор доктор Р. С. Багга ответил: «В ближайшие годы Центр будет переживать период роста, укрепления и распространения своей деятельности в самых разных сферах. Одним из важнейших аспектов развития будет подготовка нескольких учебников и учебных пособий для студентов и преподавателей не только для Центра, но и для всей страны в целом. Учитывая все это, Центр разработал следующие проекты учебников, которые будут написаны в сотрудничестве с советскими специалистами из Института русского язы-

ка имени А. С. Пушкина: «Учебник русского языка для филологов»; «Учебник русского языка для нефилологов»; «Пособие по переводу газетного материала»; учебное пособие «Введение в русскую и советскую литературу»; «Учебное пособие по лексикологии».

Большой популярностью в Индии пользуются краткосрочные курсы русского языка в центрах индийско-советского культурного общества в Дели, Бомбее, Калькутте, Мадрасе и др., где студенты не только изучают русский язык, но и знакомятся с культурной жизнью Советского Союза. Они принимают участие во встречах с советскими специалистами, писателями, учеными, артистами, приезжающими в Индию. Эти встречи пользуются успехом не только среди студентов и преподавателей, но и среди широких слоев населения. Во многих центрах русского языка регулярно демонстрируются советские учебные и художественные кинофильмы.

Успешному изучению русского языка во многом помогают библиотеки при университетах и других учебных заведениях. Например, библиотека в Центре русских исследований при университете имени Джавахарлала Неру насчитывает более 20 тысяч томов книг, здесь всегда есть свежие советские газеты и журналы, широкий выбор популярных и специальных изданий не только по русскому языку и литературе, но и по географии, политическому устройству, но вопросам культуры народов Советского Союза.

*

Первые годы преподавание русского языка в Индии осуществлялось только советскими специалистами. Теперь здесь имеются свои квалифицированные кадры преподавателей, изучивших русский язык в индийских университетах и в Советском Союзе. Они имеют также возможность повышать квалификацию на трех- и десятимесячных курсах в Институте русского языка имени А. С. Пушкина и в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Кроме того, Институт русского языка имени А. С. Пушкина осуществляет подбор учебного материала, пособий, учебников, организацию книжных выставок для индийских вузов, краткосрочных курсов русского языка.

Большую помощь в преподавании русского языка и литературы оказывают советские специалисты, ежегодно приезжающие в страну по приглашению индийского правительства.

Индийские ученые проводят большую исследовательскую работу в области русского языка и литературы. В 1974 году была организована Всендийская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, которая вошла в МАПРЯЛ. Ученые и преподаватели Индии постоянно участвуют в международных меро-

приятных, проводимых в СССР Институтом русского языка им. А. С. Пушкина, Университетом дружбы народов им. П. Лумумбы, Московским государственным университетом. Также и сами проводят большие международные конференции, посвященные проблемам преподавания русского языка и литературы, подготовки учебников и учебных пособий и др. Например, в 1978 году в Хайдарабаде проходила конференция «Проблемы преподавания русского языка в странах Азии и Африки», в 1980 году в Пуне — региональная конференция по проблемам преподавания русского языка иностранцам, в 1981 году — в Бангалоре — «Проблемы перевода с русского языка на английский» и т. д.

Наиболее важные вопросы, посвященные русскому языку, рассматриваются в специализированных журналах, например в Дели выходят «Журнал индийской ассоциации научно-технических переводчиков», «Журнал школы языков»; в Хайдарабаде — «Бюллетень Центрального института английского и иностранных языков» и др., — где освещаются вопросы методики преподавания русского языка, перевода с русского на индийские, английский языки и др.

Больших успехов индийские ученые добились в создании ряда книг и учебных пособий по русскому языку.

За выдающиеся исследования в области русского языка первому пропагандисту русского языка в Индии профессору Ч. Н. Чакраварти, работающему в Центре русских исследований, на IV Конгрессе МАПРЯЛ в 1979 году в Берлине присуждена Медаль А. С. Пушкина.

Расширение политических, экономических, научно-технических и культурных связей с Советским Союзом способствует росту интереса к русскому языку в Индии. Знание его помогает сближению наций, их взаимопониманию и культурному взаимообогащению.

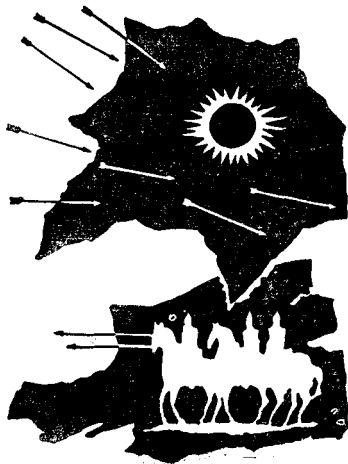
В. П. АБРАМОВ

Дели

Рисунок В. Леонова

рѣцѣ
на
Каяль..!"

Дорогие читатели! Предлагаем Вашему вниманию материал, посвященный величайшему творению древнерусской литературы — «Слову о полку Игореве». Проблема его поэтической формы издавна волновала исследователей. Автор статьи обращает внимание на необычную закономерность, прослеженную им на протяжении почти всей поэмы.

Фраза, вынесенная в заголовок статьи, полностью выглядит так: *На рѣцѣ на Каяль тьма свѣтъ покрыла.* Не обратил ли читатель внимание на некоторую необычность в ее звучании? Может быть, кто-то заметил, что второй предлог вряд ли необходим. Но речь не о нем.

Строка взята из «Слова о полку Игореве». Повторы звуков и целых слогов в нем часты: *нощь стонуци; каютъ... Каялы* и так далее. Но вот что удивительно: эта черта — единственная, приближающая форму «Слова» к стихотворной в нашем нынешнем понимании. В том, что это произведение именно поэтическое, никто никогда не сомневался. А постоянный ритм в нем не прослеживается. Нет и рифм, кроме приблизительных, расположенных без всякого порядка.

Сколько поэзии в «Слове»! Русь XII века. Князь Игорь, бросившийся в безнадежный поход на половцев, чтобы не быть запо-

дозренным в союзе с ними. Битва с несметными силами врага, длившаяся более двух суток. Пленение князя, его побег.

И как рассказал об этом автор! В поэме есть все: любовь к Родине и тоска по любимому человеку, обращения к князьям и картины природы, воспоминания о былом и мысли о творчестве. Понадобится ли образец поэтического сравнения или тонкой звукописи, пример лирического отступления или замечательной точности в эпитете — «Слово» всем богато.

Так почему же форма поэмы не напоминает стихотворную?

Автору этой статьи «Слово» когда-то казалось тяжелым для чтения. Это и не очень удивительно: его недостаточно «проходить» в школе и в институте, нужно изучить каждую строку.

К примеру, сказано, что князя Бориса Вячеславича в битве постигла смерть *за обиду Олгову, храбра и млада князя*. Надо знать, что храбрый и молодой — не Олег, а Борис. Пожилой Олег от того боя как раз уклонился. Какой иронией озаряется «обида» Олега! И сколько горечи в том, что за труса пожертвовал жизнью герой.

Или вот начало плача Ярославны, жены Игоря: *Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бегрянъ рукавъ въ Каялъ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ*. Она избирает круглой путь к Игорю. Почему? Потому, что ее отец княжил на Дунае, и она летит сначала к нему, чтобы почерпнуть силы. А отереть раны надо водой Каялы — так как возле этой реки русские потерпели поражение, и вода в ней мертвая. Вспомним, что в сказках заживляет раны именно мертвая вода, а живая Игорю не нужна, он не убит. Наконец, *зегзица* — это чайка (долго полагали, что кукушка, хотя кукушка обитает в лесах, а не у воды). Летя над водой, чайка омачивает концы крыльев (Ярославна омачивает рукав). Великолепный образ! И все — в нескольких словах.

Системы стихосложения, в самом строгом смысле термина, представляют собой арифметические закономерности между гласными. Скажем, «Буря мглою небо кроет» — это (с точки зрения ритма) четырежды повторенная группа из двух слогов, ударного и безударного. Следовательно, в поисках стихотворного закона «Слова» естественнее всего обратить внимание в первую очередь на гласные. Не находятся ли они в какой-то связи друг с другом?

Вернемся к названию статьи. *На рѣцѣ на Каялъ тѣма свѣтъ покрыла*. Сколько здесь разных гласных? Пять *а*, четыре *ѣ* (ять — звук, похожий на *е*, с которым он и совпал впоследствии), одно *я*, одно *о*, одно *ы*. Как будто ничего необычного. Теперь нужно догадаться, что *а* и *я* считаются вместе (они входят в один звукотан). В строке их шесть, а остальных гласных — тоже шесть.

Случайность? Еще пример: *Половци идуць отъ Дона и отъ моря. Шестъ о и шестъ других. Еще: Ярославна рано плачетъ въ Путивль на забралъ, а ркучи. Девять а/я и девять прочих.*

Опять случайность? Цитирование легко продолжить.

В поэме есть и соотношения иного вида. Считаем *и* и *ы* вместе, *у* и *ю* вместе и так далее. *Поскепаны саблями калеными шеломи Оварьскыя — а/я шестъ, и/ы шестъ и других столько же. Рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же» — пять е, пять о и пять остальных. Только дяглове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть — по четыре е/ѣ и о, четыре других.*

Число гласных в строке может распадаться не только на две или три равные части. *И рече Гзакъ къ Кончакови — у/ю нет, а всех остальных по два. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть — и и у вместе четыре и всех других по четыре. Ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю Половецкую — также четырехкратное равенство.*

Изредка общее количество гласных делится на пять частей.

Конечно, надо выяснить, часто ли по теории вероятности могут случайно получаться такие совпадения. Вычисляем. В среднем на двадцать шесть комбинаций по пяти слогов встречается одна фраза вроде *Княже Игорю*, где все звукотипы гласных (*а/я, у/ю* и др.) представлены по одному разу. В поисках такого отрывка, как *И не сошася къ синему морю* (всех гласных по два), пришлось бы составить список из 678 вариантов. Заметим, что по объему он превзошел бы само «Слово». Вероятность фразы *Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Киевѣ* (всех по три) — $1/17661$. Список занял бы страниц четыреста. То есть на какой же тысяче страниц в романе, где есть фразы и длиннее, и короче этой, встретился бы подобный отрезок?

А сколько равенств в «Слове о полку Игореве», которое при записи в виде прозы занимает всего лишь девять страниц?

Около трехсот!

Не это ли принцип, по какому написана поэма? Неудивительно, что его трудно было заметить: очень уж непривычен он для современного слуха. Но он проще, чем сегодняшней: автор «Слова» использовал не второстепенное (ударность-безударность), а главное различие между гласными.

Не оставлены в «Слове» без внимания и согласные (вспомним *ночь стонуци* и пр.). Кто хочет, пусть попробует сочинить хоть строчку в такой технике. И ведь должен получаться не набор слов, а текст высочайшего лиризма и гражданственности. Изумительное, фантастическое мастерство!

Чем же руководствовался поэт, избирая тот или иной вид равенства? В их чередовании не видно порядка. Но присмотримся

внимательнее хотя бы к уже приведенным отрывкам. *На рѣцѣ на Калябѣ тьма свѣтъ покрыва.* Какое слово здесь главное? *Тьма*. Гласный этого слова и занимает половину всех слогов. Точно так же основными в следующих цитатах являются *половци* и *Ярославна*.

То есть форму задавало содержание!

Когда число гласных в строке делится больше, чем надвое, говорить о перевесе одних над другими трудно или невозможно: какой же перевес, если всех поровну. Однако красоты тексту это не убавляет; наоборот, ведь добиться, скажем, пятикратного совпадения — задача невыполнимой трудности.

Во фразе может быть и сразу два равенства: *Свивая славы оба полы сего времени* — *а/я* и *и/ы* по четыре, *е* и *о* по три. А вот красивейшее из соотношений: *Чему, господине, насильно вѣши?* — *а* и *у* по одному, *и* и *о* по три, *а е/ѣ* четыре (то есть один плюс три).

Не все равенства точны. Например: *Тогда пушашеть 10* (звучит *десять*) *соколовъ на стадо лебедѣй* — *а/я*, *е/ѣ* и *о* по пять, *а у* лишь одно. Но стремление к равновесию и здесь очевидно.

А порой, если равенство не строго, напрашиваются изменения текста. Скажем, в таких строках: *О, моя сыновья Игорю и Всеволоде, рано еста начала Половецкую землю мечи цѣлвити, а себѣ славы искати*. Всех гласных звукотипов, кроме *у/ю*, здесь было бы по девять, если бы не союз *а*. Может быть, он лишний и по смыслу, ведь противопоставления нет. Даже если вспомнить древнее значение этого союза — «и», все равно он не обязателен.

Элементы стихотворного принципа, назовем его *равногласием*, встречаются в песнопении-похвале в честь Бориса и Глеба из «Повести временных лет»: *Радуйтася, Борисе и Глѣбе богомудрая* (по два *и* и *у*, по три *е/ѣ* и *о*, пять *а/я*), *яко потока точита от кладезя воды живоносныя цѣленье, истѣкаютъ вѣрнымъ людемъ на цѣленье* (по девять *а/я* и *е/ѣ*, по восемь *и/ы* и *о*, и два *ю*). Частично соблюдено равногласие также в «Слове о погибели Русской земли» и в «Задонщине». В одном из списков последней (Ундольском) читаем: *Оле жаворонок, лѣтняя птица* (по четыре *а/я* и *о*, три других гласных), *красныхъ день утѣха* (по два *а* и *е/ѣ*, два остальных), *возлѣти в синее небеса* (пять *е/ѣ* и пять прочих), *посмотри к сильному граду Москвѣ, воспой* (шесть *о* и шесть других) и т. д.

Итак, есть основания думать, что в Древней Руси существовала поэзия, форма которой в корне отличалась от привычной для нас.

В. В. ЖИГУНОВ
Рисунок В. Леонова

Сказки в деловой

Слово *сказка* в привычном его понимании возвращает нас в волшебный мир детства, в мир таинственного и потому немного страшного, где добро борется со злом и, как правило, побеждает его.

Уже присказка «Было это дело на море, на океане...» или зачин «В некотором царстве, некотором государстве...», с которых начинается сказка, чудодейственно берут в плен воображение слушателя и переносят его в волшебный мир.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова к слову *сказка* даны два значения: 1. Повествовательное, обычно народно-поэтическое, произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил. *Русские народные сказки*. 2. Выдумка, неправда, ложь (*разг.*).

Памятники старой русской письменности, дошедшие до наших дней, — в частности, деловые документы XVII века Владимирского края, — сохранили слово *сказка* и в ином значении, для того времени обычном и употребительном: «Всякое деловое показание, объяснение, ответ подсудимого, речи свидетелей, отчет о случае, о происшествии» (Словарь В. И. Даля).

Что же представляет собой *сказка* как письменный документ?

В челобитной 1697 года монастырского служки Гараськи Воронежца к игуменье Покровского монастыря в городе Суздале Марфе читаем: «в внешнемъ гсдрни СЕ году (до конца XVII века числа на Руси передавались буквами) марта велено мнѣ ѣхать въ Юревъ Польской к сыщнику для того что спрашивает де в бѣглыхъ людехъ всяких чинов *скаски* а взять мнѣ указано в селѣ Новоселке у старосты полполютины днѣгъ да овса четвер[ть] ему сыщнику...»

ПИСЬМЕН- НОСТИ XVII в.

Сказки, как правило, сказывались крестьянами в ответ на «допрашивания» их должностными лицами (старостами, воеводами, дьяками, архимандритами и др.) и тут же записывались писцами.

Довольно часто сказка могла «сказываться» и «по указу великого гедря цря и великого князя»: «Лѣта 7174 (1666) году декабря въ Л (30) де (день) по указу великого гедря цря и великого князя Алексѣя Михайловича всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца полковнику и головѣ Московских стрелцов Авраму Никитичу Лопухину великого гедря дворцовые Ярополческіе волости Боровскова десятка старостишко Куземка... и всѣ крестьяне того Боровского десятка по еванилской заповеди сказали в прошлом РОГ (1665) году как поѣхал Введенской поп Василии Федоров к Москвѣ и с Москвы домой не бывал и по се число декабря по Л (30) де ннешняго РОД (1666) году а смерть ли ему на Москве или на дороге или убивство случилось и будет смерть или убивство мы того ничего не вѣдаем...»

Своеобразным свидетельством сказки — письменного документа — является ее традиционная концовка: «то наша и скаска а скаску писал...» и далее указывается, кто из писцов, как правило, местных, писал документ: «а скаску писал по старостину и соцких и пятидесяцких веленю вязниковецъ Ивашко снѣ (сын) Власовѣ».

Кроме того, записанную сказку свидетельствовали — один человек или несколько: «К сеи скасъке Николской поп Ерофѣи вѣмѣсто старосты Козмы Констянтинова с товарици по их вельню руку приложил».

Как правило, в композиционном строении сказки можно выделить три части: *вступление*, где даются сведения — когда, кем и

перед кем дается сказка, здесь же обычно указывается и где записывается сказка; *главную часть*, где излагается существо дела, и *заключение* — сказка свидетельствуется одним или несколькими лицами.

Следует отметить, что довольно часто встречаются и сказки, которые в композиционном отношении не придерживаются традиционной формы документа.

По содержанию основная часть сказки может быть самой разнообразной — на все случаи крестьянской жизни, и поэтому в ней представлена богатейшая лексика преимущественно разговорного, а также письменного (делового) языка XVII века Владимирского края. Обычно писцы записывали сказки со слов того, кто рассказывал или сказывал суть дела, так в письменном виде фиксировалась разговорная речь.

Приведем текст сказки окольных старожильцев о спорной земле. «Лѣта 1642 году на Троицыи день стали прчсты бцы (пречистые богородицы) любецкою черною поп Иосиф да белой пошъ Федар да Печерского мнстря старецъ Антоней промежу себя по полюбовнымъ запишемъ и призвали собча многих окольныхъ людей а Василей Драницыщъ на срокъ по записи не стал и окольные многие люди старожилцы по записи на сенных покосехъ на трех пожнях поповских что въ споре у прчстои Любецком с Печерским мнстром села Плесаца... и те все крестьяне сказали въ правду что те пожни вековые Любецкого мнстря лет за семдесят и за восмъдесят а не Печерского монастыря а по чему писецъ писал тово мы не ведаемъ и грани тесал утаяся а мы тово не ведали то паша и скаска а скаску писал вотчины боярина кнзь Бориса Олександровича села Великаго црквиои дьячек Климка Кирилов.

К сей скаске Ржства Бдцы поп Иван вмѣсто детей своих дховных и прихожен руку приложил...

К сей сказке села Коврова рожствиской поп Федор и в детей своих дховных мѣсто руку приложил...»

Насколько различны между собой документы одного жанра — сказки официально-деловые и сказки, передающие разговорную речь, — можно видеть, сравнив сказку окольных старожильцев о спорной земле со сказкой о сжатом, вымолоченном и высеянном монастырском зерне (1634 г.):

«По скаске села Усоля старосты Гриши Борисова да целовалника Тимошки Иванова ісжато во РМА (1633) году в августе мнстрьского ржаног хлѣба С (200) сотницъ (сотница — сотня снопов) и того хлѣба на сѣмена вымолочено лутчие ржи РК (120) сотниц 7 чети (четь — четвертая доля чего-либо) и та рож высеяна к внешнему ко РМВ (1634) году а по опыту того хлѣба из сотницы доброго по осмине из середнег из сотницы бес получетверика (чет-

верик — мера чего-либо сыпучего) по осмине (*осмина* — две четверти, или 48 пудов) худог из сотницы по три полуосминѣ с получетвериком і вымолочено из досталныя ржи из П (80) сотницѣ Л (30) чети с полуторою четю а овса ужато и складено Р (100) сотницѣ по опыту из сотницы доброго по осмине с четвериком середнег по осмине с получетвериком худово по осмине да ярицы ужато ЛЛ (38) сотниц из сотницы по полуосмине да пшеницы Д (4) сотницы РМВ г (1634) сентября въ ЕІ (15) де».

Даже в таком небольшом тексте бытового содержания, — официально-деловом по форме, — представлена богатая лексика видового разнообразия хлеба: *хлеб, рожь, ярица, пшеница, овес*; зерновых мер веса: *сотница, четь, осьмина, полуосьмина, четверик, получетверик*; оценочная лексика качества зерна: лучшее, доброе, среднее, худое.

*

Чтобы у читателей журнала создалось более полное представление о сказках как жанре деловой письменности XVII века, приведем еще сказки Владимирского края.

«...июля въ 17 де против челобитные от приказные люди Стафен Офонасев Федоров обыскивал про бобыля Куземку Левонтьева и крестьян допрашивал села Усола а крестьянин Федор Ижиков Иван Петров Петръ Кузмин Ларивон Гарасимов и все крестьяня села Усоля сказали по гсдрву крестьяному целованю тово де мы не ведаем он ли де или не он ту новину (крестьянский холст) украл или де ево хто подкинул а преже сего за тем Куземкою вороства не бывало и где та новина пропала и ево Куземки ф то число не было дома был на мнстрской рыбной ловле приказчик Правда ту новину обыскивал со крестьяны по дворам и у нево Куземки искали же и тое новины не нашли и на завтрея Микиты кузнеца жена пришет х тое Стифеевской жене взяла ее собою и ту новину у тово Куземки бѣз нево на дворе взяли за коробом и на другои двор ту новину были дали крашенинникове старухе и тот крашенинник Степан увидал ту крашеную новину велел кинут назад к ним на тот Куземкин дворъ тои кузнецове жене то де наши и речи а речи писал села Усоля сергевской поп Климка своею рукою.

К сему обыску Правда руку приложилъ».

Иногда сказки могли стать основным содержанием другого делового документа (отписки, челобитной и др.). В этих случаях пересказ сказки велся от 3-го лица; так, например, в отписке Гришки Оничкова (1653 г.): «...я халоп твои приехал в Суздаль х Покровскому мнстру и февраля въ Е (5) днь Покровского мнстра подящ Гаврило Родивонов сказал мне холопу твоему как де гсдрь я

холоп твой по твоему гсдрву указу былъ на Москве и генваря де гсдръ въ 31 (17) днь пришел на съзжей двор в ызбу Покровсково двча мнстря отставленои слушка Фетька Папцовъ пьян и учал де гсдръ говорить что мнстрьские стряпчие воруют и мнстръ продают и крестьян мнстрьских отдают еа де у него Фетьки на них твое гсдрво слово и онъ де гсдръ подьячей те его речи записал и тех людей переписал хто о то время в ызбе был как он Фетька такие речи говорилъ игумене известил игумени де гсдръ ево Фетьку велела до твоего гсдрва указу держать на съзжом дворе в крепи и подал гсдръ он подьячей ево Фетькиным речам записку и я холоп твой ево Фетьку Папцова роспрашивалъ генваря въ 31 (17) днь на съзжои гсдръ двор в ызбу он Фетька приходил ли и твое гсдрво слово на мнстрьских стряпчихъ или наново на ково сказывал ли и какое за ним Фетькою твое гсдрво слово и отставленои гсдръ слушка Фетька Папцов в роспросе нередо мною холопом твоим сказал и внешнем де гсдръ во 1653 году генваря въ 31 (17) де на сезжои двор в ызбу он Фетка пришел пьян бес памяти и говорил ли де гсдръ он Фетька такое слово или не говорил что за нимъ есть твое гсдрво слово тово де он не помнит ничего потому что де гсдръ был пьян бес памяти а никакова де гсдръ твоего гсдрва слова за ним Фетькою никакова нет и не въдает будет де гсдръ он Фетька и говорил такое слово пьян ничего де гсдръ он того не помнит пьян был бес памяти...»

Являясь документами подлинными, сказки Владимирского края позволяют судить о правописных и произносительных (*убивство, промежю себя, собча, прежде, середнего*) нормах XVII века.

Лексика этих документов изобилует терминами различного характера (*белый поп, черный поп, монастырский служка, голова, сыщик, бобыль*).

Разнообразны и словосочетания: *бить челом, сказать в правду, держать в крепи, (быть) без памяти, руку приложить*.

*

Как жанр деловой письменности сказки бытовали и в XVIII веке. В недавно опубликованной книге «Памятники московской деловой письменности XVIII века» (М., Наука, 1981) читатель может познакомиться со сказками жителей Москвы об их имущественном состоянии, торговле и прочем.

Л. А. ВЛАДИМИРОВА

Рисунок В. Леонова

Философская терминология, как и любая другая терминология, служит для выражения понятий своей науки. Понятия относятся к сфере человеческого мышления, термины — к языку: содержание понятий является значением терминов. Развитие науки и философской мысли приводят к изменению понятий и, следовательно, к изменению значений терминов, а иногда к замене одних другими. Всем, кто интересуется философией, знакомы слова бытие, сознание, субъект, объект, необходимость, случайность и другие. Однако в философских сочинениях древнерусской письменности знакомые нам термины часто употребляются в необычных, казалось бы для них контекстах. Дело в том, что эти слова в прошлом, например в XI веке, имели какое-то другое значение, выражали иное, по отношению к современности, философское понятие.

Философская терминология

В

ИЗБОРНИКЕ СВЯТОСЛАВА

1073 г.

ДРЕВНЕРУССКИХ переводах с греческого встречаются также и совершенно незнакомые нам термины. Их появление объясняется историей возникновения древнерусской философской терминологии. Если современная русская философская терминология не избегает заимствования слов из других языков (например, *субъект, объект, детерминизм* и *индетерминизм*, которые пришли в русский язык из латинского через посредство немецкого, а *идея, форма, эмпиризм* и др. — из греческого), то в первых древнерусских переводах философских сочинений мы их не встречаем. Философская ученость пришла на Русь вместе с принятием христианства, тогда и появились переводы с греческого богослужебных, догматических и философских книг.

Переводчики при объяснении того или иного термина могли пойти двумя путями: заимствуя слово, то есть сохраняя иноязычную языковую форму, или подыскивая для него собственное

славянское. Второй путь был более трудным, потому что заставлял переводчика использовать глубинные семантические возможности языка, вдумываться во внутреннюю форму слова, проявлять языковое чутье. И все же древнейшие славянские переводчики избирали именно этот путь. Это объясняется следующими причинами. Во-первых, при полном отсутствии толковых и двуязычных словарей, словарей иностранных слов значение термина было бы совершенно непонятно даже для грамотных, но не знающих греческого языка людей. В таком случае не помог бы и контекст: встретив незнакомое иноязычное слово, мы отождествляем его с другим, привычным для нас в подобных контекстах, так как большинство заимствований является синонимами слов русского языка. Но в XI веке тексты самого различного содержания только еще создавались, слова вступали в новые связи, поэтому и все контексты были еще незнакомы читателю, следовательно, не было и основы для «узнавания» значения непонятого слова. Такова вторая причина, которой объясняется стремление переводчика избежать заимствований.

Наконец, третья и, по-видимому, самая главная причина состояла в том, что славянские переводчики греческих богослужебных книг, философских, житийных, нравоучительных сочинений помимо задачи передать греческий текст славянским языком имели еще и другую задачу — создать собственный славянский литературный язык. Греческий при этом был образцом, на который равнялись, но к которому не приспособлялись, не подлаживались. Такая традиция — передавать все непременно по-славянски — была основана еще Кириллом и Мефодием и являлась чрезвычайно прогрессивной на начальном этапе формирования славянского литературного языка.

*

У истоков славянской философской мысли стояли два византийских памятника: «Диалектика» Иоанна Дамаскина, переведенная в X веке Иоанном Экзархом болгарским, и трактат «О природе и сущности» Феодора Раифского, который входил в состав греческого сборника философских, научных и догматических статей. Этот сборник был переведен на славянский язык в X веке и известен сейчас во множестве списков, древнейший из которых — Изборник Святослава — датирован 1073 годом.

Попытаемся определить значение философских терминов, встречающихся в Изборнике Святослава 1073 года, употребленных древним славянским переводчиком трактата «О природе и сущности».

СУЩЕЕ И ЕСТЕСТВО

Термин «сущее» в переводной древнерусской литературе выражал как совокупность всего, что существует в природе (люди, камни и пр.), так и отдельно существующую вещь.

«Естество» выражало понятие всего существующего в движении. В трактате «О природе и сущности» утверждается неразрывная связь *сущего* и движения: *ничего нет без движения* (примеры здесь и далее приводятся из Изборника великого князя Святослава 1073 г. СПб., 1880). Каждая разновидность «сущего» имеет специфический способ движения и проявляет при этом свое «естество». Термин «естество» удобнее всего передавать словом *природа*, как мы и употребляем его в современном языке в таком контексте, как «природа этого явления состоит в том, что...». Но древнерусский переводчик термином «естество» определял как внутреннюю природу вещи, так и ее внешнее выражение. Сегодня в этом случае мы употребляем слова — *сущность* и *явление*, разумея под первым внутреннюю основу предметов и явлений, определяющих их глубинные связи и отношения. *Сущность*, таким образом, раскрывает единство в многообразии свойств предмета. *Явление* — это внешние признаки предмета. Диалектический материализм признает объективное существование и сущности, и явления, рассматривая их в тесной связи друг с другом.

Древнее понятие «сущего» (того, что есть) связано, очевидно, с неразличением субъекта и объекта. Сущность как совокупность глубинных связей, отношений предмета должна противостоять познающему ее субъекту. Во времена средневековья эта противоположность осознавалась еще очень слабо, а сам термин воспринимался как сложное понятие, разделяясь на «собственно сущее» и «случайно сущее». Под «случайно сущим» подразумевалось свойство вещи, но не всякое, а только такое, которое может быть, но может и не быть у нее. Так, например, в трактате «О природе и сущности» говорится, что человек может быть белокурый, высоким, мудрым, но может и не быть таковым. Историк античной философии В. П. Зубов, разъясняя понятие «случайного» у Аристотеля, писал, что оно означает то, что может «приключиться» с вещью. Древнерусские переводчики «случайно сущее» передавали словом «приключение» (Зубов В. П. Аристотель. М., 1963), а переводчик Изборника Святослава 1073 г. заменил его словом «случай»: это то, что «случилось» с вещью и движется с ней дальше, но могло и не «случиться»; с одним человеком, читаем в Изборнике Святослава, «случилась» мудрость, с другим — глупость, у одного «случились» седые волосы, у другого — черные и так далее.

Такое словоупотребление встречается и сейчас. Мы говорим: с ним что-то случилось,— имея при этом в виду уже не качества или свойства человека, а какие-то события его жизни, которые могли быть, но могли и не быть.

СОБЪСТВО И ЛИЦЕ

Понятие отдельной вещи передается в трактате терминами «сobjство» и «лице», при этом утверждается, что *сobjство* — это такая единичная вещь, которая представляет собой совокупность случайных признаков. В качестве примера приводятся люди: все они живут, движутся, то есть имеют общие признаки, но вместе с тем и отличаются друг от друга, например, происхождением, родом занятий и т. д.

Понятие *лице* обозначало отдельного представителя из числа имеющих одну и ту же природу («естество»), то есть индивид, особь. Термины «лице» и «сobjство» соотносятся так же, как современные понятия «индивид» («индивидуум») — самостоятельно существующий организм и «индивидуальность» — совокупность характерных, своеобразных черт, отмечающих какое-либо лицо или явление.

СВОИТЬНОЕ

Термин «своитьное» образован от корня *свој-*, как и современное слово *свойство* — качество, признак, составляющий отличительную особенность, но их нельзя считать точными синонимами. «Своитьное» — это не всякое свойство предмета, а только такое, которое не относится к видовой природе вещи: «Своитьно же человеку ходить или смеяться». Современное понятие «свойство» имеет сейчас более широкое значение, чем древнерусский термин «своитьное», поскольку в аристотелевской традиции было принято различать свойства, относящиеся к видовой природе вещи, и свойства, принадлежащие ей «по случаю». Первые принято передавать сейчас термином «присущее», а вторые — термином «привходящее» (Аристотель. Категории).

СУПРОТИВЬНОЕ

Термин «супротивное» можно перевести как противостоящее, противоположное. Таковы слепота и зрение, добро и зло. Строение этого слова совершенно прозрачно и не требует пояснения.

Терминами «имение», «нестатък», «повещание», «отъвещание», «к кому» обозначали способы, которыми вещи противопоставляются друг другу,

Термин «нестатък» (недостаток) надо переводить словом «лишение», а «имение» — словом «обладание». Если зрение — «имение», то есть обладание этим качеством, то слепота — «нестатък», лишение зрения.

«Повещание» и «отъвещание», образованные от глагола *въсти* — «знать, ведать», означают утверждение и отрицание. Синонимом слову «повещание» был термин «обличение», образованный от слова «лик, лицо». Возможность такой синонимии связана с тем, что в древнерусском языке синонимами были слова «видеть» и «знать»; в позднейших списках Изборника Святослава постоянно встречается замена «ведати» на «видети» и наоборот. Да и сейчас мы говорим: я это *знал* заранее — я это *предвидел*. Поэтому синонимия «повещание» — «обличение» возможна. Как видим, современное русское слово «утверждение» не имеет связей со своими древнерусскими синонимами.

Поскольку «ответ супротивъ сы на повещанию и повещание супротивно сы ответу», то есть отрицание противоположно утверждению и утверждение противоположно отрицанию, то это есть «супротиворечие». «Супротиворечие» имеет еще буквальный смысл, связанный с актом говорения, речи.

Термин «к кому» — это вопросительное местоимение «кто» в дательном падеже с предлогом «к» — мы переводим как «соотнесение», «соотнесенное». Определение этому термину, данное в трактате, весьма туманно. Истолковать его помогает Аристотель: «соотнесенным» называется такой способ связи вещей, при котором свойства одной вещи определяются в «соотнесении» с другой (Аристотель. Категории).

Итак, мы рассмотрели несколько важнейших философских терминов из Изборника Святослава 1073 г. Надеемся, что предложенные наблюдения будут полезны не только лексикологам при составлении древнерусских словарей, но и философам и всем тем, кто интересуется древнерусской письменностью, ибо путь от термина к понятию есть единственно реальный путь постижения философских представлений древней Руси.

А. М. КАМЧАТНОВ

От редакции. В № 2, 1982 г. журнала «Русская речь» на стр. 14, во 2-м абзаце следует читать: «Так, одни ученые образование отдельных братских восточнославянских языков относят к XIV веку, другие (как и мы) — к XV—XVI векам».

МОРЮШКО, МОРЕ СИНЕЕ ...

С морем у русского человека связано множество разнообразных представлений — и чисто практических, житейских, и возвышенных, поэтических. О море он метко выразился в пословицах и поговорках: «челном моря не переехать»; «море — наше поле»; «кто в море не бывал, тот горя не видал». Словари весьма лаконично объясняют значение этого слова: «часть океана, большое водное пространство, окруженное частично сушей». Морем называют и очень большое озеро, как Каспий (Каспийское море), Байкал («Славное море — священный Байкал» — поется в песне).

В русском языке почти нет других слов для обозначения моря. Между тем широко распространенным, не только литературным, но и диалектным является употребление слова *море* для обозначения океана. Поэтому фольклорные *море-океан* (*кеан*) и *океан* (*кеан*) — *море* применимы и к морю и к океану. Вспомним зачинок сказок: «На море — на кияне на Острове на Буяне...». В пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке» старуха говорит старику: «Хочу быть владычицей морскою, Чтобы жить — мне в океане-море».

Местная диалектная лексика, связанная с морем, необыкновенно богата и своеобразна, в особенности в говорах северных поморов, людей, населяющих побережье Северного Ледовитого океана, Белого и Баренцева морей. Здесь издавна были развиты судоходство и морские промыслы, связь жителей с морем была самая тесная.

Интересны и разнообразны местные географические названия: наименования берегового, прибрежного и подводного рельефа, климата, морских течений, ветров, волнений на море, морских льдов и т. д. В многообразии этой лексики, в стремлении говорящих обозначить различные детали рельефа, малейшие изменения в природе отразились наблюдательность и живой ум рыбака-помора.

Земля, суша имеет на Севере несколько названий: *материк*, *ма-*

тэра, матерой, матэрое («Нескоро, поди, теперь матэру увидим», «Видался он с им, как были на матером»). Морской берег называют *горой* («Дорога горой пошла»). «Для приморского жителя, — пишет известный писатель-этнограф XIX века С. Максимов, — все виды местностей делятся только на два рода: море и гору, и горой называет он высокий морской берег и все, что дальше от моря» (С. Максимов. Год на Севере. СПб., 1871).

Богатая географическая терминология в точности до деталей передает своеобразие северного морского пейзажа, особенности природных условий, сурового климата. Морской берег в зависимости от рельефа имеет разные названия: *кочкара* — ровный, низменный обсохший морской берег; *матэра, материк, матерой* и *наволок* — высокий кругой берег; *стамик*, а в Кемском уезде — *крутик* — крутой склон берега, обрыв на беломорском побережье (от Кандалакшского залива до г. Онеги).

Старинным словом *наволок* называют поморы мыс, косу, полуостров. О скалистом мысе в Поморье говорят — *нос*.

Живописен и неповторим северный морской пейзаж летом: «Берег на всем своем протяжении, представляя всевозможного рода неровности, то переходя в высокие, обрывистые горы, то спускаясь в синюю массу океана невысокими отлогостями и мысами, называемыми обыкновенно носом, изрезан множеством губ и заливов», — пишет С. Максимов.

Старинные слова *глобля, гломень* обозначают открытое море, море вдали от берега. По выражению поморов, *голомянь* — даль морская, все, что пошло от берега.

Глубокое место, впадину в море называют словами *завал, стамик*. Глубокое место у берега за отмелью — *бережные ворота*. Достаточно глубокое место в море для движения судов или для стоян-

ки их на якоре — *стрэжа, стрэжень, стрежь*. *Стоять на стрэжé* — стоять на якоре на достаточной глубине: «Даже на стреже судно стояло, а теперь, гляди, как его охому́тило».

Для рыбака-помора очень важно знать течения воды, уметь разбираться в их направлениях. *Тягой* называется в Поморье направление морского течения: «Тяга-то, вишь, теперь к берегу». Про попутное течение говорят *пéводь*; о встречном течении воды в море — *противна́*. Крутой поворот, изменение морского течения называют *перевáлом*.

Очень много в обиходе поморов слов, обозначающих силу волнения на море. Едва заметное колебание воды при слабом ветре называют *дрябью*. Легкая зыбь — *кóлышень*: «Ведь оно море у нас как-то никогда не живет, чтобы покойно было, как в ведре бы, примерно, али в кадке,— объясняет помор,— все зыбит, все шевелится, все это колышень в нем ходит». Есть здесь и другие слова для обозначения зыби: *бглобень* («Куды сунешься-то? Глянь, оглобень кака ходит») и *бгибень*, обозначающее заходящую в залив или в заводь зыбь.

Рябь на воде называют *мýрью*. Отсюда *мýрить* — «вода мýрит на сувое». Плавное, некрутое волнение на море, отлогую некрутую волну называют *пéводень*. *Россыпь* и *убой* — сильный прибой у берега или у мели. Сильное волнение, водоворот в море от двух встречных течений (когда полая вода пойдет на малую или же когда обе воды встретились — полая с убылою) имеет несколько названий: *суббй, сулбй, воронúха, толкунцý, засýчка*. Живописный рассказ об этом явлении находим в книге С. Максимова: «Море на значительное пространство вперед зарябило широкой полосой, стало словно рыба чешуя, хотя впереди кругом давно уже улеглась вода гладким зеркалом.— Сувоем едем,— объясняет рыбак помор,— на место такое угодили, где обе воды встретились: полая (прилив) с убылой (отливом). Ингод так и осилить его не сумеешь!»

Взвóдень, звóдень, взвóднице — сильное волнение на море: «По морю ходил взводень, бросавший в наш карбас крупные, сильные волны. Всегда неугомонный и сильный полуночник заметно усиливался, страшно было в этом полумраке, среди открытого моря» — так описывает это явление С. Максимов. Когда море волнуется, говорят, что оно *хблнет* (от *хблнуть*). «Улеглось море после взводница-то, словно стеклышко, не хблнет», Непастье на море с силь-

ным ветром и большими волнами — *пыль* («Пыль, пыль, страшонная пыль в море»). О такой погоде говорят: «Пылко стало в море, несосветимо пылко!». *Пылить*, то есть бурлить, разбрасывать брызги, пениться: «Погода-то шибко разыгралась, пылит уж оченно».

Утихающие после бури волны — *повалуха*; «лосеет море», — говорят поморы, когда оно успокаивается. «Почитай с неделю стоим тутова с суденышком, вишь, оно, море-то, как слосело». Отсюда *лосина*, *лбсо*, *лбсо море* — гладь, штиль на море.

Рыбаки замечают не только когда начинается и кончается ветер, но и с какой он стороны, какой силы и как дует. Ветер с материка называется *гбрним*, с моря — *гломянной ветер*, *моряник*, *морянка*. «Морянка потянула, дождю надо быть. У них-то несхожие ветры пали, а у нас так вольная морянка вся тянет».

Про порывы ветра говорят *дўхи* или *збри*. «Ветер дўхами ходит». Сильный, шквальный порыв ветра — *торох*. «Налетел, значит, торох, враз суденышко и опружило. Торохом у ево карбас разбило».

Попутный ветер — *попўтник*, *попўтничек*, *поветерьь*... «В хорошую поветерьь тут сутки ходу». Про попутный ветер говорят еще: *ветер в похбдь*. «Ветер пал на стрету, на устречу» — подул встречный ветер. Этот ветер называют еще *протиеняк*.

Про начинающийся ветер говорят, что он *завязывается*, *заводится* или *заживает*: «Свычны они, какой ни завязывайся ветер, им все ладно»; «Дён пять, почитай, противняк дул, лишо поне завязало поветерьье»; «Глядь, ветер, заводится, не выгребешь тепере с суденышком»; «Ветер зажил» — подул после штиля.

Вместо *ветер дует*, *подул*, *задул* говорят *ветер падает*, *пал*, *выпал*: «С утра пал обедник», «Ветер выпал, так и живем, а нет, так и сиди». Отсюда: *припало*, *выпало* много ветру — подул сильный ветер; *тихо припало* — настала тишь, безветрие: «Вот, ведь, правду я тебе даве сказал, — говорит помор, — нет в нашем море спокою: всегда падет какой-нибудь ветер, вон и теперь на голомянной (морской) сменился». В пословице говорится: «гагара кричит — на море падет крутой ветер».

Слово *ветер* употребляется поморами и в значении — «страны света». *В какой ветер пойдешь?* — то есть в какую сторону, по какому направлению. Отвечают: «Надоть в обедник или в шелоник, то есть на юго-восток, на юго-запад».

Жители северного Поморья различают значительно большее количество ветров по их направлению, чем жители других мест. Во-

семь главных ветров, соответствующих странам света, имеют следующие названия: «северный ветер», «1-й румб компаса» — *сéвер, сiвер*: «Тянут ину пору у нас таки сиверы, што нали руду носом гонит». «Северо-восточный ветер», «5-й румб компаса» — *полунóчник, полунóщник*. «Восточный ветер», «9-й румб компаса» — *обéдник, обéденник*. Говорят: «обéдник днем колышет, а к вечеру отишит». «Южный ветер», «17-й румб компаса» — *лётник, лётень, лётний ветер, полúденник, межнiк*. У мурманских промышленников этот ветер назывался также *русским* или *ветром с Русii*. «Юго-западный ветер», «21-й румб компаса» — *шелоник, шалоник, пáужник*. Поморы говорят об этом ветре так: «шелоник — на море разбойник, шальной ветер, без дождя мочит», то есть бросает брызги, пылит. «Западный ветер», «25-й румб компаса» — *запад*. «Северо-западный ветер», «29-й румб компаса» — *поберёжник, подберёжник, обломанник*.

Понятия и представления о приливе и отливе у северных поморов обозначаются, главным образом, сочетаниями со словом *вода*. Полный отлив на неглубоком месте, откуда вода полностью уходит, называется *сухой водбiй* (*стоять на сухой воде* значит стоять на обсохшем при отливе месте. Говорят о судне). *Крótкая вода* — вода при самом тихом течении, во время ее наибольшего понижения, при отливе. Скажут: «вода стала кротётъ, кротчаёт, покротéла». *Убылiя вода, урбнныe воды* — морской отлив. Отсюда *урбн* и *обрбн* — спад, убыль воды при морском отливе. Наибольшее понижение воды морского отлива называют *мáлой* или *пáлой* водой. *Избэг воды* или *донáдь* — конец морского отлива.

Убылiя, пáлья вода — убывающая, понижающаяся во время морского отлива. *Пблая, пблная, приблiл, большiя вода, большiца* — последнее время прилива, наибольшее в прилив возвышение воды. *Приблiя вода* — прибывающая, возвышающаяся во время морского прилива.

Матербiй водой называют глубокую, безопасную для плавания воду: «Бились, бились, да в силу выбрались на матерую воду». *Живая, вольная вода* — настолько глубокое место, что и в отлив судно стоит, не обмелевая.

Употребляются и другие слова, обозначающие те же или близкие им понятия. Среди них отмечаются заимствования из языков соседних народностей (карельского, коми и т. д.). *Куйпогой* и *куйпжей* называют морской отлив. Спрашивают: «скоро ли куйпога?». *Куйпога идет* значит вода убывает. Слово *куйпога* может обозначать еще полный отлив, наибольшую убыль воды, а также берег, обнажившийся при отливе. *Ехать куйпогой* значит ехать обсохшим в морской отлив берегом: «Я мчал во всю прыть, насколько позволяли делать то скудные силы моей клячи и чудная, гладкая дорога,

куйпогой, т. е. по песку, гладко обмытому и укатанному... недавно отбывшей водой» (С. Максимов. Год на Севере).

Морской отлив называют *вжар* («Поколь, вода идет на вжар, подержимся на веслах») и *запад*. Отсюда *западáть, запáсть, дрогну́ть* — идти на убыль. О воде в морской отлив говорят: *вода западáет, запáла; вода дрогнула на убыль*.

Край, граница отлива морской воды — *закрбй*. Начало морского прилива обозначается словом *закжйв*: «вода заживáет, заприбывает» или «вода распалась» («Не порато шибко бегли, в тапор вода не распалась»).

Частота употребления слова *вода* и важность для рыбака-помора обозначаемых этим словом понятий вызвали к жизни и другие, производные значения сочетаний со словом *вода*.

По состоянию воды поморы довольно точно определяют и употребленное на поездки время: «Знамо, на пáлой воде вышли, колм тутока на другой сухой стали».

Большая группа слов обозначает названия льдов. Первый тонкий лед у морского побережья называется *тонколедницей*: «Пришли по тонколеднице, да мало не потонули». Плавающий в море смерзшийся снег и мелкий лед называются *сáло* и *шугá*. *Тóры* обозначают льды в Белом море, занесенные ветрами из океана, а слова *тóрос*, *тóросы* или *торосá*, а также *тóросный лед* — огромную глыбу льда, нагромождение льдин: «Океан от нахлестал к губе торосьев бродячих, да и заморозил губу-то самую».

Ровное, сплошное ледяное поле, носящееся по морю, — *становой тóрос*, *поляна*. Ледяная глыба в море — *стамйк*, *стамйха*, *пáдеж*, *журган* (Онеж., Кем., Кольск.).

«Зловеща картина зимнего океана: С поразительным шумом носятся... один торос за другим..., пока новый шторм не раздробит их в отдельные груды — стамухи. Длинными поясами (полосами) и широкими полянами (плотными ледяными полями) ходят по всему океану от берегов и к полюсу все эти тороса и стамухи» (С. Максимов. Год на Севере).

Когда море покрывается сплошным льдом, говорят, что *море стоит, запаймало*. Свободное ото льдов море называют *пóлым* (Помор.).

С нетерпением ожидаемое поморами весеннее вскрытие льда или, по-местному, *развóдье* («Стояли-то мы на твердом льде, да, вишь, сразу шелоник задул, так и пало развóдье»), означающее начало навигации и морских промыслов, наконец наступает. Море освобождается ото льдов или, как говорят поморы, *закживает*.

О. Д. КУЗНЕЦОВА
Рисунок В. Толстоногова

Ермак Тимофеевич — популярный герой исторических песен и преданий. Народные песни поведали нам и о его знаменитом походе в Сибирь, известном по летописям. Но есть и такие фольклорные произведения о событиях XVI века, где имя Ермака находится в противоречии с историей (к фактам, которые в таких песнях отражены, Ермак Тимофеевич отношения не имел). Подобного рода случаи усматривали до недавнего времени и в былине «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь». Ее считали целиком вымышленной.

В былине идет речь о нашествии на Русь войск татарского царя. Юноша Ермак хочет биться с врагами, ему это запрещают, но он все же оказывается участником битвы. Ермак сражается с огромным вражеским войском. Старшие богатыри (по некоторым записям только один из них — Илья Муромец) тоже вступают в бой и стараются выручить Ермака. Сражение оканчивается победой русского войска, но юный Ермак погибает.

Нашествие врага, отпор и уничтожение в бою вражеских сил — обычны в композиции былин о татарском нашествии. Присущие именно этой былине мотивы участия в битве юноши, которого сна-

чала отговаривают и которому потом помогают в критический момент, восходят, по-видимому, к былине «Данила Игнатьевич и его сын», на что не раз обращали внимание исследователи. При этом отмечались и некоторые дополнительные черты сходства, прослеживаемые в отдельных вариантах: указания на то, что отец Ермака (как и Данила Игнатьевич) находится в монастыре; едва не состоявшийся по ошибке бой Ермака с пришедшим ему на выручку Ильей Муромцем и др. Однако два обстоятельства резко отличают данную былину от всех остальных былин об отражении татар: имя главного персонажа и мотив его гибели. О смерти Ермака прямо говорится только в двух вариантах, но еще в нескольких она подразумевается: когда богатыри возвращаются после победы, Ермака среди них нет. Хотя большинство вариантов утратило мотив гибели главного героя, трудно сомневаться, что этот мотив присутствовал в былине изначально.

Прототипом ее героя исследователи считали легендарного Ермака Тимофеевича, казачьего атамана, сыгравшего, наряду с другими русскими землепроходцами XVI века, выдающуюся роль в освоении Сибири, погибшего там (1584) и оставившего значительный след в фольклоре последующего времени.

Между тем такое отождествление двух персонажей по совпадению их имен — вполне очевидная натяжка. Дело не только в том, что персонаж времен Ивана Грозного не отражал татарских нашествий на Русь, а совершал походы за Уралом. Победивший войска Кучума атаман Ермак Тимофеевич прославился в зрелом возрасте как опытный военачальник. Былина же изображает Ермака юношей, неожиданно ввязавшимся в бой и погибшим вследствие своей военной неопытности. Исследователи ощущали крайнюю слабость этого отождествления, замечая, что герой былины очень мало похож на исторического Ермака (Миллер О. Ф. *Илья Муромец и богатырство киевское*. СПб., 1869).

В такой натяжке и нет необходимости. Имя Ермак не уникально. Задолго до того, как С. И. Гуляев напечатал первую запись этой былины, М. Н. Макаров опубликовал запись исторического предания, которое, очевидно, и послужило некогда одним из ее источников. Предание записано в той местности, где в 1378 году происходила первая успешная для русских битва с войском Мамаю на реке Воже. Это типичное местное предание, содержание которого тесно связано с топографией тех окрестностей Рязани, где оно бытовало и где его записал собиратель. Имя героя предания — Ермак.

Но этот Ермак жил в XIV веке, был рязанцем и являлся главным помощником в ратном деле 1378 года на Воже. Согласно преданию, «он, со своими сотнями, все время скрывался в перелесках между Вожи и Быстрицы и внимательно подстерегал врагов, за-

севши в одном болоте, а когда русские устали биться насмерть, Ермачок выскочил из своей засады и решил дело, но, смятый будущими врагами, сам попал с ними в свое болото и погиб там. Это болото и теперь еще называется Ермачково». Прямых указаний относительно возраста персонажа в переданном собирателем тексте нет. Но то обстоятельство, что имя героя употребляется всякий раз в уменьшительной форме, трудно расценить иначе, как указание на его крайнюю молодость. Предание называет также имена двух его сподвижников — «богатырей» Рогожи и Чайцы (Русские предания, изданные М. Н. Макаровым. М., 1838). Единственный анахронизм предания можно было бы усмотреть в том, что герой назван «казакком». Но, как установил по письменным источникам еще А. И. Соболевский, «наши предки, с XIV по XVI век, называли казакком работника, батрака, по преимуществу сельского» (Соболевский А. О типе Ильи Муромца.— Живая старина, 1892).

Текст относится к циклу аналогичного рода местных преданий о событиях последней четверти XIV века, записанных в XIX и XX веках на территории нынешних Рязанской и Тульской областей многими исследователями, начиная от М. Н. Макарова и кончая советским фольклористом В. К. Соколовой, записи которой (включая и вариант предания о Ермаке) напечатаны несколько лет назад.

*

Нет оснований предполагать, что предание возникло на основе былины. Против этого говорит и местная приуроченность предания, и то, что в нем герой предводительствует своими «сотнями», и реально правдоподобная, в отличие от былины, характеристика самого участия Ермачка с его сподвижниками в битве. Остается признать генетическую зависимость былины от предания. Следовательно, появление былины «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» нет необходимости отодвигать в XVII век, хотя отчество ее героя «Тимофеевич» появилось уже впоследствии — под влиянием исторических песен о Ермаке Тимофеевиче, русском землепроходце. Более подробно об этой былине в связи с преданием о Ермаке и другими былинами об отражении татарского нашествия можно прочесть в XII-м выпуске ежегодника «Русский фольклор» («Наука», М.—Л., 1971).

С. Н. АЗБЕЛЕВ

Рисунок В. Комарова

В нашем языке уже много десятков лет известно это слово. В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» указаны два его значения: «Название широких плоских возвышенностей в Заволжье, а также высокогорных пастбищ на Тянь-Шане». В своем «Толковом словаре» В. И. Даль приводит русскую поговорку: *От сухого сырта вода бежит.*

В географической литературе термин *сырт* обычен, он породил много определений: *горносыртовой рельеф; сыртовой тип рельефа*, отличающийся пологими формами и мягкими очертаниями холмов, гор и эрозионным расчленением, балками, долинами, логами. Геологи выделяют *свиту сыртовых глин* — толщу бурых и красновато-бурых континентальных отложений, богатых солями. В «Четырехязычном энциклопедическом словаре терминов по физической географии» И. С. Щукина (М., 1980) к слову *сырты* даются иноязычные соответствия: англ. *syrts*, немец. *Syrten*, франц. *syrts*.

В русской художественной литературе слово *сырт* встречается в произведениях С. Аксакова, В. Шишкова. Известны строки А. А. Фета:

В сыртах не встретишь Геликона,
На льдиках лавр не расцветет...

Это стихотворение Фета опубликовано в сборнике «Вечерние огни» (серия «Литературные памятники») и снабжено комментарием: «Сырты — высокие горные долины, залегающие между хребта-

ми (здесь — уральскими); Геликон — в древнегреческой мифологии священная гора, считавшаяся местопребыванием Аполлона и муз.

Слово *сырт* русскими заимствовано из тюркских языков. Когда? Видимо, сравнительно недавно. Лексикографические источники отсылают к словарю В. И. Даля. Как известно, первое его издание вышло в шестидесятых годах прошлого столетия. Но автор собирал словарный материал в течение полувека, почему мы вправе датировать присутствие слова *сырт* в русских говорах первоначально Нижнего и Среднего Поволжья концом XVIII — началом XIX века.

В «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова читаем: «*сирт* — наружная сторона, поверхность, спина». Известный тюрколог Н. К. Дмитриев отмечает: «*сырт* в турецком, татарском, киргизском, туркменском языках отвечает значениям — «горный хребет», «спина» (О тюркских элементах русского словаря. — Лексикографический сборник, вып. 3, М., 1958). В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера находим: *сырт* — «водораздел, кряж». Из тур., крым.-тат., алт. *syrt* «возвышение, холм, горный кряж», чув. *sərt* «холм, гора».

Однако такая этимология представляется неполной. В разных тюркских языках можно обнаружить и различные значения, иногда близкие, но порою весьма отличающиеся. Здесь укажем, что древнетюркское значение слова «возвышенность» сохранилось в узбекском *сирт* — «хребет, верхний»; в азербайджанском и кумыкском *сырт* — «гребень, верхняя часть чего-либо, плато, плоская грива», в хакасском *сыр* — «бугор, холм, горка, крутой, высокий берег, обрыв» и *сырт* — «сопка, холм, горка»; в татарском *сырт* и башкирском *һырт* — «гряда, кряж, возвышенность, увал». Но в казахском и киргизском языках появляются новые значения: казахское *сырт* — «внешний, наружный, спина»; киргизское *сырт* — «внешняя сторона, внешность, далекая местность, тыльная сторона, спинка», а переносно — «высокогорное альпийское плато, высокогорная плоская широкая долина, которая используется для летнего выпаса домашних животных».

Упомянем также, что слово *сырт* присутствует в болгарском языке, оно отвечает значениям: «гребень горы, водораздельная линия гор», что указывает на его заимствование из турецкого.

За пределами тюркской и славянской лексики находятся осетинское *сыр* — «плоская возвышенность» и монгольское *сээр* — «спинной хребет, позвонок», а в переносном смысле — «холм, гряда в пустыне Гоби» (Казакевич В. А. Современная монгольская топонимика. Л., 1934).

В географии отмечают два значения термина *сырт*: 1) плоская или слегка волнистая поверхность на Тянь-Шане, поднятая в результате горообразовательных движений на абсолютные

высоты 3500—4000 м, и 2) широкая в основании возвышенность, горный водораздельный кряж, гряда в Высоком Заволжье.

Термин оказался весьма продуктивным при назывании географических объектов, главным образом, положительных форм рельефа (возвышенностей, гор и пр.), но также и населенных мест. Он формирует многочисленные топонимы на территории Поволжья, Урала, Средней Азии, Казахстана, Сибири, Кавказа, Малой Азии, Балкан.

Отметим некоторые из них. Со школьной скамьи мы помним загадочное имя *Общий Сырт* — «широкая гряда, разделяющая бассейны рек Волги и Урала». Почему *Общий*? Потому что его территория в течение долгого времени не заселялась, а использовалась под выпас как казахами, так и русскими крестьянами, живущими в Заволжье по реке Урал. Между городами Саратовом и Уральском возвышается *Синий Сырт*, в Оренбургской области находится *Меловой Сырт*. В Казахстане, на запад от озера Тенгиз, высится *Ильдыгыйский Сырт*, а в западной части Туркмении бугор *Сыртланлы*. В Киргизии известна местность *Донгуз-Сырт*, в Таджикистане гора *Бустан-сырт*. На севере Уральских гор есть горный проход *Сырты*. В Дагестане отмечен хребет *Дюзсырт*. Азербайджанцы Талышские горы называют *Талаш Сыра Даглары*. На Северном Кавказе есть гора *Сыртла* и возвышенности *Сырынсырты* в Кабардино-Балкарии и *Сырхусыр* в Северной Осетии.

В этом топонимическом ряду интересно название *Синий Сырт*. Прилагательное *синий* нередко встречается в названиях положительных форм рельефа. Так в «Словаре названий орографических объектов СССР» (М., Недра, 1976) приводится 31 наименование гор, возвышенностей, бугров, сопок в формах: *Синие (горы)*, *Синий (бугор и хребет)*, *Синюха*, *Синюхин (белок)*, *Синяха*, *Синяя (гора, сопка)*. Здесь цветовое определение вполне реально. Кто видел горы, тот помнит синеву их далеких очертаний. В указанном списке 25 названий относятся к территории Российской Федерации на широких просторах от Поволжья до Дальнего Востока, 5 — к северным областям Казахской ССР и одно (гора Синяя) — к Приазовской возвышенности на Украине.

Интересно, что в Таджикистане течет река *Сырт*. В топонимии этой республики известно много тюркизмов, что легко объяснимо: таджики издавна соседствуют с киргизами, узбеками и туркменами. Но почему термин, обозначающий, орографические (орография — описание форм земной поверхности и их взаимного размещения) объекты, оказался в роли гидронима? Нас это не должно смущать. В топонимии Средней Азии подобное встречается. Нередко перевал и две реки, стекающие с него по противоположным склонам, посят одно и то же имя. Вот яркий пример. В горах Фер-

ганского хребта есть перевал Кугарт (в киргизском языке *арт, артуу* — горный перевал), две реки, истоки которых лежат у перевала, называются так же. В Туркестанском хребте перевал и две реки имеют одно название — *Шахристан*. По существу, народ одним топонимом определяет три географических объекта, объединенных в одно целое — проход через горы, путь через хребет.

Перенос названий орографических объектов на имена близлежащих населенных пунктов — известное явление в ономастике. Вспомним хотя бы город Монреаль в Канаде, получивший такое имя по холму в центре города. Горы Монче-Тундра в Мурманской области дали имя Мончегорску. Вряд ли можно сомневаться в этимологии польского города Зелёна-Гура. И слово *сырт* отложилось в именах селений: *Сырт* в Оренбургской и Ошской областях, *Сыртинский* в Челябинской области, *Сыр* в Хакасии.

Даже из этого весьма неполного списка географических названий отчетливо видна высокая топонимическая продуктивность термина *сырт* в нашей стране.

Э. М. МУРЗАЕВ

Рисунок В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

И. В. Зарайский (Киев) пишет о том, что, читая газету «Правда» (1981, 19 дек.), в заметке «С конвейера — на жаркое» встретил незнакомые ему слова *бройлеры* и *бройлерный* и просит объяснить их значение.

В словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1971) сказано, что слово *бройлер* (мн. *бройлеры*) имеет два значения: 1) цыпленок, выращиваемый на мясо, например: *В последнее время стало развиваться производство мясных цыплят («бройлеров»)* (Неделя, 1965, 25); 2) помещение, предназначенное для выращивания таких цыплят. Прилагательное *бройлерный* обозначает «относящийся к бройлерам, предназначенный для бройлеров» (бройлерная фабрика, бройлерное птицеводство и т. д.).

Путь от Владимира к Москве проходит по Горьковской автомагистрали. Первоначальное наименование части этого пути — *Владимирский тракт* или *Владимирка*. До революции это был один из этапных путей, по которому угоняли борцов с самодержавием в далекую сибирскую ссылку.

На Горьковской автомагистрали находится много объектов, названия которых несомненно могут вызвать у нас интерес. Расскажем о некоторых из них.

Город *Лакинск*. Городом он стал совсем недавно — в 1969 году. До этого именовался поселком *Лакинский*. Кем же был человек, память о котором увековечена в названии?

До революции на этом месте стояла небольшая ткацкая фабрика купца Бажанова, рядом располагалось село Ундол. Здесь в 1905 году за революционную пропаганду был убит черносотенцами большевик, пламенный агитатор, которого хорошо знали рабочие Иваново-Вознесенска и Мурома, М. И. Лакин.

Село *Ундол* (название его является весьма древним и пока не поддается расшифровке) входит ныне в состав города Лакинска. Первое упоминание об Ундоле относится к началу XVII века. Топоним встречается в «отписке» ярославцев от 1611 года о немедленной присылке ратных людей на помощь Москве. Село Ундол тесно

связано с жизнью выдающегося русского полководца А. В. Суворова. Здесь, в усадьбе, унаследованной от отца, он жил. Сохранилась часть усадебных сооружений. Местные жители до сих пор называют часть сохранившегося старинного парка с двухсотлетними липами *Суворовской рощей*.

За Лакинском путь по «Золотому кольцу» приводит нас в село *Городок*. Населенных пунктов с таким наименованием в Центральной России очень много. О названии *Городок*, входившем в большое число топонимов, уже рассказывалось в очерке «Загорск и Радонеж» (см.: Русская речь, 1980, № 5).

В селе Городок, расположенном недалеко от Лакинска, бывал знаменитый художник, певец русской природы И. И. Левитан. Здесь им было создано 17 произведений, среди которых этюд, послуживший основой для одного из лучших произведений Левитана — картины «Владимирка». На ней не изображены ни колодники, ни конвоиры, однако с удивительной силой передано ощущение печали, горя, страдания.

*

На нашем пути село *Андреевское* — бывшая усадьба Воронцова-Дашкова (XVIII век). Здесь останавливался у своего друга графа А. Р. Воронцова на пути из Ильинского острога А. Н. Радищев.

Андреевское в конце XVIII века представляло собой одну из немногих крупных усадеб Владимирщины. Здесь сохранились дворец, службы, парк и церковь Андрея Первозванного. На первый взгляд, название села легко связывается с наименованием расположенной в нем церкви (такой принцип названия в русской топонимии был довольно распространенным). Но вот из разрядных книг (записи под 1645—1647 гг.) нам удается узнать, что «за стольником Андреем Львовым Плещеевым в вотчине, что была за дядею его... Иваном Афонасьевичем Плещеевым, а дяде его продано из государевых дворцовых сел, село Андреевское на речке на Яхрене и на родниках, а в селе церковь Преображения...»

Можно предположить, что село, перейдя из дворцовых в частновладельческие, получило название по имени нового владельца. Поскольку все села в вотчине принадлежали Плещеевым, необходимо было создать топоним, который бы четко выделял данное село из числа однородных, — им стало название *Андреевское*. И только, видимо, позднее в селе появилась церковь Андрея Первозванного.

Деревня *Липня*, расположенная недалеко от села Андреевское, получила свое название потому, что стоит на берегу реки Липня, левого притока Клязьмы. Гидроним *Липня*, очевидно, образован от названия дерева. В бассейне Клязьмы встречаются целые липовые

леса. Река, протекающая по одному из них, вполне могла получить название *Липня*. Гидронимы такого рода нередки среди русских наименований рек.

Названия растений нередко становились производящей основой для различных топонимов. К их числу, вероятно, можно отнести и наименование города *Петушки*, что также находится на нашем пути. Петушки — районный центр Владимирской области, статус города имеет с 1965 года, расположен на левобережье Клязьмы. В русских говорах существует немало названий растений, образованных от основы *петух*: *петушки*, *петуший* (или *петушиный*) *гребень*, *петушник*, *петушьи головки*, *петушья ягода* и пр.

*

Вслед за Петушками на нашем пути появляется город *Покров* (о слове *покров* в «Русской речи» уже рассказывалось — см.: Чурмаева Н. В. Листая учебник, 1976, № 3). Городом этот населенный пункт стал в 1778 году. В XVII веке на месте Покрова существовала *Антониева пύстынь*, которая в писцовых Переяславских книгах 1628—1631 годов именовалась и *Покровским монастырем* — по центральному храму — церкви Покрова Богородицы. Около пустыни в конце XVII века возникла подмонастырская слобода. Словом *пύстынь* в старину называли уединенную обитель, келью, небольшой монастырь в малолюдной местности. В конце XVII века Покровский монастырь был упразднен, церковь превращена в приходскую, а поселок начал именоваться «патриаршим Покровским селом» или селом *Покров*.

В стороне от «Золотого кольца» на старой дороге из Покрова на Переяславль-Залесский стоит город *Киржач*, названный так по протекающей рядом реке. Город возник в 1778 году. Видимо, поселение здесь появилось в XIV веке. Именно к этому времени относится легенда основание здесь Сергием Радонежским Благовещенского монастыря.

Топонимист А. И. Попов выдвинул интересную и достаточно аргументированную гипотезу о происхождении гидронима *Киржач*. По его предположению, это название можно связать с поволжской ветвью финноугорских языков, при этом «родственниками» реки Киржач (левого притока Клязьмы) на Владимирщине становятся левый приток Волги река Керженец, а также река Кержач в Мордовской АССР. А. И. Попов допускает связь всех этих гидронимов с мокшанским *кержи*, эрзянским *керч*, *керш* — «левый» (Попов А. И. Топонимическое изучение Восточной Европы. — Уч. зап. ЛГУ, № 105, 1947, Серия востоковедческих наук, Вып. 2).

Пересекая реку Киржач на пути по «Золотому кольцу», мы попадаем из Владимирской области в Московскую. Несколько в стороне от Горьковской автомагистрали стоит *Орехово-Зуево*.

Этот населенный пункт стал городом в 1917 году, объединив поселки Зуево, Никольское и Орехово.

Древнейшим из поселков, составивших районный центр Орехово-Зуево, был погост Орехово. Он упоминается в писцовой книге князя Василия Петровича Кропоткина и дьяка Игнатия Лукина за 1637 год: «Погост на Орехове на реке Клязьме, а на погосте церковь деревянна великого чудотворца Николая...»

Погосты обычно имели двойное наименование: по церкви и по урочищу или селению. Вероятно, полным названием Ореховского погоста было *Никольский на Орехове*. Происхождение топонима *Орехово* порой связывается с зарослями орешника, среди которого была поставлена церковь. Думается, четкая форма топонима дает возможность предположить, что *Орехово* (*Ореховое* и т. п.) являлось древним названием урочища.

На левом берегу Клязьмы стояло селение *Зуево*. В краеведческой литературе можно встретить утверждение о том, что в основе топонима *Зуево* лежит слово *зуй, зуек* — «небольшой кулик». Однако название все же реальнее связать с фамилией владельца (род Зуевых широко известен уже в XVII веке). В документах Зуево впервые упоминается в конце XVIII века.

В XIX веке быстрый рост текстильной промышленности повлек за собой увеличение числа рабочего населения, которое подвергалось нещадной эксплуатации. Возмущение трудового люда произволом промышленников вылилось в 1885 году в знаменитую Морозовскую стачку. С этого времени ведут свою историю славные революционные традиции орехово-зуевских ткачей.

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ,

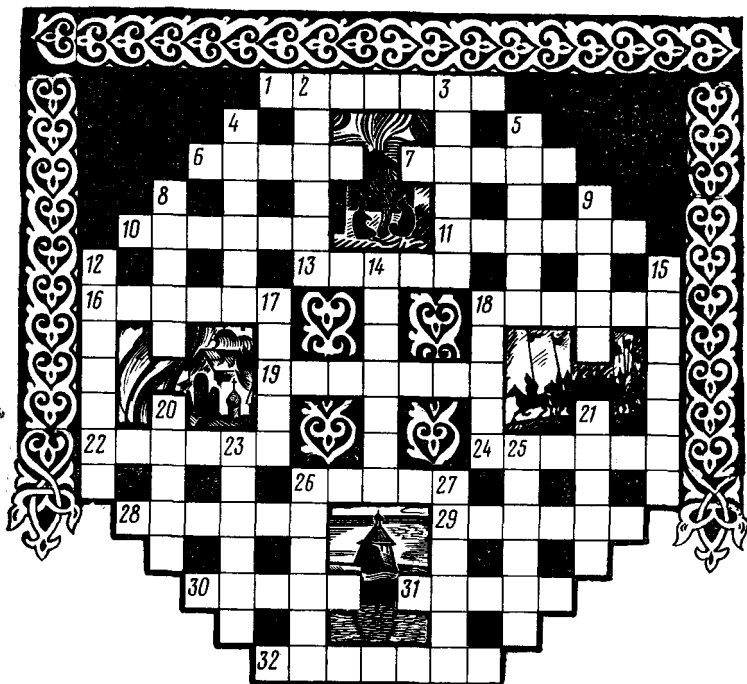
В. Ю. ДУКЕЛЬСКИЙ

Рисунок С. Гавриловой

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Древнерусский город, упоминаемый в «Слове о полку Игореве». 6. Стихотворный размер:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...
7. В художественном произведении: тип, характер. 10. Рассказ

А. П. Чехова. 11. Степень отчетливости в произношении слов и слогов. 13. Предводитель войска и правитель области в феодальной, удельной Руси. 16. Персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 18. Русская песня. 19. Утренняя заря (высокий стиль). 22. Одноименные стихотворения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. 24. Роман А. Н. Толстого. 26. Персонаж пьесы Лопе де Вега «Собака на сене». 28. Народно-поэтическое повествовательное произведение. 29. У древних славян: обрядовые действия и пиришество в память умершего. 30. Русский советский поэт, автор сборников «Родина», «Сосны и ветер». 31. Поселок, в котором находятся художественные мастерские, выпускающие лаковые изделия из папье-маше. 32. В середине века странствующие исполнители песен и разного рода представлений антицерковного содержания.

По вертикали: 2. Рассказ

А. И. Куприна. 3. Имя сестры легендарных братьев Гия, Шека и Хорива. 4. Стихотворение А. С. Пушкина. 5. Русский поэт, один из переводчиков «Слова о полку Игореве». 8. Русский советский поэт и драматург. 9. Старинные русские и украинские стихи. 12. Юмористический художественно-литературный журнал, в котором сотрудничал А. П. Чехов. 14. Персонаж пьесы Н. В. Гоголя «Женитьба». 15. Род старинной крестьянской одежды без пояса. 17. Участок земли в сельской общине, выделявшийся в пользование крестьянской семье в дореволюционной России. 18. Родина Одиссея. 20. Герой русских народных сказок. 21. Роман Мопассана. 23. Турецкий город, описанный А. С. Пушкиным во время поездки на Кавказ. 25. В поэтике: определение, прибавляемое к названию предмета для большей образительности. 26. Герой сказа П. П. Бажова «Каменный цветок». 27. Титан, герой древнегреческого мифа.

Из истории слова и реалии

Очень часто вид современной вещи ничем не напоминает ее исторический «прообраз», и современному человеку трудно, например, связать *булавку* (особенно ту, которая до недавнего времени называлась английской) с *булавой*. Нет, не с гимнастическим снарядом, который, действительно, напоминает древнюю палицу. Об этом старинном оружии — булаве — упоминается в Архивных бумагах Петра: «потешные деревянные» снаряды — булаву, шестопер, пистоль, карабин — «живописец Дорофей Ермолаев расписывал красками» для царевича Петра (Словарь русского языка XI—XVII вв.; далее — СлРЯ XI—XVII вв.). Среди булав (слово известно с XV века) был еще знак военачалия и власти — жезл с шаром или утолщением на конце: «Въ оружейной приказъ принесено отъ государя сверху сундукъ, а въ немъ рухлядь боярина Никиты Ивановича Романова... Булавишко желѣзное, заржавела вся...» (СлРЯ XI—XVII вв.).

Но вернемся к современным булавкам. Среди них есть напоминающие этот жезл: иглы с головкой, чтобы подкалывать куски кроя, иногда бумаги. Для XVII—XVIII веков характерна булавка — игла, шпилька с драгоценным камнем на тупом конце, служившая украшением одежды, прически. Итак, булава — палица, палка, орудие, имеющее плавное или шарообразное утолщение на конце. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера считает слово *булава* производным на -ава от слав. *buła* «шишка, набалдашник». В говорах встречается *будлава* «груз, который прикреплен к безмену для равновесия» (Словарь брянских говоров; далее — СБГ).

Само устройство безмена бывает разным, но старинный безмен

это, как правило, металлический прут с петлей, разметками посредине и головкой-противовесом. Интересно отметить, что в донских говорах есть слово *булдавка* «большая пастушья палка» (Словарь русских народных говоров). Данный словарь дает и другие параллели: *булдыга* «кость, мосол» и «шишковатая палка, дубина» (ср. *булыга* «булыжник», «суковатая палка, дубина»; *перен.* «болван, дубина» || «пьяница, пропойца»). *Булдыжка* — «кость с шишковатым суставным утолщением на конце, мосол»: «З булдыжки хъладец дельли, если на чилавека пирявеств, так пъ калена атсикали» (СБГ). У птицы эта кость имеет иной вид: «У гуся булдышка есть, лапки отрежыш, а выше булдышка, две булдышки» (Там же).

Среди значений слова *булдыжка* есть и «утолщение на конце палки», и «веретено с намотанной пряжей», «утолщение». Обозначение крупного камыша словом *булыжник* (из *булдыжник*?) также указывает на утолщение конца стебля. В образовавшейся цепочке *булдава* || *булава*, *булдавка* || *булавка*, *булдыга* || *булыга*, *булдыжка* || *булыжка* формы с *д*, возможно, вторичного эпентетического, вставного происхождения, однако оба ряда цепочки представляются довольно архаичными. Архаичность заметна и в структуре слова, и в семантике: с *булдыга*, *булдыжка* структурно сопоставимы слова *лодыга*, *лодыжка*, также обозначавшие «говяжью надкопытную кость, мосол»; «зерневую кость, бабку», «кости (суставы, позвонки), обточенные для игры в бабки». Вот примеры из Картотеки древнерусского словаря (далее — КДРС), восходящие к XVII веку: «И о лодыгахъ, и о колядницѣхъ, и про беззаконный бой, вы, попове, уймайте дѣтий своихъ»; «Многие люди... въ ночи чародѣвствуютъ... и съ собачками пляшутъ, и зернью и карты, шахматы и лодыгами играютъ»; «Человѣку воды по лодышку,— какая рыба? И лягушекъ нѣтъ!». В говорах в значении «большая кость с округлением», «бедро с вертлюгом» употребляются еще слова *мосол*, *мосолыга*, *мосолыжица* (см.: Словарь В. И. Даля). Эти сопоставления говорят о возможности выделения корня *бул-* или *булд-* в семантически связанных между собой словах цепочки.

*

Что еще из более или менее современных предметов напоминает о булаве — железе с шарообразным утолщением на конце? Пожалуй, набалдашник.

Слово *набалдашник* современный читатель хоть и связывает со временем ношения тростей, однако легко поставит его в ряд одноструктурных слов (*наконечник*, *нарукавник*) и задумается, пожалуй, только над корнем *балдаш-* (было ли *чн-* там, где сейчас *шн-*? Если *чн-* осталось от основы прилагательного, как в слове

конечный, то что же такое *балдак*?). Заподозрить заимствование в таком слове, как *балдак*, правомерно, так как оно не укладывается в какие-либо русские смысловые или словообразовательные ряды. «Опыт этимологического словаря тюркских языков» М. Рясенена, действительно, отмечает турецк., ст. узб. *baldak / boldak* «шар, головка сабельной рукоятки», «эфес сабли». Очевидно, слово пришло к нам очень рано вместе с реалией — саблей — от тюрок. В «Повести временных лет» описан характерный эпизод, когда символическая дань (по мечу с дыма), выплаченная полянами хазарам, заставляет последних трезвее оценить соотношение сил не в свою пользу, так как поляне оказались вооруженными более результативным оружием: «Рѣша старць козарьстии: не добра дань, княже, мы доискахомся оружьемъ единой страпы, рѣкше саблями, а сихъ оружье обоюдо остро, рекше мечи». Но как очень часто бывает, освоение слова вызвало больше осложнений, чем освоение реалии. Слово в русском языке стали относить и к другим, внешне схожим предметам. По памятникам письменности и говорам известна *балда* || *болда* как «кувалда, молот для разбивания железной руды» (КДРС), «молот для забивания свай» (СБГ), *болда* — как «тяжелая толчея» для крупорушки на мельнице» (КДРС), «балдушечка — утолщение, шар на конце «талкушычьки», которой бьют по бубну» (СБГ). Не будем касаться здесь еще более поздних переносных употреблений (зарегистрированное в говорах выражение *балда понедельничная*, современное жаргонное *балдеть* достаточно ясно говорят о тяжелой голове). Известные нам ранние употребления слова и его производных связаны непосредственно с оружием, например, *болдица* «навершие, головка сабельной рукоятки» упоминается в «Посольстве Звенигородского в Персию 1596 г.»: «Сабля булатна, огниздо болдица булатны... оковы и наконечникъ булатны». Осложненность создавалась за счет множественности вариантов написания в заимствованиях и контактов с русскими созвучными словами.

Вследствие обычной для тюркских языков неустойчивости, приближенности в фиксации гласных *o/u* (ср. ст. узб. *baldak / boldak*, казах. *konak*, тат. *kunak* — гость) передача тюркских заимствований особенно многовариантна (ср. ст. польск., ст. русск. *kontusz* и *kuntusz* кунтуш из тур. *kontus*, ст. русск. *кулдак* и *култук* «залив» из ст. узб. *kultuk*). Со словом *boldak* можно было бы связать и ст. русск. *булдукъ*, хотя на первый взгляд покажется слишком далекой его семантическая трактовка «сосуд (чаша, чара), мера жидкости»: «... по Уразлину челобитью давано ему за мед брагою по 2 булдука на день, а денгами по алтну за булдукъ» (СлРЯ XI—XVII вв.). Речь шла о «поденном корме». Такую дневную плату, «корм», получал, например, по челобитью 1632 года переводчик и дипломат Посольского приказа Фомин-Алманзенов «за его преж-

нюю службу и за правду и за старость» — 25 копеек, 5 чарок вина, 2 кружки меда и 2 кружки пива ежедневно.

Слово *набалдашникъ* (*набулдашникъ*) образовалось уже на русской почве с семантическим и словообразовательным наращением: суффиксом *-ник* со значением орудийности, предметности и приставкой *на*, употребляемой при обозначении предметов, надеваемых, находящихся сверху, по схеме *на + baldak — ь — ный > *набалдачный > на + baldac + никъ > набалдачникъ > набалдашникъ*.

В русских памятниках письменности XVII века (цитаты из КДРС) словом *набалдашникъ* обозначаются следующие детали оружейных реалий: 1. Навершие рукояти сабли: «Сабля булатная, ножни хоз черной, набалдашник... и наконешникъ серебряные»; «Сабля, полоса нѣмецкая, съ долами... крыжъ и набалдашникъ и оковы желѣзные»; 2. Округлое утяжеленное завершение рукояти пистолета с кольцом для ремня: «Пистоль русскова дѣла, стволь грановить... у замка спускъ съ запоромъ; сверху около набулдашника обложено серебромъ»; «Указалъ государь взнестъ къ себѣ... пистоль двоествольную... набалдашникъ яблочкомъ съ кольцомъ».

Позднее, в конце XVII — начале XVIII века, как свидетельствуют данные Картотеки Словаря русского языка XVIII века, хранящейся в Ленинграде, слово *набалдашникъ* выступает уже в значении «головка, рукоять, составляющие оправу трости»: «Купить к натуральной трости набалдашникъ»; «Набалдашниковъ яшмовыхъ...»; «К тростям 4 набалдашника ентарныхъ»; «Трость с косянымъ набалдашникомъ рѣзнымъ».

Набалдашник к трости мог изготовляться, как видим, и отдельно и, вероятно, соединял в себе несколько функций, иногда и неожиданных. Словарь Академии Российской 1789... свидетельствует, что отвинчивающаяся или снимающаяся головка трости, посоха могла служить кубком. Так проясняется связь слова *булдукъ* (см. выше) с тюркским *boldak*, обретшим на русской почве новые употребления.

Как наименование украшения к трости слово *набалдашникъ* в XIX веке известно было уже и в народных песнях: «А во лъвой рукъ держит шубу соболиную, тросточку камышевую — наконешникъ серебряный, набалдачникъ красна золота» (Песни собранные П. Н. Рыбниковым). И это свидетельствует о новой жизни корня в контексте иной культуры, в структуре иного языка, показывает взаимодействие древнерусских и заимствованных корней, механизм и историю сложения новых слов.

Г. А. БОГАТОВА

Хлеб греет — не шуба; ищи, как хлеб ищут; калач приесться, хлеб — никогда; хлеб — на столе, и стол — престол, в хлеба ни куска, и стол — доска. Эти старинные поговорки красноречиво говорят о том, как всегда русский народ относился к хлебу. В старину к хлебу обращались, как к живому существу, называя его почтительно *хлеб-батюшка, хлеб-кормилец* и ласково — *хлебушко*.

*

Хлеб — олицетворение связи человека с землей, символ жизни. Появление его на Руси относится к глубокой древности. Сначала из ржаной муки, а затем и из пшеничной, хлеб занял важнейшее место в национальной русской кухне. Без него невозможно представить ни застолья, ни самой скромной трапезы (*худ обед, коли хлеба нет*). Хлеб был основной, а порой и единственной едой русского крестьянина в поле, в дороге. *Хлеб в пути — не тягость*, — говорили в народе. Относиться бережно к каждому его куску всегда было нравственным принципом русского человека.

Очень важное место в жизни народа искони занимало хлебопечение. К изготовлению хлеба относились как к священному акту. Именно поэтому и с процессом печения и даже с самой печью связано много примет, поучений, запретов, приговорок, уходящих в глубь веков: когда пекутся хлебы, нельзя садиться на печь; нельзя в это время мести пол: можно вымести удачу; нельзя разрезать каравай, пока не испечен весь хлеб: испортишь его. А если хлеб в

печи развалился, — это не только позор хозяйке, но и примета — кто-нибудь покинет дом, уедет.

Кроме своих прямых значений («продукт, изделие из муки» и «зерно, идущее на муку»), слово *хлеб* обозначает, как известно, вообще пищу, пропитание человека. Ср.: «Да пожалуй-ко, Владимир, во высок терем, во высок терем хлеба кушати» (Онежская былина); «Я готов с тобой делить и хлеб и кров» (Пушкин. Цыганы); «Не буду я ужинать, противен мне хлеб ваш» (Горький. Васса Железнова).

Слово *хлеб* имеет еще более общее значение «вообще средства существования, заработок», которое реализуется чаще всего в сочетаниях: *легкий хлеб, добывать хлеб, отбивать хлеб* и т. п.

В русском литературном и народно-диалектном языке существует большое число устойчивых сочетаний, фразеологизмов, поговорок, загадок и т. д., имеющих в своем составе слово *хлеб*. Например, общенародные сочетания: *идти на хлеба; жить на хлебах у кого-либо; есть чужой хлеб; хлеб да вода — крестьянская (бурлацкая, казацкая, солдатская, мужицкая) еда; хлеб да квас, так и все у нас; перебиваться с хлеба на квас*; диалектные: *из хлеба вышел* — о слабости после болезни; *хлеб кушай* — ответ на пожелание *хлеб-соль* и т. д.

Хлеб-соль — многозначное сочетание. Прежде всего оно означает «угощение» (*без соли, без хлеба — худая беседа*). Выражение *хлеб да соль!* издавна служило приветствием людям, сидящим за трапезой. *Хлебом-солью* встречали самых почетных гостей. Если во время трапезы кто-нибудь «вел речь непристойную», говорили: *хлеб-соль, не слушай!* *Хлеб с солью* — так говорили о крепком, плотном человеке в Ярославской губернии. *Кто за хлеб-соль берет со странного* (т. е. странника), *у того удачи в дому не будет* — в этом выражении отразились нравственные принципы народа.

Слова *хлебосол, хлебосольный, хлебосольство*, образовавшиеся из сочетания *хлеб-соль*, также имеют значения, связанные с угощением, радушием, гостеприимством. Ср.: «Без чашки чаю, без рюмки вина, без закуски от русского купца старого закала пикому не уйти. Старинное хлебосольство не чуждо было и Корниле Егорычу» (Мельников-Печерский. Красильниковы); «— Что ты, добрый человек, от обеда уходишь! — воскликнул Матвей, видя, что незнакомец собирается идти. — Разве мы не русские хлебосольные люди?» (Марков. Строговы).

В говорах слово *хлебосол* имеет не только прямое значение «гостеприимный человек», но и переносное — «друг, приятель». *Хлебосолы* — друзья, которые часто ходят друг к другу в гости, то есть «водят хлеб-соль».

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» помещено около 70 слов с корнем *хлеб*, появившихся в нашем языке в разные эпохи. Некоторые из них (*хлебный, хлебопашество, хлебопечение*) известны с древних времен и употребляются сейчас. Другие — тоже очень старые — уже забылись, исчезли (*хлебенное* — все печеное из муки; *хлебник* — тот, кто печет и продает хлеб; *хлебница, хлебня, хлебная* — пекарня, *хлебодар* — тот, кто раздает хлеб на царской и монастырской трапезах и т. д.). Среди слов с корнем *хлеб-* много относительно новых образований, появившихся уже в советское время. Прежде всего это многочисленные сложные существительные и прилагательные: *хлебобулочный, хлебозавод, хлебопродукты, хлебокопнитель, хлебопоставки* и т. д.

В русских народных говорах существует значительное количество слов с корнем *хлеб-*, неизвестных литературному языку или исчезнувших из него. Широко распространены в говорах, например, слово *хлебник* «нож для резания хлеба», *хлебня, хлебенка* «тарелка или корзинка для хлеба». Из диалектных записей известно, что на Урале бытовало слово *хлебосевство* (хлебопашество), что в Архангельской губернии всякое зерно называли *хлебно*, а на Колыме это слово обозначало все печеное из муки. Нередко в говорах общенародные слова с корнем *хлеб-* имеют иные, чем в литературном языке, значения, иную сочетаемость. Так, *хлебная лопата* — лопата, с помощью которой сажают хлеб в печь (Ряз., 1907), *хлебный квас* — специальный состав для обработки кож (Дон., 1928), *хлебная кожа* — толстая кожа, идущая на подметки (Яросл., 1911), *хлебная кухня* — помещение, где пекут хлеб (Дон., 1928, напомним, что в старину пекарни называли *хлебными избами*) и т. д.

В различного рода переносных значениях диалектных слов с корнем *хлеб-* отчетливо отразилась образность, выразительность, иногда даже поэтичность, присущие языку устного народного творчества. Так, июль — месяц, когда созревают хлеба, называли в народе *хлебозреем* (Новг., 1910); прозрачные облака, которые «по мнению онежан» очень способствуют росту хлебов, получили название *хлебные тучи* (Онеж., Карел., 1933); зарница в период созревания хлебов именуется *хлебозорицей, хлебозоркой, хлебозаркой* и т. п. Эти названия очень широко распространены в говорах.

Невольно вспоминается сказочная скатерть-самобранка, когда узнаешь, что в Архангельской губернии скатерть называли *хлебо-солкой*.

В Тверской губернии бытовало такое ласковое обращение к мужчине: *хлебенник ты мой*.

Тот, кто имел хороший запас хлеба, назывался в старину *хлебным, хлебистым, хлебником*. От этого исходного значения во мно-

гих говорах возникло переносное: *хлебником*, *хлебистым*, *хлебным* стали называть богатого, состоятельного человека.

С хлебом связаны старинные народные обряды, прежде всего свадебные, когда по обычаю подавался хлеб как символ благополучия, благосостояния. В северных говорах угощение, «прощальный стол», который родители молодой устраивали в своем доме через несколько дней после свадьбы, назывался *хлебниками*. *Хлебить* — значит угощать молодых на хлебниках. *Хлебником* называли одного из участников свадебного обряда (родственника жениха, подносящего обрядовый каравай).

Хлебенное пеклось из ржаной, пшеничной, ячменной, овсяной, гречневой, гороховой муки, из кислого или пресного теста, с начинкой или без нее и т. д. Все это разнообразие хлебных изделий породило множество наименований в общенародном языке и в диалектах. Приведем некоторые из них: *баранка*, *блин*, *бублик*, *ватрушка*, *глупыш*, *гречишник*, *губник*, *игрушечка*, *калач*, *калитка*, *коврижка*, *кислопряженец*, *кокура*, *колдун*, *колобан*, *курник*, *лепешка*, *оладья*, *олябыш*, *пирог*, *плюшка*, *пончик*, *преснушка*, *сгибень*, *сушка*, *хворост*, *шаньга*, *ягодница*.

Не правда ли, не все приведенные здесь названия широко известны? Некоторые слова хотя и знакомы, но в значениях, совсем не связанных с «хлебным» (такие, как *колдун*, *глупыш*, *игрушечка* и т. п.). В говорах у этих слов есть и «хлебные» значения: *глупыш* — кислопряженный пирог или оладья из пшеничной, ячменной или гороховой муки; *барашек* — маленький крендель; *игрушечка* — пресный колобочек.

Есть среди приведенных выше слов и такие, которые, являясь общенародными, в разных местах России обозначают разные изделия из муки (*ватрушка*, *калач*, *сочень*, *пирог* и т. д.).

Слово *пирог* обозначает в общенародном языке типично русское печеное изделие с различными начинками. Но в разных местах России *пирогом* называют и различные виды хлеба. Вот что мы узнаем из произведений литературы XIX века: «Пирогамы назывались и теперь еще называются в Оренбургской губернии небольшие продолговатые хлебные караваи из пшеничной муки» (Аксаков. Семейная хроника); «На север от Москвы пирогом зовут ситный хлеб из лучшей ржаной муки» (Мельников-Печерский. На горах).

Названия печеных изделий из хлеба в русском языке — слова разного времени возникновения, разного происхождения. У каждого из них своя жизнь в языке, свое место в народном быте.

Л. И. БАЛАХОНОВА
Рисунок С. Гавриловой

«Хлеб — имя существительное» — не торопитесь подумать: вы на уроке русского языка. Нет. Так назван роман, а первоначально — рассказ, Михаила Алексеева. Почему? Сам писатель вспоминает слова старого хлеботорга: «Хлеб — имя существительное, а все остальное — прилагательное!» (Веч. Москва, 1981, 29 сент.). Отбросим общеизвестный из школьной грамматики терминологический смысл сочетаний «имя существительное» и «имя прилагательное». И тогда обнажится совсем иное значение: *хлеб* — это самое сущее, насущное, самое существенное имя в нашей жизни. Недаром целый ряд таких значительных понятий выражен словами одного корня: *существо* — *существовать* — *сущий* (настоящий, истинный) — *суть*...

Значительность слова *хлеб* в жизни народа, в жизни страны нам поможет понять такой сохраненный историей эпизод из трудных послереволюционных лет. Это было в 1918 году. В. И. Ленина спросили: «„Владимир Ильич, можно ли одним словом выразить, за что мы сейчас боремся?“ Не задумавшись ни на минуту, В. И. Ленин ответил: „Хлеб“. Он писал в те годы, что борьба за хлеб есть борьба за социализм» (Л. И. Брежнев. Воспоминания).

«Рыба — вода, ягода — трава, а хлеб — всему голова» — гласит народная мудрость. «Есть хлеб — будет и песня...» — так начинается свой рассказ о целине и битве за хлеб уже в иную историческую эпоху Леонид Ильич Брежнев (Целина).

Вот почему так понятен интерес к слову *хлеб* и всем другим «хлебным» словам. О них наш рассказ.

Вы вошли в булочную и сразу почувствовали вкусный запах свежеевыпеченного хлеба. Хлеб — самый разнообразный — смотрит на вас: круглый, кирпичиком, заварной, пеклеванный, горчичный, ржаной, ситный... румяный каравай, буханки, булки и булочки — сдобы (сдобочки!), калорийные (калорички!), булочки «здоровье» и докторские хлебцы, лепешки ржаные и молочные...

Но прежде чем съесть краешку хлеба, проследим ее путь к нашему столу.

Пашню засеют зерном. *Зерно* — древнее слово, поэтому в других языках у него много близких родственников: украинском, белорусском, болгарском, чешском и др. Общий корень обнаруживается и в латинском — *granum* (зерно, ядро). За свой долгий путь в русском языке оно стало многозначным. «Крупинка, кроха, мелкая частица чего-либо» — так записал Владимир Иванович Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка». В современном языке эти значения получили дальнейшее развитие: «мелкий плод растений, семя»; собирательно — «плоды хлебных злаков». И переносно: «отдельная мелкая частица, крупинка» (*ни зерна*); «основа, сущность чего-либо» (*зерно художественного образа*); «начало чего-либо, зародыш» (*зерно сегодняшнего возрождения*).

Таким же древним оказалось и слово *колос*. Оно связано единым корнем с латинским *collum* (шея). Как видим, в основе слова лежит образ. И эта образность, подкрепленная теперь уже реальным очертанием самого колоса, раскрывается в сравнениях: *склоняться осенним колосом, спелым колосом* (о голове, о человеке). А буквальное значение слова *колос* — соцветие злаков, у которого цветки расположены вдоль конца стебля — нашло также образный отклик в народных загадках: *тонко деревце — животы качает* или *сто братьев в одной избушке ночуют*.

Хлеб колосится, зреет, затем хлеб косят, молотят, мелют. И в ряд «хлебных» слов входит *мука*, а за ним *тесто*. Слово *мука* обнаруживает связь с древними корнями. Значения этих корней — «мягкий, мять, месить (тесто), жать, давить, мучить» — соответствуют в свою очередь греческим глагольным формам со значением «мну, мешу». Так устанавливается смысловая общность слов, порожденная исторической общностью быта и жизни народов. У слова *тесто* те же родственные связи. И корень его также соответствует греческому слову с тем же значением — «тесто из пшеничной муки, замешанное на воде».

«Перемолотое зерно» — *мука* — подарило языку образ и пословицу: *перемелется — мука будет* (все плохое, неприятное с течением времени пройдет, забудется). А почему мог сложиться такой

образ? Посмотрим Толковый словарь В. И. Даля, где и прочтем такое присловье: *пшеница, много мучима, чист хлеб подает*. Вспомним, что и само слово *мука* связано со значением «давить, мучить». Следовательно, мучительный процесс раздавливания, измельчения до мягкости зерен тяжел, но забудется, когда испекут из чистой муки хлеб, подадут на стол румяный, золотистый, душистый.

Слово *тесто* (густая масса из муки, замешанной на воде, молоке) также было осмыслено в народе как яркий образ: *муж с женой, что мука с водой* (сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь). И еще один образ и пословица: *из одного (такого же) теста сделан* (кто-либо) — о людях, сходных друг с другом по взглядам, характерам. Если отвлечься от переносного смысла пословиц и понять их буквально, то можно легко объяснить разнообразие хлебов, булок и лепешек: у каждого хлеба, у каждой булки или лепешки свое тесто. Они и впрямь делаются из разного теста.

Хлеб очень разнообразен по форме — круглый и продолговатый, подовой и формовой — кирпичиком. *Формовой хлеб* — пекут в формах, а *подовой* — на поду. *Под* — это дно печи, на которое непосредственно сажается лопатой сформированный ком готового теста (Галкин А. М. Хлебные товары. М., 1926).

Хлеб — разный и по вкусу. Вот несколько самых общераспространенных названий. *Ситный хлеб* — отмечен в словарях уже с 1731 года. Затем возникает форма *ситник* (1771 г.) и уменьшительно-ласкательная *ситничек* (1794 г.). *Ситный хлеб* — это хлеб, испеченный из муки, просеянной сквозь сито. Ситник ели и за обедом, и за ужином, подавали к чаю, с медом, с творогом. Пекут *ситный* и с изюмом — подовой, продолговатой формы с косыми надрезами. Ситный хлеб ели с удовольствием. И возникло в просторечии шуточно-дружеское обращение: *друг ситный!* А *пеклеванный* — *пеклеваннык* пекут из особой пеклевой муки, ржаной или пшеничной. Для этого хлеба муку нужно *пеклевать* (мелко молоть зерно и просеивать муку). Отсюда и второе название хлеба — *сеянный*. Словари отметили название хлеба — *пеклеванный* — несколько позже (1847), чем *ситный*.

В это же время попало в словари и название *обдирный* хлеб. Приготавливается этот хлеб, любимый и теперь, из особой муки. Ее мелют из зерна, очищенного от шелухи («обдираемого» зерна). С 1847 года в словарях закрепляется название *заварной* хлеб. Его выпекают из предварительно заваренной муки. Любим и *горчичный* хлеб, который тоже делается из особого теста — пшеничной муки с добавлением горчичного масла.

Как видим, в названиях хлебов отражается то сам процесс изготовления муки (*ситный, пеклеванный — сеянный, обдирный*); то отличительный состав теста (*заварной, горчичный*), то способ

выпечки хлеба (*подовой* или *формовой*). Но есть названия, которые как бы указывают, где впервые выпекали этот хлеб: *красносельский, московский, орловский, рижский* и др.

*

Московский хлеб известен теперь далеко за пределами нашей страны. Выпекается он, как и все ржаные хлеба, с предварительной заваркой муки, с добавлением солода, сахара. Хлеб перед выпечкой смазывают крахмальным клейстером и сбрызгивают водой, чтобы имел вкусную тонкую корочку. *Московский хлеб* долго сохраняет свежесть, хороший вкус и аромат. Он популярен. Зайдите, например, в булочные Берлина, и вы увидите *московский хлеб* — *Moskauer Brot*, который охотно покупают.

Иностранные фирмы осваивают с помощью советских специалистов выпечку традиционных русских сортов ржаного хлеба. Вместе с хлебом входят в разные страны русские «хлебные» слова. Так, в речевом обиходе Финляндии, Швеции и Норвегии появилось название хлеба — *ленинградский* и его вариант — *питерский*. Если первое название прямо связано с городом Ленина, то второе — тоже близко к славной истории города. Вспомним сочетания *питерский рабочий* — *питерские рабочие* и еще более старые слова *питерец* или *питерщик* — крестьянин, ухившийся на заработки в Питер (Петербург). Все эти слова связаны с языком народа и его историей.

Относительно недавно появилось название *орловский хлеб*. В названии этом запечатлено не только место рождения хлеба, но и нечто большее. В трудные дождливые 60-е годы на Орловщине приходилось молоть прораставшую пшеницу. Хлеб из такой муки выходил тяжелым, кислым, непропеченным. Стали искать способ его улучшения. И нашли. В пшеничную муку добавляли ржаную муку, патоку и растительное масло. А когда пошла хорошая пшеничная мука, хлеб стал выходить ароматным, легким, пористым. Он полюбился всем и теперь всюду известен как *орловский*. За именем *орловский* стоит настойчивый поиск орловских пекарей и других специалистов.

Названия, связанные с определенным географическим местом, могут подсказать, в чем заключено своеобразие хлеба. Вот, например, *соловецкий хлеб* — по имени Соловецких островов — с добавлением морской капусты, а *амурский* — по имени реки Амур и Амурской земли, где культивируется соя, — с добавлением соевой муки. Прозрачны и иного рода названия новых сортов хлеба: *витаминный, любительский, «здоровье», докторский*... Но есть имена хлеба с особым историческим значением. Возьмем только два: *боярский* и *голодный*. Они могут рассказать о многом.

Боярский хлеб — черный — требовал хорошей муки, кислого молока или простокваши, а для белого боярского хлеба нужны были еще масло, яйца, сахар и разные пряности (Кудрявцев П. А. Руководство по хлебопекарному, булочному, бараночному и сусечному производству... М., 1910). Само название говорило, что это хлеб для богатых, обеспеченных людей — дорогой хлеб. А параллельно существовал *голодный хлеб* (*голодные хлеба*). Во время «затяжных продовольственных кризисов... для питания людских масс приходится прибегать к различным суррогатам... Название „голодных хлебов“ им придается... потому, что к выпечке подобных хлебов... прибегают обыкновенно в голодные годы...» (Омелянский В. А. Хлеб, его приготовление и свойства. М.— Пг., 1918). Ржаную муку, кукурузную, ячменную смешивали с соломой, лебедой, мукой из желудей и т. п.

Два названия — *боярский* и *голодный хлеб* — два антипода, символы двух классов в дореволюционной России.

Тяжелые годы Великой Отечественной войны, блокады Ленинграда оставили *блокадный хлеб*: сырой, тяжелый коричнево-зеленый хлеб из ржаной муки, подсолнечного жмыха, отрубей, мучной пыли... Но как дороги были каждые 125 граммов — паек на одного человека в сутки.

Шестнадцать тысяч матерей
пайки получают на заре —
сто двадцать пять блокадных грамм
с огнем и кровью пополам.

О, мы познали в декабре:
не зря «священным даром» назван
обычный хлеб, и тяжкий грех —
хотя бы крошку бросить наземь:
таким людским страданьем он,
такой большой любовью братской
для нас отныне освящен —
наш хлеб насущный,

ленинградский.

Это строки из «Ленинградской поэмы» Ольги Берггольц.

Новое время — и новые работы о хлебе. Но это уже совсем иная страница в истории «хлебных» слов.

Выход человека в космос потребовал особого *космического хлеба*. И он был создан, выпестован нашими специалистами из ВНИИ хлебопекарной промышленности (Правда, 1980, 11 июля). Это «земные» сорта хлеба — ржаной, обдирный, пеклеванный..., но в особой упаковке, особого размера (4,5 грамма — на один укус, не надо ре-

зять, надкусывать, нет крошек, опасных в невесомости) и особого качества: *космические хлебцы* сохраняют свежесть до одного года.

*

Во все времена забота о хлебе, выпечка хлеба были делом совести и особой любви. Вот как описал Федор Абрамов сотворение хлеба сельской «пекарихой» Пелагеей в повести «Пелагея»: чтобы хлеб пышнее, духовитее, румянее был, «воду брала из разных колодцев, дрова смоляные... насчет помела и говорить нечего... Все перепробовала: и сосну, и елку, и вереск». А потом «смазывала верхнюю корочку только что вынутой из печи буханки. Смазывала постным маслом на сахаре — уж на это не скупилась. Тогда буханку люблю в руки взять. Смеется да ластится...»

Многое отражается в названии, в имени. Имя же хлеба — имя народное. В нем и труд народа, и его забота, и любовь. Одна эпоха сменяет другую, но хлеб остается хлебом. Путешествуя по Кавказу, А. С. Пушкин тосковал по ржаному хлебу: «Дорого бы я дал за кусок русского черного хлеба...» (Путешествие в Арзрум). Это было в прошлом веке. А теперь космонавты, находясь полгода на орбите, ели приготовленный для них хлеб — земной и космический одновременно. И не было для В. Ляхова и В. Рюмина еды более любимой (Веч. Москва, 1981, 7 апр.).

«Особое, трепетное, святое отношение к хлебу присуще гражданам страны с колосьями в гербе» (Брежнев Л. И. Целина). С давних пор слово *хлеб*, как, разумеется, и сам хлеб, значили очень многое в жизни нашего народа: хлебное растение, хлеб на корню; хлебный посев; хлеб зерновой; хлеб печеный; кушанье, угощение; пропитание, продовольствие, пища. И теперь живы почти все эти значения слова *хлеб*, отмеченные в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Мы говорим: *хлеб* — посеян, взошел, колосится, скошен, обмолочен, засыпан в закрома, свезен на элеваторы. Большой хлеб — это большой урожай. *Хлеб* испечен.

И каким бы ни был хлеб в разных странах и у разных народов, «хлеб — понятие интернациональное». Он — «воин и дипломат. Человек с мечом опасен, с хлебом — всемогущ добротой своей. Хлеб да соль — это труд и любовь». Так написал бригадир-целинник В. Детюк в своей книге «Хлеб насущный».

Хлебом-солью встречают доброго гостя, а теперь этот древний обычай стал и знаком доверия, признанием трудовых успехов, пожеланием новых побед в работе. Хлеб — это и каждодневная еда, и символ дружбы, и знак приветствия, признания, награды.

А. А. БРАГИНА

Рисунок С. Гавриловой

У кого из нас это слово не вызывает представлений о разнообразных небольших кондитерских изделиях из бисквитного, песочного, заварного, слоеного теста, начиненного или прослоенного всевозможными кремами, взбитыми сливками и вареньями, пропитанного сиропами и ликерами, украшенного глазуриями, цукатами, орехами?.. Но такие представления стали устойчивыми лишь в последнем столетии. Раньше слово *пирожное* имело иное, более широкое значение.

Этому слову в русском языке предшествовали *пирог* и *пирожный*. Существительное *пирог* (первоначально обозначало ситный хлеб) встречается уже в памятниках древнерусской письменности, а относительное прилагательное *пирожный* широко представлено в памятниках поздней поры в таких сочетаниях, как *пирожная пошлина* «пошлина на пироги, выпекавшиеся на продажу», *пирожные мяса* «мелко изрубленное мясо, предназначенное для начинки пирогов», *пирожные шелаши*, *пирожные ряды* «место, помещение, где торговали пирогами», *пирожные есты* и др. Слово *пирожное*, образованное путем субстантивации (*субстантивация* — переход в класс существительных слов, принадлежащих другим частям речи), появляется в языке во второй половине XVIII века. Однако в источниках этого времени оно встречается еще редко, так как широкое распространение получило лишь значительно позже.

В это время *пирожное* употребляется в нескольких значениях. Чаще всего оно обозначало выпечные изделия и блюда: «На дюжине им блюдо Пирожнова с жарким, и соусов дают» (Майков. Нравоучительные басни); «К оным несваримым принадлежит так же вся-

кое здобное на масле, готовленное из муки несквашенной, пирожное, густое, крутое, соленое, кислое, острое» (Зыбелин. Слово о правильном воспитании).

Использовалось слово *пирожное* также для обозначения соответствующей части обеденного меню. См., например, словосочетания, приводимые в словарях XVIII века: «Пирожное состояло из 5 блюд» (Словарь Академии Российской 1789...); «За обедом пирожное состояло из нескольких блюд» (Словарь Академии Российской 1806...).

В поварских книгах XVIII века это слово часто употреблялось для обозначения той или иной разновидности выпечного изделия или кушанья — *анисное, миндальное, шведское, шпанское, ульмское, пирожное, пирожное с сагом, с каштанами, с кашею* и под.

В XVIII веке *пирожное* обозначало также разного рода запеченные блюда, приготовленные с мукой и яйцами либо только с яйцами. Вот один из рецептов приготовления такого пирожного с белым вином из «Поваренной книги» Криста: «Тертаго оржаного хлеба поджарить в масле и налив белым вином варить, чтоб оной разопрел, простудя приложить несколько толченога мигдалю, коринки, кардамону, сахару, корицы, тертой лимонной корки, 12 желтков яичных, белки разбить в пену, и все перемешав испечь в форме, или на блюде». Наряду с рецептами сладких *пирожных блюд*, таких, как *лимонное, крыжовенное, шоколадное* и под., в книге приводятся также рецепты *пирожного из сорочинского пшена (писа) с раками, пирожного с каплуном, шпинатом* и под.

В «Словаре поваренном» (1795—1797) словом *пирожное* называют более широкое родовое понятие, охватывающее множество видовых — пироги, пирожки, булочки, калачи, кексы, крендели, торты, лепешки, блины, блинцы, оладьи, сырники, лапшевники, бисквиты, вафли, сухари, собственно пирожные (в современном значении слова), разного рода запеканки — с морковью, овощами, фруктами, кашами и пр.

Несмотря на разнообразие изделий и блюд, называвшихся в конце XVIII века *пирожным*, основную их часть составляли сладкие блюда и выпечные изделия.

Однако, как бы слово *пирожное* в XVIII веке ни использовалось — в собирательном ли значении, для обозначения ли родового или видового понятия или как номенклатура, — оно имело лишь форму единственного числа.

После перехода из разряда прилагательных в разряд существительных слово *пирожное* длительное время сохраняло более тесную семантическую связь, чем в современном языке, со словом *пирог*, которое в XVIII веке обозначало то же, что и сейчас — выпечное изделие с начинкой. Вместе с тем, *пирожное* вошло в язык

как неполный синоним слова *хлебное*, которое, как и *пирожное*, обозначало выпечные изделия и блюда, в том числе пироги и пирожные, а также разные сорта хлеба и булки.

О близости понятий, обозначаемых словами *пирогои*, *пирожное*, *хлебное*, и синонимичности этих слов свидетельствуют примеры из источников XVIII века. Так, в «Словаре поваренном» в статье «Пирогои» рекомендуется «к лучшему уразумению дела пирожного, прочесть следующую после этой статью пирожное»; в статье «Хлебное» дается отсылка: «Смотри пирожное», а в конце раздела «Пирожное» указывается — «См. статью Хлеб», в которой наряду с рецептами разных сортов хлеба, приводятся также рецепты сладких выпечных изделий, называвшихся *хлебом*.

В XIX веке слово *пирожное* продолжало употребляться в тех же значениях, что и в XVIII веке, преимущественно как собирательное существительное, обозначающее видовое понятие, или как название разновидности сладкого выпечного изделия: «Подали какое-то жидкое пирожное, вроде крема, с бисквитами» (Гончаров. Фрегат «Паллада»); «Миндальное пирожное всегда приготавливала она сама, и смотреть на это приготовление было одним из любимых моих удовольствий» (Аксаков. Детские годы Багрова-внука). Встречаются примеры использования этого слова для обозначения определенной части обеда: «Во время пирожного был позван Яков и отданы приказания насчет линейки, собак и верховых лошадей...» (Л. Толстой. Детство); отмечен также случай его употребления и в значении, синонимичном слову *хлебное*: «— А хлебного (пирожного) ничего от вчерашнего не осталось?» (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).

Однако в это время среди блюд и выпечных изделий, называвшихся *пирожным*, все больше начинает преобладать «мелкое» пирожное. Происходит изменение в технологии его изготовления: выпекаемое на больших листах пирожное разрезается на мелкие порции и подсушивается в печи. Соответственно слово *пирожное* все чаще начинает обозначать единичный предмет (небольшое сладкое выпечное изделие) и их множество, что приводит к изменению грамматической характеристики слова — появлению у него форм единственного и множественного числа. См., например: «Главные правила при печении тортов и пирожных» (Молоховец. Подарок молодым хозяйкам). И хотя в XIX веке собирательность как семантико-грамматическая характеристика у слова *пирожное* еще преобладает, уже создается основа для ее изменения. Подготовлен переход этого слова в разряд существительных, имеющих форму единственного и множественного числа.

Окончательное формирование у слова *пирожное* его современного значения «штучное кондитерское изделие небольших разме-

ров из сдобного теста с кремом, фруктами и под.» происходит в литературном языке XX века. Слово в этом значении употребляется уже не только в форме единственного числа, но и в форме множественного: «Она (бабушка) угощала меня пирожными — меренгами, таявшими во рту маслянистой холодной сладостью» (Шаустовский. Повесть о жизни). Одним из первых слово *пирожное* в этом значении зарегистрировал Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова.

В современном русском литературном языке изменились и прежние синонимические отношения слова *пирожное* с другими словами. Вследствие спецификации значений слов *пирожное*, *пирог* и *торт* существительное *пирожное* утратило тесную смысловую связь со словом *пирог*. За словом *торт* прочно закрепилось значение кондитерского изделия из бисквитного, песочного, слоеного теста, покрытого кремом, цукатами и под. Слово *хлебное* перешло в пассивную часть словарного состава языка. Все это и привело к разрушению синонимического ряда.

Как же отразилось появление слова *пирожное* на значениях других однокоренных слов, производных от *пирог*, издавна известных в русском языке: *пирожный* «относящийся к пирогу», *пирожник*, *пирожница* «лицо, занимающееся изготовлением или продажей пирогов», *пирожня* «заведение по продаже и изготовлению пирогов»? Казалось бы, возникновение нового слова со своими предметно-смысловыми связями и значениями должно было повлечь за собой смысловую перестройку и указанных слов. Однако этот процесс оказался очень слабым и замедленным. Материалы картотеки Словарного сектора Института русского языка свидетельствуют о семантической связи этих слов в литературном русском языке XIX века только со словом *пирог*: «Отец рассказывал мне, что прадедушка мой имел пирожный курень. От него ходили по улицам **пирожники** — разносчики с корзинами пирогов» (Лейкин. Мои воспоминания); «Он брал на десять копеек два пирога в пирожной — и этим был сыт» (Салтыков-Щедрин. Чудинов).

Преимущественно ту же смысловую связь со словом *пирог* отмечают у производных *пирожный*, *пирожня*, *пирожник* и толковые словари русского языка. Так, все они на протяжении почти двух столетий, начиная со «Словаря Академии Российской» и кончая 17-томным «Словарем современного русского литературного языка», рассматривают слово *пирожный* как относительное прилагательное к *пирог*, а у слова *пирожная* (и его разговорного варианта *пирожня*) отмечают единственное значение «заведение, в котором пекут или продают пироги». Это значение в 17-томном Словаре дано с пометой «устарелое». Семантическая связь со словом *пирожное* отмечается у слов *пирожник* и *пирожница* в этом же словаре —

«лицо, которое делает пироги и пирожные». И в 17-томном Словаре и в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова у *пирожница* отмечено специальное значение «форма для выпечки пирожного». Фиксация словарями новых значений у *пирожник* и *пирожница* является свидетельством того, что эти слова вошли в словарный состав русского языка. Правда, распространение их в указанных значениях пока ограничивается преимущественно сферами специального употребления и разговорной речи.

Наиболее ярким примером перераспределения смысловых связей, происшедшего в языке в связи с появлением слова *пирожное*, служит слово *пирожня*. По мере того, как смысловое влияние существительного *пирожное* стало распространяться на однокоренные слова, в частности, на *пирожник*, раньше однокоренных получившего новую семантику — «лицо, умеющее изготавливать пирожное» — слово *пирожня* стало утрачивать свое первоначальное значение, а со временем и совсем вышло из употребления. Его заменило тождественное по значению *пирожковая*. Так взамен слова с устарелым значением и образованного по устарелой словообразовательной модели в русском языке было создано новое, отвечающее семантической и словообразовательной нормам современного литературного языка. Впервые *пирожковая* зафиксировано как словарная единица в «Словаре современного русского литературного языка». Окончательно это слово входит в словарный состав русского языка в конце 60-х годов. И с этого времени оно начинает широко использоваться не только в сфере специального употребления и в устной речи, но и в общеупотребительном письменном литературном языке: «Доброй славой пользуются многие чайные, пончиковые, пирожковые в Ленинграде и особенно в республиках Прибалтики» (Неделя, 1970, № 9); «За последние годы появилось немало прекрасных пирожковых, вареничных, блинных, шашлычных, чебуречных, молочных, где можно вкусно пообедать, позавтракать и поужинать» (Здоровье, 1972, № 3).

*

Таким образом, история слова *пирожное* показывает, как появление новой лексической единицы привело к выпадению из употребления одних слов и возникновению других, к перестройке синонимических отношений, повлекло за собой изменение семантики однокоренных образований, продолжавшееся в языке почти два столетия.

И. М. МАЛЬЦЕВА
Рисунок В. Толстоногова

«Пиво вари, да гостей зови»,
«В осень и у воробья пиво», —
так издавна говорили в на-
роде.

История названия этого
распространенного напитка
уходит корнями в глубокую
древность. Современное значе-
ние «слабоалкогольный пеня-
щийся напиток с характерным
хмелевым запахом, изготовля-
емый преимущественно из яч-
менного солода с добавлением
хмеля» слово *пиво* получило
не сразу. В древнейшее время
пиво означало «питье, напит-
ток, вода»: «Не встает ни на
брашно, ни на пиво» — не
встает ни для еды, ни для
питья (Великие Минее-Четии);
«Темь и в пирок свою ядь и
пиво кождо их приношаху» —
каждый из них принес на пир
свою еду и питье (И. И. Срез-
невский. Материалы для Сло-
варя древнерусского языка).
В материалах И. И. Срезнев-
ского отмечены и такие зна-
чения данного слова, как «на-
питок в переносном смысле,
благодать»: «Чьрьпавъши пива
нбснаго» (Минее 1096 г.); «по-
ток, струя»: «Добродетели
истакати пиво» — изливать по-
ток добродетелей (Великие
Минее-Четии).

В XI—XII веке слово *пиво*
имело в древнерусском языке
значение особого опьяняюще-
го напитка, наряду с медом и
вином. В «Послании» митро-
полита Никифора Владимиру
Мономаху читаем: «Не потреб-

но есть о посте беседовати ти, и паче же о непитии вина или пива в время поста» (Не следует тебе в пост говорить о посте, и тем более о вине и пиве во время поста). В XIII—XIV веках данное значение укрепилось в древнерусском языке: «...особную тряпеу с пивом творяща» (Новгородская Кормчая, 1282 г.); «Он прислаз к Федось: вари ты пиво...» (Арциховский А. В. и Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте).

Для пива существовало еще старое специальное название, встречающееся в русских и старославянских памятниках,— *олъ*, *оловина*. Слова *олъ* и *оловина* не раз отмечены в древнерусских текстах; например, в Четвероевангелии 1144 года: «Вина и олу не имать пити» (Не следует пить вина и пива), в списке Библии Упыря Лихого: «Люте вьстающим заутра и ищущим оловины, ждущим вечера, вино бо пожьжетъ я» (Плохо будет встающим утром и ищущим хмельного [пива], ждущим вечера, так как вино сожжет их).

В языке XV века слово *пиво* имело также значение «пир, пиршество». Так, например, в закладной Власия Степановича (Грамоты Двинского уезда) одним из условий заклада является поминовение (застолье с выпивкой) в монастыре по отцу закладчика: «а игумену и чернцамъ по Степани память творити пивомъ по сили».

В памятниках письменности Московской Руси XV—XVII веков слово *пиво* употребляется в двух значениях «питье, напиток вообще» и «хмельной напиток, приготовленный из овса, ржи, ячменя». *Пиво* в первом значении было характерно для церковной литературы, в которой сильны были книжные традиции: «И постися (Иоаким) 40 дний и 40 ноций, глаголя в себе: не спиду на брашно, ни на пиво...» (Великие Минеи-Четии). *Пиво* во втором значении было более характерно для деловой письменности рассматриваемого периода: «А в Жабне дватчать куничь да сорок бел, да петровщине рубль, а пиво с перевары, а мед сытити по силе» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949); «...что они тот монастырский солод сварив выпили» (Книга прихода-расхода на Волоколамского монастыря. 1587—1588 гг.).

Пиво в Московской Руси XV—XVII веков было одним из наиболее любимых напитков. Н. И. Костомаров в книге «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях» указывает на то, что «пиво делалось из ячменя, овса, ржи и пшеницы; для народа оно варилось в казенных пивоварнях при кабаках, а люди зажиточные, имевшие дозволение готовить у себя напитки, делали его для домашнего обихода в своих дворах и хранили в ледниках под снегом и льдом. Русское пиво, по замечанию иностранцев, было вкусно, но мутно. Некоторые хозяева

подпаривали его патокой, то есть готовое пиво сцеживали с дрожжей и сливали в другую бочку, потом, взявши этого пива ведро, примешав туда патоки, варили до кипятка, потом простуживали и сливали назад в бочку, а иногда подбавляли туда ягодных смесей. Последнего рода пиво называлось поддельным пивом». И. Е. Забелин в книге «Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст.» писал, что Сытный Дворец (место хранения и приготовления царской пищи) занимал при царе Алексее Михайловиче более 30 погребов и ледников. Там была «Сытная полата, где медоставы ставливали меды; поварня, в которой варили приказные пива, то есть по приказу, какие были надобны; погреб мартовский с мартовскими пивами; погреб пивной и т. д.».

В XVI—XVII веках появился целый ряд новых сортов пива, что вызвало появление соответствующих наименований в языке. Они представляли собой составные термины: *пиво доброе, лутчее, обычное, поддельное, сыченное, мартовское, ячное, овсяное, оржаное, вареное, переварное, приварное, росхожее, легкое, тонкое, хмельное, пьяное, малиновое.*

Наряду с двусоставными наименованиями в XVII веке появились и трехсоставные: *пиво поддельное мартовское, старое поддельное, ячное простое, мартовское доброе.*

В лексико-семантическую группу наименований, сформированную по признаку «качество», входили такие словосочетания, как *пиво простое, обычное, росхожее, доброе, легкое, тонкое, хмельное, пьяное*: «Сава Леонтъев варил... шесть варь пива в том числе четыре вари переварного: а две вари простого» (Книга прихода-расходная Холмогорского архиерейского дома. 1694 г.); «Казенный де сторож Агафошко к нему в погреб приходил и на казначея имал добраго пива мартовского варенья» (Дело о Иосифе архиепископе Коломенском. 1675—1676 гг.); «А росхожева, государь, пива апреля по 1 день 4 бочки» (Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Хозяйство боярина Б. И. Морозова, ч. 1, 1652 г.); «еще ли пива варить хмельные и тонкие?» (Там же).

Семантический признак «способ производства» выделил лексико-семантическую группу, в которую входили наименования *пиво переварное, пиво приварное, пиво поддельное, пиво сыченное*. Как делалось поддельное пиво, рассказано было выше. Пиво сыченное получалось при смешивании пива с сытой (водой, подслащенной медом). Наименования *пиво переварное* и *пиво приварное* находились, очевидно, в синонимических отношениях и обозначали крепкое пиво, полученное при вторичной варке.

Пиво ячное, пиво овсяное, пиво оржаное, пиво малиновое — эти наименования выделялись на основе семантического признака «качество напитка, изготовленного из определенного продукта»:

«А коли пиво затирают,— ячное или овсяное или оржаное» (Домострой).

Трехсоставные наименования пива выделялись обычно на основе двух семантических признаков: *пиво старое поддельное* — на основе признаков «качество напитка» и «способ его изготовления», а *пиво ячное простое* — на основе признаков «качество напитка» и «качество напитка, изготовленного из определенного продукта».

В словарях XVIII—XIX веков слово *пиво* зафиксировано в двух значениях: 1) «питье» и 2) «хмельной напиток, приготовленный из солода и хмеля» (Рукописный лексикон первой половины XVIII века; Словарь Академии Российской 1789...; В. И. Даль. Толковый словарь).

В XX веке семантический объем слова окончательно сузился, и в современных толковых словарях отмечено лишь одно значение слова *пиво*, приведенное в начале статьи.

Н. Н. ПОЛЯКОВА

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Расскажите, пожалуйста, что означает слово *престиж*?»

Поламарчук, Куйбышев

Слово *престиж* пришло к нам из французского языка [франц. *prestige*]. Употребляется оно, в основном, в книжной речи, обозначает «авторитет, влияние, которым пользуется кто-либо, что-либо». Например, *поднять престиж, поддержание престижа*.

Часто в сберкассе слышу слово *аккредитив*. Что оно означает?

Рыбалко, Москва

Аккредитив [нем. *Akkreditiv* < лат. *accreditivus* — доверительный] — денежный документ, содержащий приказ одного кредитного учреждения (банка, сберкассе) другому об уплате кому-либо определенной суммы; например, вкладчик местной сберкассе при отъезде куда-либо получает аккредитив, дающий ему возможность получить деньги в сберкассе любого другого города.

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—6; 1980, №№ 1—5; 1981, №№ 1—3, 6; 1982, №№ 1—2.

Чумаков. Отчество от именования отца по занятию. У В. И. Даля *чумаковать, чумачить* — «ходить в чумаках, извозничать на волах». *В былое время отвозили в Крым и на Дон хлеб, а брали рыбу и соль; этот промысел ныне сильно упал.*

В центральных районах России *чумак* означало «замарашка, неумытый». В Казани и Перми *чумак* — «арендатор кабака».

Чупахин. Отчество от прозвища Чупах из нарицательного *чупаха* — «грязнуля, замарашка». Фамилия записана в Орле (1981 г.).

Чупрасов. Архаичное русское слово (по В. И. Далю — московское) *чупрасый* означало «маленький, пригожий». Фамилия записана в Коломне (1975 г.).

Чупыркин. Отчество от прозвища из нарицательного *чупырка* (тамбовское), которое означало «малорослый».

Чурилин. Отчество от именования Чурила, встречается в

древнерусских памятниках. Вероятно, это одна из форм канонического мужского имени Кирилл (колебание *у* — *и* воспринято еще из древнегреческого подлинника). В некоторых русских говорах встречается нарицательное (по В. И. Далю — иркутское) *чурилья* — «замарашка, грязнуля».

Чурин. Чуров. Чурин. Фамилии связаны с древнерусским именем Чур, или Чура, которым восточные славяне называли детей, вероятно, в честь Чура — славянского языческого божества домашнего очага. Форма имени Чурса образовалась из корня *чур* и древнего суффикса *-са* (См.: Федосюк Ю. А. Русские фамилии. М., 1981). Фамилии широко распространены в разных местностях.

Чуфаров. Приведенный В. И. Далем глагол *чуфариться* — «важничать, чваниться, щеголять нарядами» предполагает существование нарицательного *чуфар*, которое стало прозвищем, а отчество от него закрепилось в качестве фамилии.

Шабалин (встречается и написание Шебалин). Первоначально — отчество от прозвища из нарицательного *шабала*, в котором, вероятно, смешаны два разных слова: в южнорусских говорах *шабала* — «болтун» (так и в ряде сибирских), а в северных и поволжских — «ветошь, лохмотья».

Шаверин. По единственной всероссийской переписи 1897 года, фамилия была очень часта в Подборской волости Пинежского уезда. Первоначально — отчество от прозвища или нецерковного имени из нарицательного *шавера* «остатки, обрубки».

Шавкунов. Отчество от прозвища или нецерковного имени из нарицательного *шавкун* — в говорах Забайкалья «болтливый», «лживый» (Элиасов Л. Е. Словарь русских народных говоров Забайкалья. М., 1980). Фамилия зафиксирована в 80-х гг. XIX в. в Чиндатской волости Нерчинского округа (Центр. Историч. арх. Ленинград, ф. 1290, оп. 6).

Шаврин. Отчество от прозвища *Шавра* из диалектного глагола *шаврить* «бездельничать» («Словарь русских говоров южных районов Красноярского края». Красноярск, 1968).

Шагаев. В Забайкальских говорах *шагай* — «злой, угрюмый, нелюдимый (по словарю Л. Е. Элиасова); из этого слова образовалось прозвище, отчество от которого стало фамилией. Но фамилия засвидетельствована в центральной России (1912 г.) — на территории современного Старо-Юрьевского района (север Тамбовской области).

Шадрин. Отчество от прозвища или нецерковного русского мужского имени из нарицательного *шадра* «ямка от оспы на коже». Еще в доку-

ментах XVIII в. упоминается крестьянин Шадрин. Фамилия наиболее часта на Севере и за Уралом.

Шадринцев. Отчество — «сын шадринца», то есть прибывшего из гор. Шадринска (в Курганск. обл.). Фамилия документирована в XIX в. за Байкалом — в Батуринской волости Селенгинского округа (Центр. историч. архив. Ленинград, ф. 1290, оп. 6), указывая маршрут миграции (хороший пример, как фамилии раскрывают историю заселения).

Шадрунов. Фамилия зафиксирована в Кадуйском районе Вологодской области (1980 г.). «Словарь областного олонечского наречия» Г. Куликовского указывает диалектное слово *шадрун* «изуродованный» (его основа — *шадра* — см. Шадрин).

Шалавин (и Шелавин). Отчество от прозвища из диалектного нарицательного *шалава*, *шалавый*, значения которого в разных говорах очень различны: в одних — «беспутный, шалый», в других — «быстрый, проворный».

Шалыганов, Шалыгин. Отчества от прозвищ из нарицательных *шалыган*, *шалыга*. Диалекты сохранили слово *шалыган* «бездельник, шатун» (Мельниченко Г. Г. Краткий Ярославский областной словарь. Ярославль, 1961; «Словарь русских говоров Новосибирской области». Новосибирск, 1979); но в Забайкалье известен отыменный глагол *шалыганить* «шутить, смеяться» (Элиасов Л. Е. Словарь русских народных говоров Забайкалья. М., 1980).

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В этом году исполнилось 15 лет со дня выхода первого номера «Русской речи». За это время редакция получила около 30 тысяч писем, каждое из которых — свидетельство живого интереса друзей русского языка к материалам, публикуемым на страницах журнала. Особенно приятно отметить, что журнал приобрел значительное количество постоянных читателей. Вот строки из их писем:

«Ваш журнал один из любимейших. Его с интересом читают и стар и млад. Убеждалась в этом во время практики в школе со студентами: всегда находим интересный материал для учеников с 4 по 10 класс. Мои братья (историк и биолог) тоже с удовольствием читают его. Многие студенты находят для себя в журнале важное и необходимое. Искреннее спасибо за то, что журнал есть!» (А. Ф. Василенко, Абакан);

«Издаваемый Вами журнал я жду с большим нетерпением и с огромным интересом и удовольствием читаю его. Он является одним из любимых мною журналов и помогает разобраться во многих вопросах русского языка и литературы» (Е. И. Евсева, Ленинград);

«Выписываю Ваш журнал со дня основания. Считаю, что журнал нужен и специалистам, и неспециалистам. Хотелось бы пожелать, чтобы чаще в журнале печатались материалы о языке газет» (В. В. Краснов, Ярославль);

«В № 1 за 1967 год в журнале были сказаны замечательные слова: „Не любить родную речь нельзя, знать и чувствовать ее необходимо“. Читая журнал 15 лет, я пользуюсь им как настольной

книгой. Он прививает любовь к русской речи, борется за ее чистоту и культуру» (А. Н. Матвеев, Николаев).

В первые годы выхода журнала приходило много писем, в которых читатели сетовали на то, что некоторые статьи слишком специальные, трудные, не всем понятны. Высказывались пожелания об упрощении публикуемых материалов. Сейчас таких писем почти нет, и мы рады сознавать, что статьи теперь стали более доступными широкой публике. Есть материалы, которые вызывают у читателей особый интерес. Это, прежде всего, рубрика «По Золотому кольцу России» — рассказы о старинных русских городах Суздале, Ростове Великом, Костроме, Шуе, Палехе и других. Например, рабочий В. А. Аграбчев (Суздаль) написал нам, что, прочитав статью о Суздале, он узнал много нового об этом удивительном городе, хотя живет в нем всю жизнь. Семье Шустовых (Ташкент), В. Н. Горбачевичу (Клин), Н. А. Самсонову (Одесса) и другим понравились материалы «Времена года» Т. В. Горячевой, в которых рассказано о названиях месяцев в русских говорах. Монтажник из Абакана П. П. Мережев пишет: «Меня заинтересовали наименования географических объектов на трассе Байкало-Амурской магистрали. Хотелось бы узнать о них побольше». Читатели Морской Н. П. (Курск), Михайлов А. Д. (Новосибирск), Плешнев М. О. (Дедовск) и другие, ознакомившись со статьями Т. В. Сергеевой «Таюра», «Улькан», «Усть-Кут», просят нас продолжить публикации на эту тему.

В редакцию приходит огромное число писем, в которых содержится просьба рассказать о происхождении имен или фамилий. Так, например, весь 7 «А» класс средней школы № 13 города Барановичи решил узнать происхождение имен, очевидно, — судя по списку, — всех учеников. Этим ребятам и другим читателям советуем обратиться к «Справочнику личных имен народов РСФСР», М., 1979. В нем представлено около 36 списков наиболее употребительных имен народов нашей многонациональной страны.

О происхождении русских фамилий на письма читателей отвечает, как правило, В. А. Никонов, автор «Словаря русских фамилий». Но при этом необходимо учитывать, что исследование происхождения каждой фамилии — это большой научный труд, на который требуется время, да и не всегда можно найти сведения обо всех фамилиях. Нетерпеливых авторов писем, требующих срочных ответов, просим об этом помнить.

Во многих письмах содержится просьба рассказать о новых книгах по русскому языку, о словарях и справочниках. Редакция в своих номерах старается сообщать о новой литературе по лингвистике. Читатели Г. К. Пруслина, И. К. Мызенкова, А. Т. Бубок, Т. И. Кузнецова, А. Е. Малинин (Москва), Б. Д. Пермяк (Уфа),

семья Сыромятниковых (Горький) и др. интересуются вопросами управления слов в русском языке. Спрашивают, например, о том, как правильно сказать: *письмо матери* или *письмо к матери*, так как здесь может возникнуть двусмысленность (чье письмо? и письмо к кому?). Чтобы ее устранить, нужно в значении «письмо, адресованное матери» употреблять сочетание *письмо к матери*.

Много трудностей возникает при выборе предлогов, например: *в* или *за* (при указании времени): *в один день* или *за один день*; *в* или *на* (при указании местонахождения, сферы деятельности): *в кухне* или *на кухне* и много других.

Читатель М. А. Большаков (Ленинград) пишет: «Часто при работе над текстом возникают трудности, связанные с выбором нужной падежной формы и подходящего предлога. Где можно проконсультироваться по этому вопросу?».

Сообщаем, что для помощи лицам, работающим над усовершенствованием текста, над выбором вариантных конструкций, издательство «Книга» выпустило в свет словарь-справочник «Управление в русском языке» (М., 1981). Его автор — Д. Э. Розенталь, один из ведущих специалистов по русской стилистике.

Основное назначение словаря: предупреждение и исправление ошибок (грамматическая задача) и выбор оптимального варианта (стилистическая задача). Пользуясь этим словарем-справочником, можно найти ответы на очень многие вопросы. Он полезен и специалистам (корректорам, редакторам), и школьникам, студентам и учителям.

Любителей русского языка постоянно волнуют проблемы устной и письменной речи. Значительную часть почты, поступающей в редакцию, составляют возражения против употребления слов или выражений, которые, по мнению читателей, засоряют нашу речь. Решительный протест вызывают коверканье языка, вульгаризмы. Например, А. П. Хорева (Москва) призывает бороться с неточностями в употреблении слов, бережно относиться к русскому языку.

В телефонном разговоре, помимо других слов, можно услышать и такие: «Ну, давай, ну, пока». «Зачем нужны ничего не значащие слова?» — спрашивает автор письма.

Авторы писем выступают против злоупотребления штампами и канцеляризмами. Читатель А. Р. Палей (Москва) считает, что в языке газет часто употребляются штампы и ненужное украшательство. Он пишет: «Не скажут — *поезда метро — голубые экспрессы*, хоть они и не всегда *голубые* и совсем не *экспрессы*. Открывается новая школа, детский сад, универмаг — «гостеприимно», *распахнулись двери*. Построили больницу — «корпуса здоровья», «этажи здоровья», или — «подарок строителей». Откуда эти штам-

ны? От стремления «говорить красиво». В газетной спешке некогда придумывать новые образы — приходится хвататься за старые».

Редакция считает, что вопрос, затронутый А. Р. Палеем актуален, он волнует не только читателей, но и профессионалов — людей пишущих. На эту тему в № 1 1982 года была опубликована статья Л. И. Скворцова «О канцеляризмах и штампах», в которой содержатся обширные наблюдения над языком печати, выводы и рекомендации. Журнал будет и впредь уделять большое внимание этой злободневной теме.

Библиограф И. Г. Моргенштерн (Челябинск) обратил внимание на ошибочные, с его точки зрения, словосочетания «писатели и поэты», «русские и советские писатели...» — «очевидно, что поэты также являются писателями, а советские писатели могут быть не только русскими», — пишет он. От себя добавим, что конструкцию «писатели и поэты» (вместо традиционной «прозаики и поэты») нередко можно встретить теперь и на страницах «Литературной газеты» и «Литературной России».

«Когда читаешь книги иностранных авторов, — сообщает писатель П. П. Дудочкин, — переведенные на русский язык, или смотришь дублированные зарубежные фильмы, с некоторых пор вольно-невольно замечаешь, что герои произведений чересчур часто произносят жаргонное слово *заткнись*. Иной раз оно не соответствует духу разговора, а значит, неубедительно, отчего поведению героев веришь меньше».

Если мне удавалось познакомиться с произведением в оригинале, приходилось, обложившись словарями, сличать текст авторский с текстом переводчика, и обнаруживалось вот что: кое у кого из переводчиков нет-нет да и наблюдается нечто вроде странной привычки слишком упрощать суть переводимого слова, не считаясь с его художественными красками. Слова с многочисленными оттенками, например, *замолчи, умолкни, не говори, не возражай, не рассуждай, не спорь, хватит, довольно, уймись* и многие другие часто переводятся одним хлестким словечком *заткнись*.

Жаль, что, оценивая зарубежные книги и фильмы, критики не всегда обращают внимание на родство красок словесной ткани в оригинале и в переводе. Эта важная в литературе и в искусстве тема ждет своих исследователей».

А. Ф. Смирнов, инженер-переводчик из Москвы прислал подробный разбор стихотворения «Спасательная лодка» (перевод с английского), опубликованного в газете «Советская культура» (1981, 4 сент.), в котором он отмечает ошибки в употреблении морских терминов, неточности перевода. В частности, он пишет: «Как бы вы отнеслись к тому, если бы старого моряка, спасшего, может быть, не одну человеческую жизнь, вырастившего помощника-сына,

заменившего в этот трудный час его самого, описывали такие слова:

На эту смотрит суету
Старик, выдавший виды зверь...

Англичане — нация, уважающая моряков. И в нашей литературе об отважных мореходах есть подходящее название «морской волк».

Хотелось бы, чтобы не было «подводных камней» в тонкостях словоупотребления на стыке нерусской и русской речи.

М. Ю. Куликов просит чаще рассказывать о новых словах и выражениях, которых нет еще в словарях русского языка. О том же нам пишет кандидат филологических наук Д. Е. Горелик из Астрахани. Он говорит, что, например, толковыми словарями не регистрируются переносные значения слова *отчекржжить*, и считает, что такого типа слова следует включать в словари языка писателей, так как они передают особенности индивидуально-авторского словоупотребления. Читатель А. Е. Евлапов (Дятлово, БССР) и другие прислали списки слов, которых нет в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и которые могли бы, по их мнению, войти в этот Словарь (например, ластовица, баланда и др.).

Учитель русского языка и литературы М. Цыплаков из совхоза «Новый Урал» Челябинской обл. в своем письме в редакцию рассказывает о том, что он внимательно прислушивается к речи окружающих и записывает в свою тетрадь меткие народные выражения, а иногда придумывает их сам, например: «Гордился пень, что на троне стоял и быстро выходить из леса не давал».

Учитель из Зеленограда К. И. Прохоренко написал о необходимости введения в школьные орфографические словари и учебники спортивной терминологии, так как она широко употребляется в речи учащихся. Он рассказал об интересном эксперименте, проведенном им с учениками 6—7-х классов:

«В двух шестых и двух седьмых классах я предложил ребятам в течение 15 минут записать самые важные на их взгляд слова на спортивную тему. Шестиклассники, в среднем, записали по 20—23 слова, а семиклассники — по 30—35. В поданных листочках оказалось более 600 различных слов из спортивной лексики.

Хочется заметить, что в школьных учебниках издавна укоренился природоведческий характер словарного состава упражнений, что не соответствует задачам разностороннего развития детской лексики и не вполне учитывает интересы детей, в числе которых спорт находится на одном из первых мест».

Некоторые читатели [П. М. Ковтун (Жмеринка), А. Л. Лопатов (Уфа), О. А. Ильяшенко (Киров) и др.] присылают в «Русскую

речь» собственные стихи, пародии, афоризмы и другие произведения. Мы благодарим всех за внимание к нашему журналу, но напоминаем, что он не литературный, и лишь в необходимых случаях мы приводим образцы поэзии и прозы классиков русской и советской литературы.

Во многих письмах читатели высказывают мысль о том, что общая культура человека неразрывно связана с культурой речи. Поэтому и понятно желание людей узнать как можно больше о языке. Об этом свидетельствуют многочисленные вопросы, на которые журнал отвечает в рубрике «Читатель спрашивает».

Мы благодарим всех наших корреспондентов, советы и пожелания которых определяют планы редакции и содержание журнала, и надеемся, что наше плодотворное сотрудничество будет продолжаться.

Обзор писем читателей подготовила

И. М. БЕСПАЛОВА

Ответы на кроссворд

По горизонтали: 1. Путь. 6. Хорей. 7. Образ. 10. «Му-
жики». 11. Дикция. 13. Князь. 16.
Степан. 18. «Ивушка». 19. Денни-
ца. 22. «Кинжал». 24. «Азлита».
26. Диана. 28. Сказка. 29. Тризна.
30. Дудин. 31. Палех. 32. Ваган-
ты.

По вертикали: 2. «Ученик».
3. Лыбедь. 4. «Дорида». 5. Майков.
8. Гусев. 9. Вирши. 12. «Осколки».
14. Яичница. 15. Малахай. 17. На-
дел. 18. Итака. 20. Аника. 21.
«Жизнь». 23. Арзум. 25. Эпитет.
26. Данила. 27. Атлант.

Редакционная коллегия:

**Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОР-
ШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ,
В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО
(зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь),
Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СО-
РОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН**

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*

Художественный редактор *Т. А. Михайлова*

Корректоры *Е. И. Евдокимова, В. В. Беляев*

Сдано в набор 12.04.82. Подписано к печати 8.06.82 Т-10519

Формат бумаги 84×108/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4

Усл. кр.-отт. 430,1 тыс. Уч.-изд. л. 9,7 Бум. л. 2,5 Тираж 49951 Заказ 1557

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25⁴
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10